

009

ПОЦЕЛУЙ

ДЖОСС ВУД

Всего лишь
поцелуи

 HARLEQUIN® KISS

Бизнесмен Люк Сэвидж привык полагаться только на себя и лично принимать решения. Поэтому, когда в его офисе появляется молодая, самоуверенная и немного наивная практикантка Джесс Шервуд, которая в пух и прах разносит маркетинговую стратегию доставшейся ему по наследству винодельни, Люк приходит в ярость. Заткнуть рот дерзкой девчонке можно лишь... пылким поцелуем. Спустя восемь лет винодельня Сэвиджа оказывается на грани краха. Люк понимает: спасти дело всей его жизни может грамотная реклама. Разработать кампанию берется все та же Джесс, ныне успешная владелица собственной фирмы. Ее идеи и навыки — выше всяких похвал, только вот Люк по-прежнему сходит по ней с ума и не может забыть тот давний поцелуй...

Джосс Вуд

Всего лишь поцелуй

Моим детям, Рурку и Тесс, самым смышленным и красивым

Восемь лет назад...

— Итак, я считаю, что маркетинговая стратегия, представленная вашими людьми, банальна, бестолкова и совершенно не учитывает демографические характеристики, исследования рынка и устремления конкурентов. Она состряпана на скорую руку, и, если вы последуете ей, гарантирую, что через пять лет потеряете большую часть доли на рынке — если не весь свой бизнес.

Люк Сэвидж смотрел на другой конец захламленного стола, туда, где на краешке стула примостилась серьезная девушка, лицо которой горело юношеским рвением и здоровой долей самонадеянности. Опять забыл, как же ее зовут? Он скользнул взглядом по лежавшей перед ним анкете. Джесс Шервуд. Ей — двадцать два, и она получает степень магистра в сфере маркетинга. Ее школьные и университетские достижения впечатляли, но в анкете не упоминалось, что она обладала невероятной красотой.

Натуральная блондинка с карими глазами.

Она была совершенством по всем статьям, и, ей-богу, прекрасно это знала.

Люк сохранил невозмутимость, когда она изящно скрестила длинные стройные ноги. На ней было короткое платье с оборками, которое спадало с одного плеча, демонстрируя тонкую фиолетовую бретельку бюстгалтера, подпоясанное на бедрах широким кожаным ремнем. Платье было слишком коротким и сексуальным для делового наряда, но она носила его с беззаботной самоуверенностью.

Обычно сдержанного, Люка озадачивали ее самомнение и наглость. Ее взяли стажером на время летних каникул, позволив пройти практику в отделе маркетинга Сен-Сильва — недавно унаследованной им винодельни, принадлежавшей многим поколениям его семьи. Девушка вломилась в его кабинет и заявила, что «считает своим моральным долгом» (на этой фразе рот Сэвиджа презрительно скривился) сказать, что его решения — полный отстой, а маркетинговый план никуда не годится. А еще ей хватило дерзости предсказать крах его бизнеса!

Ее мобильный зазвонил, и Люк раздраженно шикнул, когда она вытащила из сумки телефон. Джесс одарила Люка улыбкой — очаровательной, но лишенной и тени извинения.

— Простите, я должна ответить.

«Ну что вы, какие пустяки, я ведь всего лишь ваш босс! — недовольно подумал он. — Почему бы мне не подождать, пока вы закончите ворковать?»

Он ощущал себя гораздо опытнее, старше Джесс лет на двадцать, а не на шесть, как было на самом деле. Университетские годы остались воспоминанием, потускневшим от 14—16-часовых рабочих дней, заполнявших его жизнь на протяжении последних семи лет. Люк чувствовал себя донельзя утомленным, и, будь у него хоть немного сил, вскочил бы, выдернул у нее мобильный и в ярости грохнул бы его об пол.

Ее слова так и стучали в голове: «Вы потеряете большую часть доли на рынке...»

Черт, он терял Сен-Сильв. Это был провал... Не по его вине, не из-за его ошибки потому что Люку с детства запрещалось ошибаться. Спорт? Он отличился в большинстве видов спорта. Учеба? Прекрасная успеваемость и множество предложений по работе обернулись такими успехами, что три года назад Люк основал венчурную компанию. Брак?

Ладно, в этой сфере он напортачил, но через пару недель его развод будет оформлен, и Люк избавится от поглощающего кредитные карты чудовища, на котором его угораздило жениться.

Теперь, если бы Люку удалось выставить из кабинета другое чудовище, не задушив ее при этом, он счел бы себя святым.

Джесс сунула мобильный в сумку и выжидающе взглянула на Люка. Заносчивая, бесцеремонная маленькая стерва.

Хотя и сексуальная...

Его ботинки опустились с угла стола на пол, и Люк поднялся, ничем не выдавая свой гнев. Как всякий ребенок, выросший с неуравновешенным, придирчивым отцом, — мать Люка умерла, когда ему было три года, — он рано узнал, что открыто выражать эмоции не стоит, и до совершенства отточил стоическую маску.

Джесс непринужденно откинулась на стуле, и еле заметная улыбка приподняла уголки ее обольстительных губ.

— Интересная перспектива, — заметил Люк и, увидев, что практикантка хочет что-то сказать, поднял палец, заставив ее замолчать. — Точнее, она была бы таковой, если бы меня волновало ваше мнение.

«Это для начала», — подумал Люк. Положив руки на стол, он устрашающе наклонился вперед, наконец-то продемонстрировав владевшую им ярость. И остался доволен, когда глаза Джесс округлились и она прикусила нижнюю губу.

— Вы — заносчивая сопливая девчонка! — Люк произнес это ровно, понимая, что сказанная холодно резкость возымеет больший эффект, чем гневные тирады и бессвязные крики. — Как вы смеете заявляться в мой кабинет и учить меня, что делать с моим бизнесом? Какого черта вы о себе возомнили?

Он повысил голос, и Джесс вздрогнула. Но, черт возьми, явно не испугалась!

— Вы не понимаете...

— Я понимаю только одно: вы — славная смышленная девчушка, которой вечно твердили, как она умна, толкова и талантлива. А еще красива. И после всех этих лестных заверений разве могли вы подумать, что я не захочу слышать жемчужины мудрости, играючи слетающие с ваших губ?

Джесс вскочила.

— Люк, я...

— Для вас — мистер Сэвидж! Я — ваш босс, а не ваш друг! Если хотите добиться успеха, поучитесь-ка скромности и почтительности! У меня тоже есть степень магистра, дорогуша, и я управляю преуспевающей компанией вот уже несколько лет. Я трудился до седьмого пота, чтобы заслужить право иметь собственное мнение. А у вас такого права нет!

— Перестаньте кричать на меня!

Стоило воздать должное ее храбрости. Часть его любовалась этими метаящими молнии глазами, пышной грудью и высокими скулами с красными пятнышками гнева.

— Я не виновата в том, что ваш маркетинговый план — отстой! Я лишь говорю, что винодельня пострадает, если вы серьезно его не подкорректируете!

— Потому что вы так говорите?

— Да! Потому что я чертовски хорошо в этом разбираюсь. Я просто знаю, что это не сработает!

— Теперь у вас еще и хрустальный шар есть? И вы можете поведать, оберут ли меня до

нитки в результате развода или упадут ли цены на нефть?

— Да, вас обернут до нитки — не нужно было жениться на охотнице за деньгами! И — нет, цена на нефть продолжит неуклонно расти. Ситуация на рынке сейчас недостаточно стабильна, чтобы она упала, — отчеканила Джесс.

Неужели она не уловила сарказм?

— Работая здесь всего пару месяцев, вы, похоже, с головой влезли в эту винодельческую чепуху.

Джесс улыбнулась:

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Знаю.

Он готов был убить ее! Люк выскочил из-за стола и схватил ее за узкие плечи.

— Не могу решить, задушить вас или только отшлепать.

Джесс запрокинула голову, отчего ее медового оттенка кудри рассыпались по плечам, и подняла на него вызывающе дерзкие карие глаза, казавшиеся почти черными.

— Вы не из тех, кто способен ударить женщину. И вы так злитесь только потому, что знаете: я права.

— Злюсь? Я не злюсь, я взбешен!

Джесс дернула плечами, которые он все еще сжимал.

— Но почему? Я всего лишь говорю правду.

Ее наглость выводила Люка из себя, но еще больше злило то, что эта девчонка его возбуждала.

— Вы — нахальная, самодовольная, хвастливая и тщеславная, — пробормотал Люк, скользнув губами вниз, к ее рту. В ее глазах, неотрывно смотревших на него, Люк видел вызов... а еще полнейшее неприятие неудачи. Впрочем, он и сам никогда не пасовал перед трудностями.

Джесс вскинула подбородок, и Люк ощутил ее дыхание на своих губах. В его руках она казалась такой хрупкой, и, даже осознавая, что играет с огнем, Люк не мог позволить ей уйти...

— Тогда почему вы собираетесь поцеловать меня?

— Потому что это — единственный способ заставить вас заткнуться! — прорычал Люк.

— Но я вам не нравлюсь.

— Боже, сколько вам лет? Физическое влечение не имеет ничего общего с симпатией.

— Имеет.

— Как вы наивны!

— Если поцелуете меня, совершите ошибку, — прошептала Джесс, но ее губы уже потянулись к его губам.

— Слишком поздно, черт возьми.

Треск электрических искр прорезал пространство, стоило Люку рывком притянуть стройную фигурку к своему твердому торсу и зарыться пальцами в белокурые волосы. Он прижался к губам Джесс в поцелуе, рукой пробежался вниз по ее спине и крепко прижал Джесс к себе. В самом низу живота тягостно заныло, когда он коснулся ее бедер своими, а ее руки скользнули ему под рубашку, поглаживая по спине и плечам.

Ни одна женщина еще не распалила его так быстро. Люк закрыл глаза, когда ее язык порхнул по его нижней губе, чтобы потом переплестись с его языком. Одной рукой Люк

придерживал голову Джесс, другой уже касался ее груди, плавно потирая большим пальцем приятную выпуклость...

Это зашло слишком далеко. Он должен прекратить. Сейчас же.

Но вместо этого он пробежал ладонями вверх по задней части ее шелковисто-мягких бедер и сжал ее за ягодицы.

«Ничего себе! — удивился Люк, ощутив под руками лишь теплую кожу. — Где же ее трусики?»

Поцелуй стал еще глубже, из безумного превратившись в прямо-таки необузданный.

Вдавив Джесс в свой мощный торс, Люк стал настойчиво мять ее попку и... нащупал трусики. Ультратонкую полоску хлопка. Он скользнул пальцами вверх, по Т-образному пересечению ниточек стрингов, и, нырнув большим пальцем ниже, под пересечение полосок, потер мягкий и гладкий участок кожи. Он мог сдернуть эту веревочку одним движением...

Люк оторвался от Джесс, с шумом втянул воздух ртом и схватился за край стола, чтобы удержать равновесие. Со сверкающими глазами, припухлыми губами и растрепанными волосами, она выглядела восхитительно. Он мог взять ее прямо сейчас, здесь, в этих лучах заходящего солнца.

Люка потрясло осознание того, как сильно он хотел видеть ее обнаженной, растянувшейся на столе... Он уже представлял, как пожирает разгоряченным взглядом ее тело, как ее кожа вспыхивает от удовольствия...

Люк собрал последние запасы выдержки и почувствовал, как к нему возвращается самообладание. Когда его большой мозг взял верх над маленьким, он выпрямился и молча указал на дверь.

Джесс кивнула, поправляя платье.

— Правильно, мне пора уходить. — Покачнувшись на каблуках, она достала из своей вместительной сумки конверт и положила его на стол. — Вот, маркетинговая стратегия — альтернатива той, что у вас уже есть. Мы можем обсудить это в другой раз?

Нет, это просто невероятно!

Она слышала хоть что-нибудь из того, о чем он говорил перед тем, как за каким-то чертом поцеловал ее? Судя по всему, нет.

Люк покачал головой.

— Я так не думаю.

Ее изогнутые дугами брови нахмурились.

— Почему?

Люк обошел стол и плюхнулся в кресло.

— Потому что вы уволены. Соберите вещички и убирайтесь отсюда. Немедленно.

«Джессика!

У меня, похоже, не хватает одного из моих шуновских ножей. Разделочного. Если ты мне его не вернешь, я буду вынужден просить тебя заменить нож, ведь я купил его во время нашей поездки в Штаты. Они продаются в розницу примерно по 200 долларов.

Грант».

Джесс Шервуд опустила голову, дожидаясь, пока электронное письмо перелетит в папку «Удаленные». Грант чего-то обкурился, если решил, что она заплатит ему хоть еще один цент. Кто, в конце концов, поддерживал его расточительный образ жизни, когда Грант потерял работу и пытался создать свой бизнес?

И, пока Джесс щедро снабжала Гранта деньгами и сочувствием, он находил себе развлечения — каждый день, когда она отправлялась на работу. В обществе блондинки, живущей в доме напротив.

Вот скотина!

Дверь в кабинет открылась, и вошла Элли с айпадом в руке. Джесс не уставала благодарить судьбу за то, что ее квалифицированный офис-менеджер — по совместительству ее лучшая подруга.

— Что с тобой? — спросила Элли, усаживаясь напротив.

— Грант. Опять. Ищет нечто под названием «шувовский нож». Гм... что это вообще такое?

Элли, прекрасно осведомленная об отсутствии у Джесс кулинарных навыков, улыбнулась:

— Речь идет о марке дорогих кухонных ножей. Очень хороших.

— Ну, если я и найду что-то в этом роде у себя на кухне, так это твое, — нахмурилась Джесс. — Грант пытается издеваться надо мной.

Дерзкие алые губы Элли скривились.

— Судя по твоему виду, ему это с блеском удается.

Джесс наморщила нос.

— Он мерзкая личинка, растущая в навозе...

— Ну да, я уже слышала это раз сто. Прошло несколько месяцев, а ты все злишься?

Прошел год с тех пор, как Грант лишился перспективной работы бренд-менеджера известной сети магазинов, и шесть месяцев с тех пор, как Джесс застукала его в их постели с этой... как ее там... у которой дурацкая татуировка с изображением Дональда Дака на заднице...

Когда Джесс вошла в спальню, девица скакала наверху, так что этот рисунок навеки отпечатался в памяти.

Этот эпизод отбросил Джесс в ужасный период ее подростковых лет, когда... Нет, она не собиралась вспоминать об этом. Достаточно было и того, что теперь она познала боль измены не только на чужом, но и на собственном опыте.

И сейчас Джесс не сомневалась в том, что женщина, вверившая контроль над эмоциями мужчине, была или отчаянно храброй, или неизлечимо чокнутой. К ней самой ни то ни другое не относилось.

— И что же? — покачала головой Элли, когда Джесс промолчала. — Мы делились всем, от твоих панических страхов забеременеть до моих связей на одну ночь, так поговори же со мной!

Джесс через силу улыбнулась:

— Конечно же я злюсь, но и на себя тоже. Ведь я оказалась недостаточно проницательной для того, чтобы увидеть его измену!

Элли встала и подсунула две чашки под струю кофеварки. Потом протянула Джесс чашку и, отойдя к окну, взгромоздилась на подоконник.

— По дороге на работу я поговорила с Ником.

Лицо Джесс озарилось улыбкой. Как же чудесно было снова обрести брата после всех тех лет, что он маячил где-то на задворках ее жизни!

— Он так счастлив с Клем, между ними — нечто особенное! Последний из моих непутевых братьев наконец-то остепенился.

— А ты все порхаешь? И это беспокоит тебя, потому что братья все сделали правильно, а ты — нет. Любовь — не соревнование, Джесс. Знаешь, в чем твоя проблема?

— Нет, но сейчас ты мне это скажешь, — проворчала Джесс, сомневаясь, что хочет услышать мнение подруги. Та критиковала не в бровь, а в глаз.

— Ты сама подняла эту тему, — напомнила Элли. — Я должна сказать тебе то, что ты хочешь услышать, или правду?

— Хорошо, я приму пилюлю для храбрых девочек, — вздохнула Джесс. — Бичуй меня.

— Ты так боишься быть уязвимой, что пытаешься контролировать буквально все.

Услышав свою мысль о контроле, озвученную Элли, Джесс испытала шок. А подруга продолжила:

— Тебя устраивает то, что ты одна, и даже больше — то, что ты не влюблена. Для тебя влюбиться — значит потерять контроль над собой. А для фанатика контроля это — самая страшная вещь на свете.

— Я не фанатик контроля! — с пылом возразила Джесс.

— Да ты обожаешь контроль! Поэтому-то и выбираешь мужчин, которыми можешь управлять.

— Ты мелешь чепуху, — надулась Джесс.

— Ты знаешь, что я права.

Элли выглядела слишком самодовольной, и Джесс решила, что настало время поработать. Элли изложила свежие новости, а Джесс дала необходимые указания и пробежалась по некоторым офисным вопросам. В разгар обсуждения секретарша переключила на телефон Джесс звонок Джоэла Андерсена, солидного конкурента, компания которого владела филиалами по всей Южной Африке. Джоэл был одним из немногих людей в отрасли, которых Джесс искренне любила.

Элли хотела выйти, но Джесс отрицательно покачала головой и нажала кнопку громкой связи. Джоэл сразу перешел к делу:

— Мне интересно... что ты решила насчет имейла от Люка Сэвиджа? Ты ведь собираешься на его оперативное совещание по поводу новой маркетинговой стратегии? Ну, той, для развития его винодельни? Я подумал, если мы успеем на один рейс в Кейптаун, можем вместе добраться до Сен-Сильва.

Сердце Джесс учащенно забилось, и она бросила взгляд на монитор: нет, она не получала никакого имейла от Люка Сэвиджа...

Что ж, оставалось только выкачать из Джоэла побольше информации.

— Так что ты думаешь?

— О Сен-Сильве? Сэвиджу и правда нужна стратегия... Я слышал, он поручил провести анализ состояния рынка, он открыт для чего-то нового и продвинутого. Но, учитывая двухсотлетний опыт винодельческих традиций и богатую историю Сен-Сильва, это может привести к негативным последствиям.

Джесс не считала так восемь лет назад и не соглашалась с этим теперь. Рыночную стратегию Сэвиджа стоило обновить. Все эти годы она следила за винодельней и была расстроена снижением ее доли на рынке. Реклама была неинтересной, этикетки — скучными, кампания по продвижению — консервативной.

— Секретарша как раз обновляет мой айпад... я забыла, когда намечено совещание? — солгала она.

— В пятницу утром, в десять тридцать, на территории винодельни, — ответил ничего не заподозривший Джоэл. — Ну как, я попрошу свою секретаршу просмотреть расписание рейсов?

— Мм... мне нужно встретиться с клиентами в Кейптауне, так что, возможно, я полечу раньше, — на ходу сочинила Джесс, и Джоэл отключился.

Черт побери этого Сэвиджа и его оскорбленное самолюбие! Джесс решительно поднялась, уперев руки в бока.

— Что тебе известно о Сен-Сильве?

Элли задумчиво сдвинула брови.

— Это хозяйство производило отмеченные наградами вина, но качество не вылилось в существенные продажи.

На это потребовалось чуть больше времени, чем отпускала Джесс, но ее прогнозы оправдались... и ей было грустно. Как же ей хотелось ошибиться! Хозяйство Сен-Сильв располагалось близ городка Франсхук — это была одна из немногих виноделен, принадлежавших семье французских поселенцев, которые обосновались в долине в начале девятнадцатого века. Джесс от души наслаждалась тремя месяцами, которые провела в этом поместье: ее заворожили строения, типичные для архитектуры Капской колонии, с побеленными наружными стенами, декоративными фронтонами и соломенными крышами. Помимо главной резиденции и гостевого дома, в хозяйстве имелись погреб, конюшня и подсобно-производственные помещения.

А еще там был Люк Сэвидж, нынешний владелец, который выгнал ее, одарив на прощание страстным поцелуем.

Джесс кратко пересказала эту историю Элли.

— Неужели он тебя уволил?

— Я это заслужила. В двадцать два я слишком много о себе мнила. Как ни противно это признавать, я благодарна Люку Сэвиджу за главный урок своей жизни. Меня нужно было поставить на место, дать понять, что быть лучшей на курсе и уметь бездумно пересказывать учебники — еще не значит что-то представлять собой в деловом мире.

Джесс устремила на Элли полный стыда взгляд.

— Мы скандалили, кричали друг на друга, а потом он меня поцеловал. Он потрясающе целуется! В этом ему нет равных.

— Ого!

— Даже не знаю, могу ли я назвать то, что произошло между нами, лишь поцелуем...

это было слишком пылко, сногшибательно!

Да и сам Люк Сэвидж был одним большим, высоким воплощением великолепия: дерзкие темно-зеленые глаза, волосы шоколадного оттенка, загорелая кожа. Список его достоинств можно было продолжать до бесконечности: широкие плечи, крепкие бедра, длинные ноги...

— Эй, Джесс? Ты где?

— Прости, все витаю в облаках.

— Он, похоже, восхитителен, но... что ты решила насчет Сен-Сильва? Отправишься на совещание?

— Без приглашения? — Джесс подняла глаза к потолку. — Не искушай меня. Как бы мне хотелось заняться этим проектом!

Перед мысленным взором так и замелькали рекламные картинки... Поток креатива забурлил в Джесс, а ведь у нее даже не было задания! Увы, Люк оставался единственным мужчиной, которому удалось вызвать короткое замыкание в ее сознании одним поцелуем... и, если она оказалась такой чувствительной, ей не стоило работать на него.

— Позвони парню сама! — предложила Элли.

— И не подумаю. Мы не поладили. — Джесс вскинула руку, предупреждая возражения подруги.

И почему всякий раз, когда она думала о Сэвидже, в животе начинали порхать бабочки? Это было так давно... и все же мысль о том, что она увидит его снова, заставляла Джесс нервничать и... распалаться.

Люк Сэвидж сидел на ветхой кушетке на веранде своего дома, оперев потрепанные ботинки в не менее потрепанный дубовый стол, и тяжело вздыхал. Поднеся бутылку пива к губам, он отправил ледяную жидкость в пересохшее горло.

Открыв глаза, Люк увидел, как солнце садится за величественную гору Саймонсберг, маячившую над винодельней. Стало прохладно, и он натянул на себя трикотажную, с кожаными вставками, куртку.

— Я так понимаю, ты уже видел финансовую отчетность за прошлый месяц, — нарушил молчание Кендалл.

— Мы так и не вышли на безубыточный уровень. Я не могу продолжать вбухивать деньги в Сен-Сильв. — Люк сел прямо и, когда два его близких друга промолчали, добавил: — Пора бы хозяйству перейти на самостоятельное финансирование.

Кендалл де Вильер покачал головой.

— Мы прекрасно знаем, что перед смертью твой отец извлек из этого бизнеса весь оборотный капитал, оставив тебя с солидным превышением кредитного лимита и колоссальными долгами. Ты оплатил львиную долю этих долгов...

— ... деньгами, которые я заработал на других сделках — не средствами винодельни, — подхватил Люк.

Кендалл знал его бизнес как свои пять пальцев: он был не только его бухгалтером и финансовым аналитиком, но и младшим партнером в венчурной компании.

— Мы производим хорошие вина, — небрежно бросил Оуэн Блэк.

Его вялая манера говорить не могла обмануть Люка. Оуэн был одним из самых увлеченных трудяг, которых он когда-либо встречал. Управляющий хозяйством, ответственный за виноградники, маслины, фруктовые сады и сыроварню, он рано вставал и

поздно ложился. Точно так же, как и сам Люк.

— За последние годы ты получил несколько высших наград, включая звание «Винодела года», — продолжил Оуэн.

— Это ничего не значит, если наши вина не продаются, — возразил Люк. — Они не расходятся — ни из здешних погребов, ни с прилавков магазинов.

Когда оба друга снова промолчали в ответ, Люк скривил губы и озвучил то, о чем они, очевидно, думали:

— А все потому, что наша маркетинговая стратегия — полный отстой. Скучная, старомодная... И как я не понимал этого раньше?

«А ведь одна дерзкая девчонка когда-то говорила мне об этом, — подумал Люк. — Эх, дел у меня было по горло... Казалось, можно на какое-то время пустить все на самотек... Глупо, глупо, глупо!»

Традиция Сэвиджей «позволить винам говорить самим за себя» заглушалась шумными рекламными кампаниями и яркими этикетками конкурентов. Но Люк не изменил свой подход, ведь традиция в Сен-Сильве была всем. Разве дед и отец не вдавливали в него это? Совершенство и традиция — вот за что боролись мужчины рода Сэвиджей.

Люк получал лестные оценки за совершенство, но традиция убивала его. Нужно было что-то незамедлительно менять. Если он не предпримет меры по увеличению объема продаж, ему придется или продать Сен-Сильв, или смириться с тем, что вся прибыль, получаемая с других проектов, будет идти на финансирование винодельни.

Кендалл вернулся к теме маркетинговой стратегии, и Люк вспомнил, что где-то валялся план, который мисс Выскочка бросила ему на стол много лет назад. Куда же он подевал ту бумагу? Было бы интересно взглянуть, что она предлагала...

— Напомни, кто будет на совещании? — попросил он Кендалла.

Другу не нужно было сверяться с компьютером, чтобы пробежаться по именам.

— А «Джесс Шервуд концепт» — нет? — осведомился Люк.

— Ты ведь особо подчеркнул, чтобы эту фирму не приглашали! — запротестовал Кендалл.

Люк вскинул руку, утихомиривая друга.

— Я просто проверяю.

Кендалл покачал головой:

— Понятия не имею, почему ты так на этом настаивал. Это молодая фирма, но за последние годы Джесс Шервуд провела несколько впечатляющих кампаний.

— И ты не хочешь позвать ее? — удивился Оуэн. — В чем проблема?

Джесс Шервуд. Он все еще помнил большие карие глаза и белокурые, медового оттенка локоны, высокую стройную фигуру и гладкую кремовую кожу. Помнил ее вкус... сочетание земляничного блеска для губ и мятной жвачки. Люк почти забыл, как выглядела его бывшая жена, зато помнил треугольник из веснушек под правым ухом Джесс.

Он скорее съел бы свой галстук, чем обратился к ней за помощью. Она была острым шипом в его памяти... самым пылким сексуальным приключением его жизни. И помнится, она разобралась, к чему идет дело. А Люк, со всеми своими дипломами и опытом, хваленой способностью вникать в самую суть бизнеса и определять уязвимые места, не смог сделать это — для своей же винодельни.

— А чем тебя не устраивает Джесс Шервуд? — нахмурился Оуэн.

— Джесс стажировалась в Сен-Сильве тем летом, когда я унаследовал хозяйство. Мой

развод с сестрой сатаны был в самом разгаре, я не хотел заниматься винодельней, вкалывал, как проклятый, и был...

— Несчастливым? — подсказал Кендалл, когда Люк замялся. — Подавленным?

Черт, тогда он имел праволизывать раны. Люк всегда хотел иметь семью и считал, что Мерсия поможет претворить в жизнь эту мечту. И она обещала то, что он и хотел слышать... корни, стабильность... До свадьбы ей удавалось лицемерить, и, вскоре очнувшись, Люк обнаружил себя связанным узами законного брака с алчущей свободы, разбазаривающей его состояние мегерой.

И он решил, что никогда больше не впутается в серьезные отношения и ни за что не позволит женщине снова опустошить его — финансово и эмоционально. Наблюдать за тем, как меркнет его давняя мечта о семье, было больно. Очень больно.

Прищурившись, Люк взглянул на Кендалла.

— Хочешь услышать о Джесс Шервуд? Она была чертовски красивой, и знала это. А еще выскочкой с невероятным гонором. Я едва ее знал, видел всего пару раз. Как-то она ввалилась в мой кабинет и стала читать нотации о моем отделе маркетинга. Назвала их стадом динозавров и с ног до головы забросала меня мудреными терминами. Указала, что именно я делаю не так, и как это исправить.

— И ты выставил ее из офиса? — Кендалл усмехнулся, когда Люк кивнул.

— Джесс Шервуд — такая надменная мадам, которая будет злорадствовать и тыкать меня носом в тот факт, что нужна Сен-Сильву, нужна мне. Не хочу иметь с ней дело.

«Особенно если она осталась такой же сексуальной», — добавил про себя Люк. Он не сказал друзьям, что сдуру поцеловал Джесс, и она ответила на его поцелуй.

— Это было сто лет назад, — напомнил Оуэн. — Тебе стоило попросить ее приехать.

— Нет. Я не могу с ней работать, — постановил Люк, осознавая, что расписался в своей слабости. Ведь, если Джесс осталась той же горячей штучкой, его ждали бы тяжелые времена. Воспоминания о ней все еще заставляли сходить с ума от вожделения.

Это казалось таким на него непохожим! У Люка были необременительные отношения с хозяйкой винного магазина в городе. Когда ему требовались компания или секс, достаточно было обратиться к «палочке-выручалочке». И не нужно представлять себе неистовый секс на рабочем столе в лучах заходящего солнца...

Люк серьезно взглянул на друзей.

— Послушайте, речь идет не о каком-то там бизнесе, мы говорим о Сен-Сильве — о том, чтобы вернуть ему былую славу, снова сделать первым винодельческим хозяйством в стране. Мне и так трудно справляться с разрухой, в которой оставил хозяйство отец, что уж говорить о Джесс Шервуд...

Многие годы Люк пытался эмоционально дистанцироваться от поместья, но так и не научился бесстрастно к нему относиться. Это были его отрада и его тяжкое бремя. Источник гордости и еще больший источник досады. Он с равным пылом любил и ненавидел Сен-Сильв.

— Ты совершаешь ошибку, — стоял на своем Кендалл. — Она профессионал...

— Закончили с этой темой, — сказал Люк, и в его голосе послышалась твердая решимость. Джесс Шервуд относилась к тому типу женщин, которые все переворачивали вверх дном. Люк с неохотой признавал, что его бизнес, вероятно, нуждался в ней, и все же отдавал себе отчет: это сотрудничество навредит ему и его размеренной жизни.

На этот раз он думал прежде всего о себе... в тридцать шесть он, разумеется, имел на

это право?

Глава 2

Джесс в компании Элли вошла в дегустационный зал, примыкающий к погребам Сен-Сильва, взглянула на стулья, расставленные идеально ровными рядами, и вздохнула с облегчением, не заметив нигде Люка Сэвиджа. Кендалл де Вильер, правая рука Люка, изумился, когда Джесс представилась, и на его лице мелькнула паника.

— Это обещает быть интересным, — сказал Кендалл с озорным блеском в глазах.

— Неужели он на самом деле думал, что я ничего не услышу об этом? Его что, это так сильно волнует? — напрямик спросила Джесс.

— Мм...

Джесс отмахнулась, давая понять, что можно не отвечать.

— Я могу где-нибудь спрятаться, чтобы он меня не заметил? По крайней мере, пока он не закончит совещание?

Кендалл вскинул брови:

— В этом наряде? Никаких шансов.

Джесс не стала смущенно опускать взор. Сегодня она надела черное облегающее платье с запахом, черные замшевые туфли на каблуках и длинную нитку искусственного жемчуга. С этими блестящими белокурыми волосами и вызывающе-яркой помадой Джесс невозможно было не заметить.

— Где он? — спросила она, оглядывая комнату.

— Наверное, занят на своих угодьях... — Кендалл взглянул на часы. — Садитесь. Мы скоро начнем.

— А вы спасете меня, если он соберется меня убить? — только отчасти пошутила Джесс.

Кендалл усмехнулся:

— Простите, я не настолько храбр.

Джесс уселась рядом со стеной погреба, спрятавшись за чьими-то широкими плечами. Наклонившись к Элли, она тихо спросила:

— Я совсем с катушек слетела?

— С чего бы это?

— Мы через всю страну потащились туда, куда нас не приглашали, чтобы послушать пожелания человека, который явно ничего не забыл.

— Гм, если бы так поступил кто-то из твоих сотрудников, ты дала бы ему пинка. В самом деле, почему мы — здесь?

— Потому что это все еще моя кампания! — прошипела Джесс. Она не позволит кому-то другому прибрать проект к своим грязным ручонкам!

Оставалось лишь убедить Люка посмотреть на развитие бизнеса ее глазами.

И тут из боковой двери появился он, решительно зашагав к трибуне. Темно-зеленая футболка с длинными рукавами обтягивала его широкие плечи и мощную грудь, свисая над поясом застиранных джинсов. Темно-каштановые волосы касались воротника и спадали на уши косматыми волнами. Сэвиджу не мешало бы постричься и побриться...

Люк повернулся спиной к собравшимся, обращаясь к Кендаллу, и перед Джесс предстал крепкий зад, обтянутый джинсами. Джесс заметила, как поморщился Кендалл, оценивая этот, мягко говоря, неофициальный костюм, и подумала, что только Люк мог беззаботно

зайти в комнату, полную итальянских костюмов и дизайнерских галстуков, в фермерской одежде. Это что там на заднем кармане, сальный отпечаток ладони? Люк присел на корточки, чтобы завязать шнурок на ботинке, и футболка вздернулась вверх, обнажив часть спины. Над кожаным ремнем Джесс увидела границу между загорелой спиной и белыми бедрами. Какой теплой ощущалась бы эта полоска кожи под ее губами...

Элли тихо присвистнула:

— Ни фига себе!

— Красавец, правда? — спросила Джесс. Насколько было бы легче, если бы он приобрел пивной животик, облысел...

— Только не Сэвидж. Ладно, он хорош... но вон тот, рядом, рыжий! Я бы не возражала затащить его в постель! — прошептала Элли.

У Люка были симпатичные друзья, но Джесс не замечала в них той же изюминки, кричавшей о силе и власти, явной мужской харизмы. Одни называли бы это тестостероном, другие — величайшей уверенностью в себе... Хорошо, что Джесс наблюдала за Люком сидя, потому что от одного взгляда на него у нее подкашивались ноги.

«Вот это да!» — мелькнуло в голове Джесс, когда их с Люком глаза встретились и надолго задержались друг на друге. Ах, какой обжигающий взгляд!

— Он тебя засек, — совершенно излишне сообщила Элли.

— Ага, я заметила.

— У тебя проблемы, — вполголоса пропела подруга. — Он, похоже, готов сожрать тебя с потрохами.

— Если мне очень-очень повезет, — ответила Джесс, когда невероятные зеленые глаза снова остановились на ней, — он просто проигнорирует мое присутствие.

Элли лишь насмешливо фыркнула:

— Это так же вероятно, как то, что у свиней вырастут крылья, и они начнут летать.

— Ты мог хотя бы надеть чистые штаны! — вне себя от злости пробормотал Кендалл.

— Мне было некогда, — бросил в ответ Люк. В удачные дни у него вообще не оставалось времени, и даже в июле, в самый разгар зимы в Кейптауне, всегда находилась работа. Они с Оуэном следили за обрезкой лоз, проверяли вина на степень кислотности, проводили множество других контрольных исследований. — А давай я всучу всю эту маркетинговую чепуху тебе? Вот тогда и будешь доставать меня по поводу одежды, Кен.

— Да пошел ты! — огрызнулся друг. — Они хотят видеть самого Сэвиджа Сен-Сильвского.

— Речь идет не об английском поместье! Сэвидж Сен-Сильвский... вот еще!

— Именно так. Давай, не тяни.

Кендалл кивнул на трибуну, и Люк вздохнул. Сэвидж Сен-Сильвский? Сейчас он хотел бы оказаться кем угодно, только не обладателем этого звучного «титула». Пробежав глазами по публике в деловых костюмах, он задержал взгляд на стройной блондинке, сидевшей за каким-то широкоплечим мужчиной.

Дежавю... За прошедшие годы Люк не раз ощущал нечто подобное: наклон головы, покачивание бедер — и его сердце замирало в груди. А потом наступало разочарование, потому что это была не она.

Краешком глаза Люк поймал движение стройной руки, скользнувшей в светлые волосы, и во рту у него пересохло. Люк вспомнил эти тонкие пальцы, и сердце заколотилось в груди,

стоило снова пробежаться взглядом по ее волосам, пухлому рту, стройной фигуре под обманчиво простым, но блестяще демонстрирующим формы черным платьем.

Люк вцепился в трибуну, пытаясь выпрямить подгибавшиеся колени. Под пылом взгляда Джесс он разглядел ее замешательство, даже страх. Вот и прекрасно. Это в какой-то мере компенсировало тот факт, что он все еще хотел ее... и это определение было лишь скудным описанием того, что он к ней чувствовал.

Люк подавил тяжелый вздох. Видимо, она услышала, что ему нужен новый маркетинговый план, и, будучи настырной, Джесс заявила сюда — будоражащей желанием и решительной. И теперь Люк не знал, что делать: восхищаться ее попкой или беситься от ее бесцеремонности.

Прокашлявшись, он решил сосредоточиться на текущей задаче.

— Уважаемые дамы и господа, этот брифинг, вероятно, станет самым коротким в истории человечества. Я хочу что-то новенькое — то, что начнет продавать мое вино. Я хочу всеобъемлющую маркетинговую стратегию, мне нужно запустить рекламные кампании на веб-сайте, в социальных сетях, в печати и на телевидении. Все в комплексе. Вот так. После экскурсии по погребам Сен-Сильва Кендалл де Вильер познакомит вас с отчетом об исследовании рынка, а после этого состоится фуршет и дегустация вин.

Коротко и ясно. Что тут еще говорить? Люк мог еще долго переливать из пустого в порожнее, но значительно больше его интересовала возможность поговорить с одной кареглазой блондинкой.

Джесс выскользнула из зала, договорившись, что Элли продолжит экскурсию, а потом вернется в аэропорт с Джоэлом. Сама Джесс должна была улизнуть прежде, чем столкнется с Люком. Выйдя на воздух, она надела черное пальто до колен и вытянула из кармана тонкий шелковый шарф. С высоких зеленовато-фиолетовых гор, окружавших винодельню, дул ледяной ветер. Джесс направилась по дорожке, извивавшейся среди облетевших кустов роз, мимо главного дома поместья, к длинной подъездной аллее, где она припарковала взятый напрокат автомобиль.

По пути Джесс обнаружила тропинку между главным особняком и гостевым домом, которая тоже вела на аллею. И тут Джесс увидела Люка, сидевшего на изгороди из жердей, которая отделяла по-зимнему коричневые, без травы, уголья от дороги. За участком начинался виноградник, где подрезали лозы работники Люка.

Джесс замерла в тени дома. Люк по-прежнему завораживал ее. О, он был взрывоопасно сексуален, казался альфа-самцом на все сто процентов — и явно был ей не по зубам. Джесс споткнулась, напомнив себе, что сама была альфа-самкой и блестяще могла справиться с Люком Сэвиджем. Она — независимая, успешная, сильная женщина... Лгунья! Силы ее духа оказались недостаточно для этого испытания. Ей не стоило приезжать сюда...

«Возьми себя в руки, Шервуд, — приказала себе Джесс. — Ты выдержала непростые детские годы с четырьмя старшими братьями, а теперь управляешь успешным бизнесом. Ты не позволишь Сэвиджу вскружить тебе голову...»

Джесс собралась с духом и вышла из тени на аллею. Голова Люка тут же метнулась в ее сторону. Он спрыгнул с изгороди и, вздернув рукава футболки, сердито взглянул на Джесс.

— Почему-то меня совершенно не удивляет, что вы здесь. — Его ровный тон не обманул Джесс, зеленые глаза Люка метали молнии. — Рад узнать, что вы не растеряли ни капли своей наглости.

Сарказм. В этом ему по-прежнему не было равных.

Джесс положила сумку с ноутбуком на переднее сиденье припаркованной у изгороди машины и опустилась на водительское место. Потом подняла солнечные очки и огляделась.

— А я и забыла, как тут красиво, — как ни в чем не бывало заметила она, пропуская мимо ушей выпад Люка. — Воздух такой ароматный, такой свежий! Холодный, но приятный.

Грозно возвышаясь над ней, Люк скрестил руки на груди.

— Что вы здесь делаете, Джессика?

Она снова проигнорировала его зловещий тон и улыбнулась.

— Я собираюсь разработать кампанию, которая снесет вам башню от восторга, Люк.

— Зачем? Чтобы вы смогли сказать: «А я ведь предупреждала»? Ткнуть меня носом в тот факт, что я провалил дело?

— Нет! — Джесс сердито взглянула на него. — Почему вы не позвали меня? Черт возьми, Люк! Я знаю Сен-Сильв. Я знаю...

Люк растерянно потер заднюю часть шеи. Он чувствовал себя неловко и хотел лишь одного: чтобы Джесс оставила его в покое. Но, как на грех, деловая часть его мозга нашептывала, что он будет последним идиотом, если пошлет эту дерзкую девчонку куда подальше, не выслушав ее предложений.

— Ничего вы не знаете! Восемь лет назад вы провели тут три месяца, и тогда мало что знали.

— Я хочу вам помочь...

Люк упрямо тряхнул головой.

— Нет, не хотите! Вы хотите содрать с меня деньги, заполучить самый желанный контракт, доказать свою правоту.

— Нет, я... Бросьте, Люк, я вас умоляю! Я уже не та нахальная и не в меру ретивая девчонка, какой была восемь лет назад. Я хорошо справляюсь со своей работой, и подобные кампании — мой конек.

— Я не обязан выслушивать, как вы злорадствуете. Прямо сейчас Сен-Сильв осматривают представители как минимум пяти других компаний, которые могут... — Люк вскинул палец, подчеркивая последние слова, — помочь мне.

— Мне это известно, но я жила здесь, работала здесь — и всегда ощущала некую связь с Сен-Сильвом. Я могу создать для вас нечто особенное.

Она показалась Люку искренней, но что он знал на самом деле? За его плечами был обширный опыт общения с людьми, искренность которых оборачивалась желанием обчистить его карманы.

— Просто уберите отсюда, Джесс.

Она вскинула подбородок и бесстрашно встретила его взгляд.

— Нет. Простите, но — нет. Я получу отчет об исследовании рынка и разработаю для вас кампанию. И мне плевать, если вы считаете меня настырной занозой в заднице, — именно так и будет.

Внутри у Люка все заклокотало от ярости.

— Вы нисколько не изменились, верно? Все та же самонадеянная и наглая...

Джесс выскочила из машины, покачнувшись на каблуках, и хлестнула его по груди. Теперь Люк видел, как колотится пульс у основания ее горла, а ее глаза потемнели от... неужели от смущения? Это немного охладило его пыл.

— Вы можете помолчать хотя бы минутку и дать мне сказать? — Голос Джесс задрожал.

Она, казалось, не отдавала себе отчета в том, что ее рука все еще лежит на его груди. Люк хотел было убрать ее ладонь, но ему так нравилось это прикосновение...

— Я совершенно не умею извиняться, но я искренне сожалею о том, что вела себя так возмутительно. У меня не было ни малейшего права говорить то, что я вам сказала, и вы были правы, уволив меня... в сущности, вы оказали мне колоссальную услугу. Я была нестерпимо бесцеремонна, и я буду в высшей степени признательна, если вы примете мои извинения.

А? Что? Это было совсем не то, что Люк ожидал услышать...

— Вы приносите мне извинения? — переспросил он. Возможно, казалось нервное напряжение последних недель, и он ослышался. Или, может быть, он хотел снова услышать эти слова.

Джесс закрыла глаза и взмолилась:

— Пожалуйста, не заставляйте меня повторять все это! Мне и в первый раз было неловко.

Люк с шумом выдохнул, пробурчав:

— И что, по-вашему, я должен на это ответить?

— Что прощаете меня? — предположила она. — Что позволите мне разработать для вас кампанию, благодаря которой продадите много вина? Кстати, брифинг был довольно интересным. Коротким и...

— Ясным?

Улыбка осветила лицо Джесс.

— Просто коротким. Так что? Мне можно приступить?

Люк не мог отдать Джесс кампанию только потому, что от ее улыбки у него начинал ныть низ живота, а в ее глазах можно было утонуть...

«Держи себя в руках, Сэвидж».

— Вы можете подать заявку, представив свои предложения, наряду со всеми остальными. — Увидев, как озарилось лицо Джесс, Люк предостерегающе вскинул руку. — Я ничего вам не обещаю, мисс Шервуд.

Джесс кивнула:

— Понимаю. Благодарю вас. Вы об этом не пожалеете. Итак, поскольку больше не нужно скрываться от вас, мне стоит еще раз познакомиться с Сен-Сильвом.

Люк не хотел покидать Джесс, так что предложил:

— Я провожу вас обратно, к погребам.

— Не стоит затрудняться. Я вернусь длинным путем — через сад и мимо конюшни.

Люк нахмурился.

— Это еще зачем?

— У меня есть идея по поводу рекламной кампании, но мне нужно почувствовать дух Сен-Сильва, понять, какой он теперь.

Люк выразительно посмотрел на ее сексуальное платье и нелепые в этой местности каблуки.

— Вы собираетесь идти в этих туфлях? И в платье?

Джесс вытянула ногу и поворачивала ступней.

— А что не так с моими туфлями? Они великолепны.

— Но совершенно не годятся для прогулок, особенно по проселочным дорогам.

Она выпрямила спину и вскинула подбородок.

— Я пойду окольным путем.

Ее упрямство позабавило Люка. Уже через каких-то двадцать пять метров эти острые шпильки увязнут в липкой земле, а чулки будут заляпаны грязью.

Выражение лица Джесс оставалось бесстрастным, но ее глаза пылали. Люк невольно задумался над тем, как же сорвать с нее маску изысканности, которую она успела приобрести за эти годы.

И он небрежно бросил:

— Вы когда-нибудь думали о том, чем мы занимались во время нашей последней встречи?

На какую-то долю секунды Джесс потеряла самообладание, но поспешила спрятать замешательство, поджав губы и сощурившись.

— Нет. А вы?

— Нет, — отозвался Люк.

«Ну-ну, — подумал он, глядя вслед удалявшейся Джесс. — Только посмотрите, какой врушкой мы стали!»

Сидя на жестком сиденье кресла в аэропорту в ожидании рейса, Джесс посмотрела на свои туфли и скривилась. Когда-то черные, теперь они были испещрены полосками рыжевато-бурой грязи и чистке явно не подлежали. Чулки были забрызганы землей и грязной водой. Ноги Джесс ныли от попыток одолеть ухабистые дороги и тропинки Сен-Сильва на высоких шпильках, а пальцы ног онемели.

Черт побери этого Люка Сэвиджа, он оказался прав!

Джесс почувствовала, как мобильный завибрировал в руке, и взглянула на экран, где отразились сообщения от группы контактов семьи Шервуд.

Джон: «Просто чтобы вы, кучка неудачников, знали: сегодня я пробежал 5 км за 24 мин. 30 сек. Утритеесь, девчонки».

Не успела Джесс дочитать сообщение, как появился ответ.

Патрик: «Неплохо для парня в возрасте. Но я обычно пробегаю меньше, чем за 24».

И они пустились в спор...

Крис: «Лгун! Последний раз ты пробежал больше, чем за 30 мин.».

Патрик: «У меня были проблемы с желудком».

Ник: «А ты это докажи, выскочка! Бегаешь, как девчонка. Даже Малявка тебя обставит!»

Патрик: «Я болел! И Джесс не смогла бы догнать меня даже с прикрепленными к спине крыльями...»

Джесс, будучи той самой Малявкой и «девчонкой», обиделась. Ей часто удавалось бегать эту дистанцию быстрее Патрика.

Джесс: «Эй, тупоголовые... только назовите время и место — и приготовьтесь всю дорогу смотреть на мою задницу!»

Джон: «На что спорим?»

Джесс наморщила нос. Последний спор, проигранный братьям, закончился для нее заполнением налоговой декларации Криса. Наверное, стоило все хорошенько обдумать.

Ник: «Пусть проигравший чистит вольер для обезьян в реабилитационном центре для животных».

Крис: «Оба-на!»

«Фу-у-у», — подумала Джесс.

Джон: «И стирает вручную нашу регбийную форму после тренировки».

И еще раз: «Фу-у-у».

Лайза (она же мама): «А ну-ка, детки, ведите себя хорошо. Мамочка все видит. И проигравшие заменят все прокладки в моих потекших кранах. И не станут никому платить за эту работу!»

Джесс скривила губы. Увы, она прекрасно знала, как обращаться с разводным ключом, так что никаких скидок из-за принадлежности к слабому полу не ожидала.

Когда же она перерастет это абсурдное стремление доказать, что она — такая же взрослая и сильная, как четыре старших брата? Ребенком она расстраивалась, что родилась девочкой, и усердно училась, занималась спортом, чтобы не отставать от них... и все равно не могла попасть в заветный «братский круг». Они были красивыми, обаятельными, спортивными и успешными... Кстати, Люк превосходно вписался бы в эту компанию.

«Это пари — сущее безумие», — подумала Джесс, хмуро глядя на ноги и размышляя о том, как лучше «отмазаться» от спора. Что же касается ее великолепных туфель... они были уже историей.

Тонкие шпильки Джесс оставляли следы на толстом ковре, устилавшем коридор перед конференц-залом отеля, в котором Люк отсматривал презентации. По графику Джесс должна была представлять проект последней, так что все больше нервничала. Руки стали липкими от пота, и она зашла в дамскую комнату, чтобы вымыть их и проверить макияж.

Она просто смешна, решила Джесс, суша руки третий раз за двадцать минут. Начиная с памятного скандала с Люком восемь лет назад, она всегда нервничала перед презентациями, но никто, кроме Элли, об этом не догадывался.

Джесс нанесла еще один слой помады и поправила доходивший до середины бедра ярко-красный пиджак. Из-под него едва выглядывала черная короткая юбка-карандаш, а под пиджак Джесс надела черную шелковую водолазку. Дополненный тонкими черными чулками и черными сапогами до колен, этот эффектный ансамбль привлекал внимание — и отличался от того, что обычно надевала Джесс, чтобы заполучить очередную работу.

Если это была последняя возможность увидеться с Люком Сэвиджем, Джесс должна была произвести неизгладимое впечатление.

Элли просунула голову в дверь дамской комнаты.

— Джесс, пора.

Джесс вышла и с благодарностью ощутила ободряющую руку Элли на спине, невольно впившись зубами в нижнюю губу.

— Давай заставим их обалдеть от восторга.

— Ладно... но, наверное, сначала тебе стоит сделать глубокий вдох...

— Зачем? — спросила Джесс, забирая ноутбук и плакаты.

— У тебя коленки дрожат. — Элли достала из сумки флакончик «Рескью Ремеди». — Открой рот.

— Элли! — запротестовала Джесс, но все же послушно высунула язык, и подруга принялась вытряхивать противные на вкус капли ей в рот.

Дверь за ними открылась, Джесс обернулась и вздрогнула, когда из конференц-зала вышел Люк.

— Привет... — Он осекся, и Джесс поспешила убрать высунутый язык. Никогда еще она не чувствовала себя глупее, чем сейчас.

— Что это, черт возьми, вы тут делаете? — поинтересовался Люк, сунув руки в карманы элегантных черных брюк. Джесс заметила его деловую кремовую рубашку с логотипом дорогой марки и вздохнула: Люк выглядел потрясающе.

Что ж, мистеру Сэвиджу с блеском удалось привести себя в порядок.

— Ничего, — пробормотала Джесс.

— «Рескью Ремеди», — оповестила Элли. — Перед презентациями Джесс обычно немного нервничает.

— Элисон!

Люк улыбнулся Джесс, и у нее внутри все перевернулось.

— Никогда бы не подумал. Джесс не кажется одной из тех, кто все время волнуется. — Он протянул руку Элли. — Люк Сэвидж.

— Элли Дэйвис, — ответила на приветствие подруга.

— И сильно нервничает? — невозмутимо спросил Люк.

— Очень. У нее подкашиваются колени и трясутся руки.

— Да ты прекратишь, наконец? — бросила Джесс. — Черт, Элисон! Он — клиент.

— Расслабьтесь, Джесс, не стоит мучить такие красивые колени. — Люк одарил ее еще одной обворожительной улыбкой, от которой испарились бы трусики всех женщин в возрасте от восемнадцати до восьмидесяти. Это была та самая улыбка, которую Джесс собиралась использовать для рекламной кампании. Она не питала иллюзий и понимала, как трудно будет заставить Люка принять эту идею...

— А еще мне нравится юбка, которая почти на вас надета, мисс Шервуд, — добавил он.

— О, да заткнитесь же вы! — бросила ему Джесс и вплыла в зал, горделиво задрав нос.

«Я приказала потенциальному клиенту заткнуть рот, — мелькнуло у нее в голове. — Хорошенькое начало».

Джесс закончила презентацию и поймала себя на том, что снова кусает губу в повисшей мертвой тишине. Сердце колотилось так, что его удары наверняка были слышны всем собравшимся.

Бум, бум, бабах. Бум, бум... О, «бабах» случался всякий раз, стоило ей взглянуть на Люка...

А он выглядел абсолютно непроницаемым — особенно для того, кто, по задумке Джесс, должен был стать новым лицом сен-сильвских вин. Интересно, им понравилось? Как же Джесс хотелось, чтобы они хоть что-нибудь сказали!

Спустя примерно миллион лет — точнее, десять секунд, показавшихся вечностью, — Люк подался вперед и положил руки на стол.

— Дайте-ка разобраться... Вы хотите, чтобы я стал лицом Сен-Сильва?

Джесс кивнула:

— Не просто лицом Сен-Сильва. Я хочу, чтобы потребитель ассоциировал вас и Сен-Сильв с чем-то приятным. Модным, крутым, но при этом изысканным. План состоит не в том, чтобы продавать ваше вино, а в том, чтобы продавать вашу жизнь.

Люк казался озадаченным.

— У меня нет жизни, Джессика! Я работаю — вот и все!

— Но потребитель-то этого не знает, Люк. Он видит вас как такого молодого, холостого, красивого, — она не осмелилась добавить «чертовски сексуального», — богатого парня, у ног которого лежит весь мир. Этот парень занимается самыми модными и крутыми вещами... такими как парасейлинг, танцы, альпинизм. Он играет в бесконтактное регби с деловыми партнерами, собирает друзей на ужин, посещает балы. И все это делается с неизменным бокалом вина. Сен-сильвского вина.

— Просто супер! — одобрил Кендалл. — По-моему, блестяще.

Джесс одарила его благодарной улыбкой.

— Мне нравится проект, но не нравится идея задействовать в нем меня. Почему бы не взять в качестве модели... модель? — поинтересовался Люк.

— Если владелец винодельни появится в рекламе, эффект будет бОльшим, и, откровенно говоря, — Джесс вздохнула, — зачем вам тратить кучу денег на модель, если вы сами достаточно привлекательны?

«И мне удалось это сказать, не покраснев и не распустив нюни», — подумала она.

— Мне тоже нравится, — согласился Оуэн, взглянув почему-то на Элли. Ого, а это уже интересно... Элли так и стреляла глазками, кокетка!

Люк поднялся из-за стола.

— Всем спасибо. Это был долгий день. Утро вечера мудренее, так что давайте встретимся в понедельник, чтобы принять решение. Джесс, вы не могли бы задержаться на минутку?

Люк подождал, пока не захлопнется дверь за последним гостем. Обойдя стол, он направился к Джесс, все еще стоявшей у экрана проектора с лазерной указкой в руке. Люк уселся на край стола переговоров, вытянув ноги. Ему невольно подумалось, что Джесс выглядит все лучше и лучше с каждой новой встречей. Она что-то сотворила с волосами — среди медового оттенка прядей теперь мелькали светлые белокурые перышки. Сегодня ее волосы были строго прямыми. Ему больше нравились распущенные, вьющиеся...

Да, он зашел слишком далеко, если тратит время на созерцание деталей женской прически... Его впечатлили презентация Джесс, ее профессионализм. Никто и не догадался бы, что эта волевая, невозмутимая деловая женщина страдает от страха перед возможной неудачей. Случайный эпизод с каплями от стресса показал ее с иной стороны — не такой надменной, сердечнее, человечнее. И бесконечно притягательной.

— Гм... что вы на самом деле думаете о моей идее? — спросила Джесс, и Люк уловил дрожь в ее голосе.

— Мне она нравится, за исключением того, что я должен стать лицом кампании.

— Добавлю, что вам следует начать появляться на людях, продвигая марку «Сен-Сильв». Я настоятельно рекомендовала бы вам больше выходить в свет... бывать на торжественных мероприятиях, вечеринках, балах... и организовывать приемы с дегустацией вин, налаживать связи.

— Замечательно, но где мне взять дополнительные двадцать четыре часа в день?

— Это важно, Люк.

— У меня нет времени, Джесс. Все мои усилия сосредоточены на Сен-Сильве. Я возвращаюсь домой с угодий, а потом часами работаю над бизнес-планами, финансовыми операциями... У меня нет времени на съемки в рекламе, не говоря уже о светской жизни.

— Тогда, мне кажется, вы должны быть готовы по-прежнему вбухивать деньги в Сен-Сильв — или потерять его, — напрямик заявила Джесс. — Чтобы вывести хозяйство на жизнеспособный уровень, вам нужны хорошо продающиеся вина. А чтобы увеличить продажи, вам нужна реклама.

— Тогда почему я должен заниматься всей этой светской чепухой?

— Потому что вам нужно торговать своим лицом, стать живой кампанией, в противном случае потребители не поверят рекламе. — Джесс уселась на другой край стола, скрестив ноги. — Выйдите из зоны комфорта, Люк.

Зоны комфорта? Он забыл о комфорте с тех пор, как снова увидел ее.

Люк разглядывал ее длинные ноги в сексуальных сапогах и вдруг почувствовал резкий толчок в области паха. Проклятье! Ему не нравилось, что он не мог контролировать свою физическую реакцию на эту женщину, что думал о ней слишком часто. А особенно не устраивало его то, что она могла хладнокровно говорить о бизнесе, в то время как он представлял ее голой, в одних только сапогах...

— Если я соглашусь нанять вас, — произнес Люк тоном, который его служащие и друзья считали непреложным, — у меня будет пара условий.

— Каких же?

— Кампанией занимаетесь лично вы. Никакой передачи обязанностей своим «шестеркам».

— Поняла. Я и не собиралась делать ничего подобного.

— И еще. Я хочу, чтобы Сен-Сильв стал объектом вашего безраздельного внимания. Вы переедете в Сен-Сильв и останетесь там столько, сколько потребуется, чтобы довести проект до ума. Вы выйдете из своей зоны комфорта.

Он заметил потрясение, мелькнувшее на ее лице.

— Это непрактично, Люк. Мне нужно управлять своим бизнесом.

— Для этого есть скайп, электронная почта и телефон. Мы живем в двадцать первом веке, Джесс. Кроме того, Элли кажется достаточно компетентной, чтобы взять руководство на себя.

— Она компетентна, но...

— Вы наладите полезные связи, завяжете нужные знакомства. У меня нет на это ни времени, ни желания. Вы будете сопровождать меня на все мероприятия. Если мне придется делать это, то и вам тоже, — отчеканил Люк.

— Значит, я получила эту работу?

— Ага.

Конечно же она получила работу! Ее презентация была самой увлекательной из всех, и, несмотря на то что другие проекты не предусматривали траты его времени, его присутствия или непосредственного участия, они не произвели такого эффекта, как ее идея.

— Мм... хорошо, — сдавленным голосом произнесла Джесс. — Но я не знаю, смогу ли жить во Франсхуке. В Сэндтоне у меня не только бизнес, но и вся жизнь.

Люк покачал головой. Нет, она не откажется. Джесс — такой же трудоголик, как и он сам.

— Хватит сомневаться. И вы остановитесь не во Франсхуке — вы будете жить в Сен-Сильве.

Джесс упрямо выпятила подбородок.

— Я не буду чувствовать себя комфортно, остановившись у вас, в вашем доме.

— Почему?

— Вы что, на самом деле стесняетесь признавать...

Она вдруг запнулась, и Люк многозначительно вскинул брови.

— Вожделение? Влечение? Страсть? — подсказал он.

— Влечение... давайте остановимся на влечении. — Джесс спрятала глаза.

— Ну и кто же из нас стесняется? — пробормотал Люк. — Ладно, вы можете остановиться в любой из шести гостевых спален главного особняка.

Люк подошел ближе — так близко, что почти мог ощущать прикосновение ее груди к своему торсу и улавливать цитрусовый аромат, исходивший от ее волос. Затрепетав, ее длинные ресницы вспорхнули, и Люк, кажется, услышал треск вылетевших из глубины глаз взрывоопасных искр влечения. Рот Джесс приоткрылся в этой старой, как мир, подсознательной демонстрации вожделения, и Люк чуть не потерял над собой контроль, когда увидел кончик языка, метнувшийся к уголку ее рта. К черту маркетинговую стратегию и Сен-Сильв! К черту весь мир... Джесс была рядом, и он хотел ее.

Ее тело, но не ее разум...

Люк вскинул голову и выругался про себя. Ну что он делает? Полагается на то, что творится у него в штанах. Это означало втянуть себя в серьезные неприятности.

Люк немного отошел от Джесс, но не удержался и убрал прядь белокурых волос ей за ухо.

— Смотрите не подведите меня, Джесс.

— Сделаю все, чтобы не разочаровать вас, — ответила она хриплым голосом, так и призывавшим уложить ее в постель.

Джесс наконец-то взглянула Люку в глаза, и он провел большим пальцем по ее нижней губе.

— У вас самый чувственный рот, который я когда-либо видел.

В глазах Джесс Люк заметил искорки нахлынувшего желания — ее здравый смысл на мгновение отступил. Но потом на лицо снова села холодная, вежливая маска.

— Это не самая лучшая идея, Люк. Любой намек на физическую близость может грозить нашему сотрудничеству полным провалом.

— Мы способны вести себя достаточно умно, чтобы разделять чувства и работу.

В ответ на его вызов плечи Джесс расправились, а спина приобрела каменную твердость.

— Чисто теоретически я достаточно умна, чтобы разобраться в теории струн, но это не означает, что я могу это сделать. Или хочу.

— У нас с вами есть одно неоконченное дело, Джессика. Вы знаете это, я знаю это, и мы оба хотим закончить то, что начали восемь лет назад. — Люк скользнул подушечками пальцев по ее щеке.

Глаза Джесс все так же полыхали страстным огнем, даже когда она оттолкнула его руку.

— Люк, позвольте мне предельно ясно объяснить, что я не вступаю в случайные связи, особенно с коллегами, конкурентами и клиентами.

Ему нравились резкий холодок, который слышался в ее голосе, и страсть, дремавшая в ее глазах. Этот контраст возбуждал Люка настолько, что сердце вырывалось из горла, а в паху мучительно ныло и подергивалось. «А это обещает быть занимательным», — подумал Люк. Джесс могла быть взволнованной, но она не собиралась уступать.

Накануне переезда Джесс в Сен-Сильв Люк сидел на краю старинной двуспальной кровати в самых больших гостевых апартаментах особняка и осматривался. Энджел, его приходящая домработница, сотворила с выделенной Джесс комнатой настоящее чудо. Деревянное изголовье кровати было отполировано до блеска, постель устилало белое льняное белье, а на тумбочке красовались свежесрезанные цветы. Люк бросил взгляд в большой эркер напротив кровати, из которого открывался изумительный вид на горы. Люк не мог понять, почему эта комната с примыкавшей к ней ванной не использовалась в качестве спальни хозяев вместо тесной спальни в передней части дома, с видом на аллею.

Наверное, так легче было заметить, кто движется по дороге к дому. Друг, неприятель, налоговый инспектор... Или, в случае его отца, любовница. Их у него было множество. Люк помнил этих женщин, носившихся по дому, когда он был ребенком... Уже к семи годам он научился отбрасывать желание привязаться к одной из них — это позволяло ему не реагировать на их неизбежное исчезновение из жизни отца.

С годами Люк отточил умение держаться на расстоянии от окружающих. Исключением стала его бывшая жена. Несмотря на то что теперь Люк называл ее шизанутой, он не мог не признать: семейной катастрофе в немалой степени способствовали и его собственные проблемы. Люк не любил эту женщину, зато до беспамятства обожал связанную с ней идею:

у него есть жена, семья, все как полагается. Но, получив «стандартный набор», не знал, что с ним делать...

Люк как раз прощался с мечтой о семье, когда умер отец, и пришлось спешно возвращаться в Сен-Сильв. Иногда Люк любил поместье. Но нередко при воспоминании об отце его одолевало негодование, и он начинал всей душой ненавидеть это место.

Вздыхнув, Люк вспомнил о Джесс. Она была права: самое разумное — игнорировать будоражившее их взаимное влечение. Стоит стереть грани между работой и постелью, и неминуемо начнутся проблемы. Но Джесс, казалось, не требовался мужчина для эмоциональной или финансовой поддержки. Она выглядела разумной и хладнокровной — идеальной кандидаткой для мимолетного романа.

Джесс сразу поняла бы, что придется следовать определенным правилам. Никаких совместных ночей в одной постели, строгое разделение между работой и сексом, никаких серьезных отношений. Значит, стоит соблазнить ее, предложив подобную договоренность. Учитывая взрывоопасную страсть, бушевавшую между ними, это наверняка будет нетрудно.

«Тринадцать часов в машине дали тебе, девочка, достаточно времени, чтобы привести мысли в порядок», — констатировала Джесс, сворачивая на ведущую в Сен-Сильв дорогу. На часах было почти десять вечера, и Джесс чувствовала себя выжатой как лимон. В глаза попал песок, тело затекло, и она могла убить за чашку чая.

Поначалу Джесс думала, что поездка займет два дня, но на полпути решила, что сумеет одолеть весь путь за день. Теперь она жалела, что не сделала остановку. Голова раскалывалась, и, хотя весь день Джесс только и делала, что сидела за рулем, она чувствовала себя чумазой и потной. Волосы растрепались, а с зубов, казалось, вот-вот сойдет эмаль от всех тех энергетических напитков, что она влила в себя сегодня.

Джесс увидела горевший в окнах гостевого дома свет, а когда заметила припаркованный на подъездной аллее «лендкрузер» Люка, поняла, что хозяин дома, а не отправился на свидание или — фу-у-у! — не остался ночевать у какой-нибудь пассии. Слава богу.

Прежде чем она снова увидела бы Люка, следовало резюмировать все, что она решила в течение дня. Жизнь и работа в таком тесном соседстве с ним обещали стать серьезным вызовом. Она приняла этот вызов. Люк был великолепен, и Джесс до беспамятства влекло к нему, но она не должна была поддаваться.

— Не поддавайся влечению, — бормотала она свою новую мантру. — Не поддавайся влечению.

Если бы не ужасная усталость, она тотчас изложила бы Люку несколько основополагающих правил. Она приехала сюда работать, так что поцелуи, прикосновения и секс исключались. Она ни за что не стала бы спать с клиентом. Люк сможет владеть ее временем, но не ее телом. Хотя ее распутное тело было не в восторге от этого решения...

В свете фар Джесс увидела открытую дверь гостевого дома и высокий силуэт Люка в проеме. Она припарковала машину рядом с «крузером» и выключила айпад, игравший через автомобильные колонки. Хард-роковые вопли, не дававшие клевать носом за рулем, смолкли, и в салоне повисла блаженная тишина.

Люк распахнул для нее дверцу машины, и Джесс отстегнула ремень безопасности. Потом устало улыбнулась, щурясь от лившегося из глубины дома яркого света.

— Привет.

Люк застыл на месте, вместо ответной улыбки или теплого приветствия его лицо будто

окаменело.

— Когда вы выехали из дома? — пролаял он.

И это явно не было дружелюбным тьяканьем. Джесс нахмурилась. И никакого «здравствуйте»? Никакого «рад вас видеть»?

— Мм... сегодня утром. А это что, проблема?

— Да, черт побери, проблема! — огрызнулся Люк. — Что вы вытворяете, проводя за рулем тринадцать часов подряд, никому не сообщив? А если бы вы попали в аварию, как бы я об этом узнал? Вы могли бы сейчас валяться в кювете, а я по-прежнему думал бы, что вы приедете завтра!

Джесс закатила глаза.

— Ну...

— Вы хоть кого-нибудь предупредили?

— Нет, я...

— Это глупо и безответственно. Вы знаете, что может случиться с женщиной, управляющей машиной?

— Она благополучно доберется до места назначения? — Джесс начинала выходить из себя.

— Вы могли сбить корову, столкнуться с неисправностью, получить прокол...

Выйдя из машины, Джесс произнесла ледяным тоном:

— Я взрослая женщина и не должна ни перед кем отчитываться. Я не столкнулась с поломкой, не проколола покрышку и — вот тебе раз! — не сбила корову! Я спокойно добралась сюда. Я хочу чашку чая, душ и теплую постель. Могу я получить это или вам нужно покричать на меня еще немного?

— Вы способны довести даже человека с ангельским терпением.

— И этот человек — явно не вы. — Открыв боковую дверцу машины, Джесс сдернула с сиденья большую сумку. Люк забрал было сумку, но Джесс тут же потянулась к ней. — Я сама могу ее нести!

— Ну и прекрасно. — Люк опустил сумку на землю и поднял руки, сдаваясь. Нет, эта женщина доведет его до бешенства!

Джесс подняла сумку, перекинула ее через плечо и покосилась на главный особняк, утопавший во тьме.

— Света нет?

— Разумеется, нет. Ведь я ждал вас только завтра!

Люк планировал включить в особняке электричество и колонку, нагревавшую воду в ванной, утром, так что теперь оставалось устроить Джесс на ночь в гостевом доме, где обитал он сам. Пока ей придется занять крошечную спальню для гостей.

Вот «радость»! Как он, интересно, будет спать, представляя ее в постели чуть ли не в соседней комнате?

— А мы можем войти? — холодно спросила Джесс.

Люк жестом пригласил ее в дом и направился следом, глядя на ее длинные ноги в свободных джинсах. В этих сапогах на низком каблуке, со своими окрашенными прядками волосами и воинственным выражением лица она напоминала сердитую сову. Сексуальную сердитую сову...

Люк покачал головой, когда плечо Джесс наклонилось под весом сумки, но подавил в себе желание забрать у нее эту тяжесть. Почему он чувствовал такое раздражение? Желание

ее защищать?

Самостоятельное путешествие Джесс через всю страну заранее тревожило Люка. Но поскольку она планировала потратить на поездку больше двух дней и собиралась ехать только в светлое время суток, он твердил себе, что все обойдется. Увидев бледное лицо Джесс и темные круги под ее глазами в свете фар, он испытал невообразимое облегчение, тут же сменившееся гневом: ехать по узким дорогам между горами в таком утомленном состоянии было непозволительной глупостью. И теперь Люк сходил с ума, напуганный потребностью защищать, которая была предвестником привязанности.

С приездом Джесс Люк многое переосмыслил. Не то чтобы он уже не хотел затащить ее в постель — его сердце так и заходило от возбуждения... Но Люк осознавал: если начнет навязывать ей свою опеку, дальнейшая работа окажется под вопросом.

Неужели секс с ней стоил этих осложнений? Хотелось бы ему знать это наверняка... А хуже всего было то, что теперь, когда Джесс находилась в Сен-Сильве, жизнь Люка вдруг обрела смысл.

До Люка донесся тихий стон — это Джесс перекинула тяжелую сумку с одного плеча на другое. Раздосадованный глупым стремлением к самостоятельности, Люк подошел и буквально вырвал сумку у нее из рук.

Джесс начала возражать, но что-то в его лице погасило протест в зародыше.

Превосходно. Он делал успехи, наметился явный прогресс.

Ага, секунд на десять.

— Я современная самостоятельная женщина, которой не нужен мужчина, чтобы носить за нее вещи или читать ей нотации о правилах безопасности на дороге! — заявила Джесс.

Прогресс? Один шаг — вперед, шесть — назад...

— Бла-бла-бла... Просто зайдите в дом, мисс Шервуд, и перестаньте быть занозой в моей заднице, — бросил в ответ Люк. Интересно, хватит ли вина в его поместье, чтобы заглушить досаду, которую он чувствовал в обществе этой женщины?

Наверное, нет.

Ранним утром следующего дня Люк стоял в компании Оуэна на веранде гостевого дома, а в их ногах лежали два огромных родезийских риджбека. Мужчины держали чашки с горячим кофе, так необходимым после пришедших холодов.

Оуэн посмотрел поверх чашки на раскинувшийся перед ними величественный особняк с двускатной крышей.

— Ты должен признать, что это — нечто выдающееся.

Люк кивнул.

— Мои предки были решительно настроены заявить, что это — земля Сэвиджей, и они здесь — главные. Только вот для моего отца главный особняк поместья с семью спальнями был недостаточно просторным. И он приказал построить для меня дом — гостевой особняк поменьше.

Кроме того, Джед Сэвидж переделал старый сарай в офисное помещение, установил тренажерный зал, джакузи и паровую баню, восстановил теннисный корт, благоустроил сады...

— И все это — в кредит, — заметил Оуэн.

После смерти отца Люк продал все, что не было надежно приколочено, исключая разве что фамильное серебро и мебель. Вырученные деньги едва покрыли внушительную долговую брешь, унаследованную вместе с Сен-Сильвом. Честно говоря, гораздо дешевле было бы купить новую винодельню... Если бы Люк сложил все деньги, которые вбухал в поместье за эти годы, он смог бы раза три выплатить стоимость Сен-Сильва.

— Мой отец так заботился о поддержании своего имиджа... И не имело значения, что он оказался на грани и вот-вот потерял бы все. Пока иллюзия совершенства поддерживалась на должном уровне, он был доволен. Иногда мне хочется забраться к нему в могилу и хорошенько его отмугузить.

— А я могу пойти с тобой? — спросил Оуэн.

— Кто это и куда собирается пойти?

Друзья обернулись, и чашка задрожала в руке Люка, стоило ему увидеть стоящую в дверном проеме Джесс в джинсах и сапогах без каблука. Сегодня она обошлась почти без косметики, а волосы собрала в небрежный узел.

После того как Люк представил Джесс Оуэну, тот взглянул на часы и, извинившись, удалился. Люк подумал, что и ему стоит отправиться в свои угодья, но как же не хотелось покидать Джесс... «Будет невежливо бросить ее на произвол судьбы», — солгал он себе.

— Нужно перенести ваши вещи в особняк. Я включил электричество, теперь там есть свет, а горячая вода будет через пару часов.

— Благодарю вас. — Джесс наморщила нос. — Я займусь вещами позже. Мне хотелось бы осмотреть Сен-Сильв, если можно.

— Конечно. Я проведу для вас экскурсию. Что вы хотите увидеть?

Джесс развела руками.

— Все.

— Все?

— Я бывала в погребах и хозяйственных постройках. Теперь мне хочется увидеть угодья, виноградники и фруктовые сады.

— Хорошо.

Люк зашел в дом, сдернул с вешалки толстую куртку и отдал ее Джесс. А сам натянул на футболку с длинными рукавами потрепанную куртку и запихнул в карман спортивную вязаную шапку. В тени гор температура могла быстро упасть.

— Если хотите отправиться со мной, учтите, что я должен проверить, насколько мои служащие продвинулись в обрезке лоз, а потом мне нужно проехать через все хозяйство и проконтролировать, как идет ремонт изгороди.

Люк махнул в сторону мощного кроссового мотоцикла.

— Мой «лендкрузер» сейчас на техобслуживании, а грузовик отправился в город, так что это — единственное оставшееся средство передвижения. — Люк перебросил ногу через сиденье. — Запрыгивайте. Расслабьтесь и не выводите меня из себя. Хотите надеть шлем?

Джесс скользнула на сиденье позади Люка, дерзко усмехнувшись:

— Нет, я хочу свой собственный байк.

— Вы умеете на нем ездить? — удивился Люк, не в состоянии представить эту городскую фифу за рулем мотоцикла.

— У меня четыре старших брата. Я гоняю на байке, ловлю рыбу, занимаюсь серфингом, отлично играю в бесконтактное регби, могу сама развести огонь для барбекю и сменить крышку, — ответила Джесс, устраиваясь на сиденье. Ее бедра прижались к бедрам Люка, а грудь вдавилась ему в спину.

О черт, она казалась прямо-таки идеальной женщиной. И ничего хорошего в этом не было. Люк повернул ключ зажигания, и мотоцикл взревел.

— Да, и чем быстрее, тем лучше! — крикнула Джесс в ухо набиравшего скорость Люка. — Йи-хо!

Он почувствовал, как руки Джесс опустились ему на бедра, и уловил сексуальный аромат ее духов. В лицо ударила струя ветра. Люк спиной ощутил тепло Джесс и поймал себя на том, что... доволен? Нет, наверняка он ошибался. А даже если и так, он по опыту знал, что долго это ощущение не продлится.

День был в самом разгаре, когда Люк повернул мотоцикл к главной части Сен-Сильва, а Джесс превратилась в ледышку. Холодный атмосферный фронт налетел стремительно, окутав все ледяным ветром, который принес свинцовые тучи и прокрался ей под одежду. Джесс зарылась лицом между лопаток Люка и обхватила его бедра замерзшими руками. Как же ей хотелось скользнуть ладонями под его куртку, спрятав их от студеного ветра...

Джесс вскинула голову, когда Люк вдруг затормозил. Не заглушая двигателя, он наполовину обернулся к Джесс, взял ее руки в свои и принялся растирать.

— Я почувствовал, что вы вся дрожите. Простите, я не хотел морозить вас так долго, — сказал он, согревая ее пальцы своим дыханием.

Джесс действительно дрожала, и не только от холода. Стоило взглянуть на темную голову Люка, склонившуюся над ее руками, почувствовать его теплое дыхание на своей коже, как в животе все сжалось.

— Сколько нам еще ехать? — простучала зубами Джесс.

— Минут сорок. Этот холодный фронт подошел так быстро. — Люк посмотрел на небо и нахмурился. — Мы можем промокнуть.

— Что ж, тогда нам лучше двинуться в путь.

Люк вытащил из кармана вязаную шапочку и натянул ей на уши. Он оказался так

близко, что Джесс могла сосчитать каждую его ресницу, увидеть золотистые огоньки в зеленых глазах, рассмотреть еле заметные следы шрама на его левой брови.

Ей так хотелось, чтобы он ее поцеловал...

Холодные руки Люка коснулись щеки Джесс, когда он убирал ее волосы под шапку, и его пальцы задержались на ее скуле на мгновение дольше, чем требовалось.

— Рискую, что вы меня неправильно поймете, но все-таки: сядьте как можно ближе. Засуньте руки мне под куртку — так вы их согреете, — сказал Люк, повернувшись к ней спиной.

Он подождал, пока Джесс прижмется к нему сильнее, и, как только ее руки прижались к его животу, согреваясь, мотоцикл взревел. Джесс снова зарылась лицом между лопаток Люка — теперь ей было намного удобнее. Его живот был твердым и рельефным, а широкая спина надежно защищала Джесс от ветра. А она и забыла, каким в высшей степени мужественным был Люк... И дело было не только в его впечатляющем теле. Просто везде, где бы ни появлялся Сэвидж, он пользовался непререкаемым авторитетом.

Джесс видела, как Люк общается со своими сотрудниками. Он с легкостью отдавал распоряжения, слушал там, где это требовалось, и быстро принимал решения. До этой поездки Джесс и не осознавала, за какое огромное хозяйство он отвечал. У него было небольшое стадо дойных коров, снабжавшее молоком городскую маслобойню, а еще сады, поставлявшие сливы, цитрусовые и маслины.

— Все это способствует пополнению казны Сен-Сильва, — пояснил Люк, и на его скулах заиграли желваки. — Слава богу.

— Неужели казна Сен-Сильва пуста? — пошутила Джесс.

— Вы понятия не имеете, о чем говорите.

Джесс никак не могла этого понять... Почему у Сен-Сильва такие финансовые затруднения, если у Люка есть другие источники дохода? Даже если вино продавалось плохо, молоко и маслины, овцы и фрукты должны были финансировать работу винодельни.

Да, загадка... Джесс вздрогнула, когда крупная капля дождя ударила ее по щеке. Люк положил руку на ладони Джесс, словно успокаивая ее, и она потерлась щекой о его спину.

Люк и Сен-Сильв действительно были загадкой. По слухам, со своего венчурного бизнеса Люк греб деньги лопатой, так что не должен был испытывать недостатка в наличных. У него были обширные деловые интересы, и Люк славился талантом делать деньги, львиная доля которых, как подозревала Джесс, вкладывалась в поместье. И все-таки он ясно давал понять, что винодельня работала себе в убыток.

Дождь припустил всерьез, за какую-то минуту капли превратились в ледяные пули, миглом промолившие ее джинсы и проникшие под горло ее свитера. Джесс застонала.

— С вами все в порядке? — прокричал ей Люк.

«Я замерзла и промокла до нитки», — подумала Джесс, но это он и так знал. Какой смысл было ныть?

— Я в порядке. Хотя сейчас убила бы за чашку кофе!

— В этом мы с вами едины. Проклятая кейптаунская погода! — проорал Люк, неожиданно притормаживая.

— Почему вы остановились? Я думала, мы должны как можно быстрее добраться до дома!

— Так и есть. — Люк взглянул на маленькую тропу, ответвляющуюся от грунтовой дороги. — Как насчет езды по бездорожью?

— Мне доводилось это делать. — Джесс задумчиво поджала губы. — Так мы доберемся быстрее?

— Это позволит сэкономить минут двадцать. Но ехать трудно. И грязно. А еще нам предстоит одолеть большой ручей.

Джесс махнула рукой:

— Я и так уже промокла. Поехали.

Люк сжал ее бедро.

— А вы крепкий орешек, мисс Шервуд. И все больше меня удивляете.

Джесс не знала, считать ли это комплиментом.

* * *

Люк уже разделался с одной чашкой кофе и пил вторую, когда Джесс вошла в кухню, успев переодеться в другие джинсы и темно-синий свитер.

— Кофе? — предложил Люк.

— Боже, да. — Джесс обхватила чашку руками и сделала глоток. — О, это восхитительно!

Джесс уселась за деревянным столом в центре кухни, снова отпила кофе и вздохнула. Встретившись с Люком глазами, она улыбнулась:

— Да уж, экскурсия та еще, Сэвидж...

— Мне очень жаль, что мы задержались и попали в бурю, — отозвался Люк. Это было так на него не похоже! Обычно он просчитывал все заранее, но сегодня сосредоточился на Джесс, на желании досконально изучить ее. На том, как ее тело прижималось к его телу, как она разговаривала с его сотрудниками, как вдруг останавливалась и вглядывалась в даль...

Поведение этой городской девчонки впечатлило Люка. Он ждал, что Джесс начнет ныть и жаловаться на непогоду, но она терпела. Пока он вел мотоцикл сквозь грязь, траву и ледяной ручей, она хранила молчание, чтобы ничем не нарушить его концентрацию, и Люк домчался домой за рекордное время.

— Мои сапоги заляпаны грязью. Но я могу их почистить, в отличие от тех замшевых туфель на шпильках, которые пришлось выбросить.

Люк расплылся в улыбке:

— А я ведь говорил! Вам нужны резиновые сапоги.

Джесс содрогнулась:

— Они невероятно уродливы!

— Зато созданы как раз для грязи и дождя.

Джесс поставила чашку на стол и взглянула в окно.

— В самом деле, все размыло.

— Что поделать — зима в Кейптауне, — заметил Люк. — Хотите еще кофе?

— Пока нет. Спасибо за экскурсию. У меня уже появилось несколько идей для рекламной кампании...

— Не хотите поделиться ими со мной? — Люк тоже сел за стол, устроив ноги на сиденье ближайшего к нему стула.

— Еще нет. Они пока не оформились.

— Тогда расскажите, почему вы захотели работать на меня. Почему заявили сюда

непрощенной гостьей, Джесс?

— Это — громкая кампания, и я достаточно конкурентоспособна, чтобы желать заполучить ее. Это одна причина. Другая заключается в том, что я приобрела широкую известность как специалист, берущийся за спасение практически обреченных брендов и фирм. А еще я питаю слабость к Сен-Сильву, и в этом проекте выложусь по полной программе.

— Даже несмотря на то, что я...

— Поскандалили со мной, поцеловали меня, а потом выставили? — улыбнулась Джесс. — Я заслужила все, что вы мне сказали. Вы были правы, уволив меня, и тот поце... Ладно, все быльем поросло.

Что же Джесс собиралась сказать о поцелуе? Что он был фантастическим? Что она хотела бы его повторить? Что они получили бы несказанное удовольствие в постели? Потому что сам Люк думал именно так! Но секс с ней не стоил риска попасть в ловушку эмоциональной зависимости. И именно поэтому Джесс не должна была сидеть на его кухне в это дождливое воскресенье — такая милая и обольстительная...

Он резко поднялся.

— Я не могу рассиживать без дела и пить кофе весь день. Мне нужно в офис.

Джесс удивленно вскинула брови:

— Ни сна, ни отдыха измученной душе? Даже в воскресенье?

— Я управляю и другими компаниями... мне нужно использовать любую свободную минуту. — Люк махнул в сторону холодильника. — Не стесняйтесь, если захотите поесть, берите все, что найдете. Когда буря стихнет, я помогу вам переехать в особняк. В гостиной есть телевизор...

Джесс передернула плечами:

— Я захвачу из комнаты свой ноутбук и тоже немного поработаю.

Люк сунул руки в карманы, отчаянно борясь с желанием немедленно потащить ее наверх, в постель.

— Ладно. Позовите меня, если вам что-то потребуется.

Джесс кивнула:

— Я справлюсь, Люк. Как всегда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Первый раз в мировой истории съемочная группа не опоздала», — подумала Джесс, пока ее автомобиль катился к дому Люка. У двери уже стояли машины кинокомпании. За ними маячили тучная фигура ее любимого режиссера, Сбу, и тонкая, как тростинка, стилист Бекка.

Джесс не планировала снимать первый рекламный ролик спустя всего две ночи после приезда в Сен-Сильв. Но Оуэн сообщил, что обрезка винограда почти закончена, и, если Джесс хочет запечатлеть Люка за работой над лозами, на которых осталось немного листвы, нужно пошевелиться. К счастью, Сбу и его команда сегодня были свободны, — вообще-то они собирались заняться каким-то монтажом, но Джесс убедила их отложить дела.

Она немного посидела в машине, понимая, что следующие несколько часов будут сущим безумием. Ей требовалось пять минут, чтобы собраться с мыслями...

Теперь ее устроили в главном особняке поместья, предоставив красивую спальню, к которой примыкали кабинет и большая ванная комната. Когда буря стихла, Люк помог

Джесс перенести вещи, а потом скрылся в офисе. Чуть позже до Джесс донесся рев мотоцикла. Она услышала, что Люк вернулся около семи, и, когда он не зашел к ней, решила, что тоже слишком утомилась, и с наслаждением упала на огромную кровать.

Джесс не видела Люка с тех пор и теперь думала о том, что, скорее всего, придется разыскивать его где-то среди угодий.

«Или все-таки не придется», — заключила Джесс, выскакивая из машины. Люк стоял у дома, беседуя со Сбу, и... что это на нем было надето? Белая рубашка, застегнутая на все пуговицы, и брюки цвета хаки... чтобы обрезать виноград? Мм... нет! Этот наряд явно не подходил для такой работы.

Джесс схватила сумки с покупками — если она не собиралась питаться в компании хозяина дома, ей нужно было позаботиться о еде самой — и зашагала к Люку и Сбу. Люк машинально потянулся к сумкам, которые она с благодарностью ему и вручила. Готовые к употреблению продукты, приобретенные в огромных количествах, оказались тяжелыми, и Джесс была счастлива пожертвовать феминистскими принципами, чтобы вернуть чувствительность онемевшим рукам.

— Привет, Люк, — бросила Джесс и обняла режиссера. — Рада тебя видеть, Сбу. Ты получил мой черновик сценарной раскадровки?

— Гм... — Сбу сунул руки в карманы модных брюк. — Это ведь все равно ни на что не влияет, Джесс. Ты вечно все меняешь по ходу работы.

— Меняю в лучшую сторону, — напомнила Джесс.

— С этим не поспоришь, — ответил Сбу. — Ну что, готова приступить к делу?

— Почти. Мне нужно кое-что убраться, а Люку нужно переодеться.

Изящно выщипанные брови Бекки сдвинулись.

— А что не так с его костюмом?

— Да все, — ответила Джесс. — Он выглядит так, будто лишь изображает кого-то, занимающегося сельским хозяйством. Он должен выглядеть соответствующим образом, он ведь не работает в подобном наряде.

— И слава богу, — донеслось до нее бормотание Люка.

— Что ж, давайте свалим куда-нибудь продукты и избавим вас от этой одежды, — предложила Джесс и предупреждающе вскинула руку, когда его рот весело дернулся. — Даже не начинайте... — произнесла она так тихо, что ее смог услышать только Люк.

— Этого не произошло бы, если бы вы пригласили модель, — проворчал он, поднимаясь вслед за Джесс в свою спальню.

— Боюсь, это все равно бы случилось. Я одержима вниманием к деталям. Я — настоящая заноза в заднице, когда дело касается работы, и неутомимая перфекционистка.

— Фанатичка контроля, не так ли?

— Точно.

— Было бы забавно посмотреть, как вы теряете свой хваленый самоконтроль, блондиночка.

Этот комментарий заставил Джесс обернуться — и перехватить его взгляд, сосредоточенный на ее попке. Люк даже не попытался изобразить раскаяние, и его типично мужская оценка была Джесс... приятна.

— Вы собираетесь пялиться на мою задницу все время, пока мы поднимаемся по лестнице? — спросила Джесс.

— Конечно... пока она маячит передо мной, в этом нет ничего криминального, — невозмутимо ответил Люк. — Значит, сегодня вы собираетесь снимать меня за обрезкой лоз?

Джесс пояснила, что они собираются снимать, как он объезжает угодья на мотоцикле, обрезает виноград и гуляет.

— О, какая радость, — саркастически пробормотал Люк.

В его глазах отразилась досада и явная неуверенность в себе. Он выходил из зоны комфорта, передавая бразды правления другим, и ему это не нравилось. Джесс от души сочувствовала Люку. Если бы ее попросили дефилировать по офису и улыбаться на камеру, она тоже не была бы мисс Ясное Солнышко.

— Послушайте, если вам не по себе от того, чем мы занимаемся, только скажите, — предложила Джесс. — Нам со Сбу вы нужны как можно более естественным, непринужденным. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы сделать процесс съемок максимально легким для вас.

Они дошли до вершины лестницы, и Люк провел Джесс в свою спальню. Это было внушительных размеров комната с большой двуспальной кроватью. Этому пространству отчаянно требовалось добавить красок, подумала Джесс, изучая нейтральные тона интерьера. Бежевые шторы, кремовое постельное белье на застеленной второпях кровати... И тут ее внимание привлекла висевшая на стене картина. Это было изображение виноградников Сен-Сильва, окутанных пеленой тумана, с едва проступавшими контурами зданий на заднем плане. Джесс долго смотрела на пейзаж, увлеченная его загадочностью и живыми красками.

И она влюбилась... в картину и Сен-Сильв. Непостижимо, но пейзаж тронул самые тонкие струны ее души. Джесс была дочерью художника, но ни на одно произведение искусства не реагировала так, как на эту картину. Это было внушительных размеров полотно, почти двухметровый квадрат, но само изображение казалось необычайно сокровенным, близким, и Джесс захотелось попасть внутрь рамы.

— Джесс?

— О, мне так это нравится... — после долгой паузы произнесла она и опустилась коленями на кровать, чтобы рассмотреть подпись в левом нижнем углу. — Кто это написал? Изумительно, просто фантастика!

— Моя мать.

— Ваша мать была художницей? Мой папа — художник! — оживилась Джесс. — Интересно, встречались ли они когда-либо?

— Вряд ли.

— Вот бы вы удивились, если встречались! Я должна спросить у папы, был ли он с ней знаком. — Джесс оглянулась на Люка через плечо. Он стоял у кровати, засунув руки в карманы, и пристально смотрел на картину. — Она ведь умерла, когда вы были совсем маленьким, верно?

— Мне было три года.

Джесс села на край кровати.

— Вы ее хоть немного помните?

Люк помедлил с ответом.

— У меня осталось смутное ощущение длинных темных волос.

— Вы унаследовали хоть крупицу ее таланта?

— Нет. А вы?

— Только любовь папы к искусству и умение ценить творчество, но не его дарование, — Джесс снова взглянула на картину. — У вас есть что-нибудь еще из ее работ? Если есть, я бы купила их прямо сейчас.

— У меня только эта картина и еще одна — в гостиной, внизу. — Люк показал на две закрытые двери в другом конце комнаты. — Там моя гардеробная.

Разговор был окончен. Джесс вздохнула. Люк был таким же загадочным, как картина его матери. Непостижимым и безмерно привлекательным... Подойдя к гардеробной, Джесс распахнула двери и вскинула брови, увидев царивший там беспорядок.

А еще весь такой неотразимый Люк был самым настоящим неряхой.

По обе стороны узкого прохода, ведущего в смежную со спальней ванную, располагались полки. С правой стороны висела вешалка, изогнувшаяся под тяжестью пиджаков и рубашек. Джесс так и тянуло разобрать весь этот кавардак: груда футболок была втиснута рядом с несколькими папками, свитеры валялись поверх стопки бумаг, а обувь и спортивная одежда кучей громоздились на полу.

Джесс обнаружила несколько джинсов и выбрала из них пару, которую Люк надевал на днях, — с отпечатком руки на задке. Потом просмотрела рубашки, что-то бубня себе под нос. Они были или чересчур деловыми, или чересчур повседневными, а Джесс искала что-нибудь поношенное, удобное... И она нашла это, в самом конце вереницы вешалок: фланелевую рубашку в зелено-черную клетку с длинными рукавами, недостающей пуговицей и наполовину отвалившимся карманом. Джесс вытащила рубашку и кивнула. Просто идеально.

— Джесс, этой рубашке лет двенадцать. Я носил ее, когда путешествовал летом по Аляске. Она разваливается на части, — недовольно заметил Люк.

— Это именно то, что я хочу. А где ваша ярко-зеленая футболка с длинным рукавом и ваш кожаный ремень?

— Ремень в ванной. Зеленая футболка? В куче... — Люк усмехнулся, заметив ее неодобрение. — Я так понимаю, в ваших шкафах царит армейский порядок? Все рассортировано по типам одежды?

И по цветам. Но Джесс не думала, что стоит рассказывать ему о своей патологической аккуратности.

— Переоденьтесь. Футболку — вниз. Это — сверху. Засучите рукава. И нужны ваши обычные ботинки.

— Да, босс, — проворчал Люк.

Боже, этому мужчине требовалась жена — хотя бы для того, чтобы разобрать весь этот беспорядок! Люк прошел в ванную, а Джесс вернулась в спальню и подошла к полке, на которой заметила фотографии в серебристых рамках. Один снимок изображал Люка, Кендалла и Оуэна после регбийного матча. Другой запечатлел пожилых людей, стоящих рука об руку в дверном проеме особняка. Судя по одежде, это были бабушка и дедушка Люка. На фото в самой красивой, богато украшенной рамке явно была изображена мать Люка, которая обнимала карапуза-сына, с обожанием глядя на него.

Джесс взяла снимок и рассмотрела женский аналог лица Люка. Вот какими были его глаза, когда он был счастлив, — они будто танцевали на лице... Его нос был длиннее носа матери, а рот — немного тоньше. Но эти глаза, овал лица и пышные волосы... все это он унаследовал от нее.

Джесс поставила фотографию на место, заметив, что отца Люка не было ни на одном из

оставшихся снимков. Услышав шаги за спиной, Джесс обернулась. Ага, именно таким она и хотела его видеть — расслабленным, небрежным... счастливым в этой своей старой одежде, потому что, черт возьми, он был Сэвиджем Сен-Сильвским. Ему не нужно было наряжаться и притворяться кем-то еще...

Джесс улыбнулась:

— Совсем другое дело.

— Вот и хорошо, потому что я не буду снова переодеваться. — Люк одернул на себе одежду. — Я люблю эту рубашку. Я и забыл о ней.

У Джесс чуть не сорвалось с языка, что, если бы он расчистил этот чулан, наверняка нашел бы еще немало полезного.

— Почему среди фотографий вашей семьи нет снимка вашего отца?

— Потому что мой отец не относится к моей семье, — огрызнулся Люк.

Ого! Что же между ними произошло?

— Мы можем приступить? У меня еще куча дел. — Он махнул в сторону двери.

Джесс кивнула и вышла из комнаты. Ее семейка могла сводить с ума, но Джесс и представить себе не могла, что родных нет в ее жизни. А вот Люк, похоже, вырос без родительской поддержки...

Из своей гостиной Люк увидел, как Джесс попрощалась с рыжеватой блондинкой, которая только что положила огромную папку для эскизов в багажник машины. Потом Джесс повернулась, чтобы направиться к особняку, и зябко потерла руки. Ветер растрепал ее светлые волосы, и в этих черных джинсах и коротком кремовом свитере она выглядела такой же энергичной и цветущей, как утром, если, конечно, не считать кругов под глазами и напряжения, сковавшего ее плечи.

Люк заметил, как Джесс бросила взгляд на дверь его гостевого дома, а потом уловил мелькнувшую на ее лице нерешительность и легкое покачивание головы. Джесс ни за что не нарушила бы его уединение, не переступила бы черту между работой и флиртом.

Люк еле заметно улыбнулся. «Пожалуйста, не стесняйтесь развеять мое одиночество, — про себя обратился он к Джесс, — особенно если у вас на уме что-то пикантное».

Джесс двинулась к особняку. Это было унылое место, необъятное и угнетающее, и Люк провел здесь немало времени в полном одиночестве. Холодными зимними ночами дом казался мрачным, и Люк не хотел, чтобы Джесс оставалась там одна сегодня вечером.

Или это он сам не хотел оставаться один сегодня вечером... После безумного дня, проведенного перед камерами, ему хотелось чего-то самого обыкновенного. Горячего ужина, стакана вина, компании.

Перед тем как пригласить Джесс к себе, Люк зашел в прихожую и накинул куртку. Стоило открыть дверь, как в лицо дунул ледяной ветер, и Люк стал гадать, не замерзнет ли Джесс этой ночью. В особняке не было центрального отопления: отец Люка швырялся круглыми суммами, как русский нефтяной миллиардер, но отказывался тратить деньги на утепление дома. На кровати Джесс постелили пуховое одеяло, в ее комнате стоял обогреватель, а в кабинете был камин — о боже, Люк забыл оставить ей немного дров! — но если бы Джесс захотелось посидеть в одной из гостиных, ей понадобился бы лыжный костюм.

Зябко втянув голову в плечи, Люк обошел особняк и поднялся туда по черной лестнице. Прошмыгнув на кухню, он подул на застывшие пальцы и обвел взглядом пространство. Рядом с включенным чайником стояла кружка с чайным пакетиком...

Люк вышел из кухни в коридор и остановился у основания второй черной лестницы. В былые времена это была лестница для слуг, и мальчиком Люк пользовался только ею.

— Привет.

Люк поднял взгляд и увидел Джесс, свесившуюся через узкие перила второго этажа.

— Привет. Хотел узнать, не поужинаете ли вы со мной.

Джесс улыбнулась.

— Что входит в меню?

— Вы питаетесь, как студентка универа, так что не привередничайте, — ответил Люк. — Спускайтесь сюда — и увидите.

Энергии лучистой улыбки Джесс хватило бы на то, чтобы разжечь радугу. Джесс исчезла из поля зрения и спустя пару секунд появилась на самом верху лестницы, задорно вспорхнув на перила.

— Джесс, нет!

Люк инстинктивно бросился к краю лестничной ограды и затаил дыхание, а Джесс

слетела по перилам вниз, практически упав в его объятия. Люк сомкнул руки вокруг ее талии и подогнул колени, чтобы смягчить силу удара.

— Бабах... — пробормотала Джесс, когда их тела соединились.

Люк держал ее в объятиях, и они вместе покачнулись, восстанавливая равновесие. Джесс пришла в себя быстрее — она откинула голову назад, а в карих глазах заплясали веселые искорки. И Люк сделал то, что совершил бы на его месте любой пылкий мужчина. Поцеловал ее. Настойчиво и безрассудно, прижав ее спиной к стене, проталкивая колено между ее ногами, потирая внутреннюю часть ее бедра...

О боже, она была восхитительной! Мягкой и податливой, тонкой, но сильной. Ее великолепные груди вдавились в его торс, и Джесс невольно наклонила бедра, еще сильнее прижимаясь к Люку. Он нырнул рукой в открытое пространство между ее спиной и джинсами — ее кожа была гладкой, теплой, манящей... Гадая, носит ли Джесс по-прежнему стринги, он скользнул ладонью ниже. Ага, вот и они... знакомые тонкие веревочки.

Люк придвинулся к Джесс еще ближе — так близко, что мог почувствовать биение ее сердца, уловить еле слышные стоны с придыханием, вырывавшиеся у нее, когда их языки переплетались. Ее аромат был свежим и притягательным, ее вкус — пряно-сладостным, и Люк быстро распалился.

Что же такое в ней было, что заставляло его заводиться с пол-оборота и терять голову за считанные доли секунды? Она не была самой красивой женщиной, которую он когда-либо сжимал в объятиях, не обладала самой восхитительной фигурой. Но она заставляла его вспыхивать от вожделения. Он жаждал обладать ею, пробовать на вкус этот сладостный рот, довить блеск ее глаз, чувствовать теплоту ее улыбки. Он хотел видеть ее в своей постели, чтобы ее тело разгорячилось от наслаждения, ее ноги крепко обхватили его за талию, а ее глаза закрылись в блаженном экстазе...

Люк почувствовал, как Джесс вздохнула, ее дыхание коснулось его рта, а ее ладони выпрямились и уперлись ему в грудь...

— Я хочу тебя, — прошептал он у ее скулы, услышав в своем голосе хриплые нотки желания.

— Я знаю, — еле слышно ответила она. — Но все слишком быстро... Я не могу...

— Почему нет? — настойчиво спросил Люк, откидывая голову. — Мы двое одиноких взрослых людей, которых влечет друг к другу. Ничего не изменится, если...

Стоя с Джесс бедром к бедру, нос к носу, Люк почувствовал сопротивление, наполнившее ее мускулы.

— Я никогда не искала секса на одну ночь, Люк, и завтра утром нам с тобой предстоит работать вместе. Эта кампания слишком важна, чтобы идти на риск все испортить.

— Я бы рискнул, — прорычал Люк, легонько укусив ее пухлую нижнюю губу.

Джесс шлепнула его по груди.

— Отойди. — Когда Люк отпрянул, она покачала головой. — Еще. Дальше — мне нечем дышать.

И он подчинился. Скрепя сердце отошел и привалился к стене рядом с Джесс. Эта женщина доведет его до гибели. Он станет первым человеком на свете, который умрет от сексуальной неудовлетворенности.

И тут Джесс бросила с нарочитой небрежностью:

— Итак, как же ты оценишь мой спуск с перил? На семь? Восемь баллов?

— На пять. Средненько, — неохотно ухмыльнулся Люк. — Недостаточно хорошо, но

сгодится.

Джесс вскинула брови.

— А ты, надо полагать, спускаешься лучше?

— Само собой.

— Докажи.

Она что, бросала ему вызов? Кто быстрее съедет по перилам? Люк закатил глаза и увидел в ее надменно вскинутой брови задорное желание взять на «слабо».

— Ты просто трусливая мокрая курица! — заявила Джесс, задорно прокудахтав.

Ему не стоило поддаваться на это. Вот еще — какое ребячество! Джесс снова издала кудахтанье, и Люк метнул на нее гневный взгляд.

— Я так понимаю, это братья научили тебя кататься на перилах?

— Кто же еще? У нас дома — длинная лестница. Обычно мы стелили внизу матрас... хочешь, я притащу матрас из спальни?

— Я не собираюсь кататься на этих проклятых перилах!

Джесс захохотала в ответ:

— Ты ведь уже подумал об этом! Просто сделай. Прояви себя — или распишись в неудаче.

Люк покачал головой:

— Ты просто несносный ребенок!

«Мужчина способен многое получить, приняв вызов женщины», — мелькнуло в его голове. Всю свою жизнь он взбегал по этой лестнице и скатывался на перилах. Последний раз он делал это за пару недель до смерти отца.

Люк искоса взглянул на Джесс.

— Мокрая курица, да?

— Кудах-тах-тах!

— Мм... хорошо, я принимаю твой вызов, но ты в таком случае должна принять мой.

— И какой же? — насторожилась Джесс.

Люк усмехнулся и откинул волосы с ее лба.

— Если съеду по перилам, поцелую тебя.

Глаза Джесс затуманились.

— Ты только что это сделал, — прерывающимся голосом напомнила она.

— Я поцелую тебя еще раз. В споре все средства хороши.

— Это не самая лучшая идея, Люк.

— Кудах-тах-тах! — Вот так, он тоже умел изображать мокрых куриц.

Джесс сердито взглянула на него, но Люк почувствовал, что она уступает. Казалось, Джесс тоже не могла сопротивляться этому вызову и ущипнула его за мягкое место.

— Что ж, покажи, как это делает настоящий профи.

Люк ухмыльнулся, собрался с духом и, перескакивая через ступеньки, понесся вверх по лестнице. На самой вершине он оперся ягодицами о перила и покатился вниз, словно ему опять было десять лет. Набрав скорость, он издал ликующий вопль. И долетел до самого конца... О, черт! Вспомнив в последний момент, что нужно согнуть колени, он приземлился — неуклюже, но вполне благополучно.

Уперев руки в бока, Люк усмехнулся:

— Я давно не практиковался. Получилось не слишком-то изящно.

Джесс ободряюще потрепала его по спине.

— Это еще мягко сказано. Так что же у нас на ужин? Умираю с голоду.

Джесс повернулась, чтобы уйти, но Люк ловко подцепил пальцем карман ее джинсов. Она затормозила на полном ходу и ругнулась себе под нос.

— Собираешься сбежать, не выполнив обязательства? — осведомился Люк, обнимая Джесс за талию и зарываясь лицом в изгиб ее шеи.

Джесс затаила дыхание. Исходивший от Люка аромат сводил ее с ума — это было восхитительное сочетание мужского запаха и дезодоранта, сексуальности и разгоряченной кожи.

Люк легко развернул Джесс к себе, обнял за стройную талию и притянул ближе. Потом подавил слетевший с ее губ возглас своим ртом и, когда ее рот приоткрылся, впился в него поцелуем. Джесс почувствовала, как пальцы Люка сжали ее ягодицы и обожгли сквозь одежду. Она мечтала о таком поцелуе последние три недели. Черт, последние восемь лет.

Люк запустил пальцы в волосы Джесс, откидывая ее голову, чтобы еще глубже впиться в ее губы. Он вздохнул, когда руки Джесс обхватили его за талию, а ее ладони скользнули под рубашку, жадно исследуя выпуклости мускулов.

«Я хочу его... хочу, чтобы этот поцелуй длился как можно дольше», — подумала Джесс, когда губы Люка запорхали над ее щекой и подбородком. Потом они оттянули ворот ее свитера, и зубы Люка легонько коснулись ее шеи. Его пальцы скользнули по ее ребрам, и Джесс изогнулась вслед за движением его руки.

Услышав тихий стон Джесс, Люк немного присел и, скользнув ладонями ей под ягодицы, приподнял ее.

Джесс инстинктивно обхватила его талию бедрами, смутно осознавая, что Люк прижимает ее к стене. Он резко стащил свитер через ее голову, и Джесс ощутила кожей ледяные кирпичи. Глаза Люка запылали, когда он взглянул на ее груди, спрятанные под кружевным сиреневым бюстгальтером.

— Люк...

— Что? — пробормотал он у ее рта. — «Сорви с меня одежду?», «Возьми меня прямо сейчас?».

Хотелось бы ей сказать нечто подобное! Отдаться ему, забыться в его объятиях... Но это означало бы вручить ему чуть-чуть контроля, а Джесс опасалась стать уязвимой.

От нее потребовались все силы, чтобы опустить ноги и отцепить руки от талии Люка. Изогнувшись, Джесс выскользнула из его объятий, оставив стоять лицом к стене.

— Уф! Так на чем же мы остановились?

Люк рассеянно потер лицо руками.

— Понятия не имею. Дай мне минутку, чтобы кровь прилила к мозгу, и я скажу.

— Ужин, — оживленно подсказала Джесс, натягивая свитер. — Ты собирался угостить меня ужином!

— Я бы предпочел заняться с тобой любовью, — проворчал Люк.

Джесс взглянула на его сильные плечи и мускулы, набухшие, когда он скрестил руки на груди, и заметила разочарование, застывшее в темно-зеленых глазах. Он действительно хотел ее. И это заставляло Джесс чувствовать себя могущественной, легкомысленной и такой женственной...

Джесс сидела за кухонным столом, пока Люк готовил на ужин спагетти болоньезе. Благодаря ароматам свежих трав, чеснока и вина, которые смешал Люк, она чувствовала себя

так, будто оказалась в своей любимой Тоскане.

Но в Тоскане она обошлась бы без ноутбука и айпада, не стала бы перед ужином обсуждать работу. Но, зная, по какому напряженному графику живет Люк, Джесс понимала: нужно использовать любую свободную минуту. И, заручившись его согласием, захватила компьютер, чтобы напомнить Люку и себе, зачем она приехала в Сен-Сильв. Работать, а не заводить интрижки. Работать, а не гоняться наперегонки на перилах. Работать, а не обмениваться пылкими поцелуями...

«Работай, Джессика», — приказала она себе, но электронные письма так и расплывались перед глазами. Люк не только взбудоражил ее гормоны, но и вызвал желание докопаться до того, что прячется под его непроницаемой маской. Душа Люка Сэвиджа таила в себе неизведанные глубины...

И ей явно не стоило в эти глубины проникать. Точно так же, как не стоило и уступать искушению прыгнуть к нему в постель. Джесс прекрасно знала научную теорию привязанности. Девушка считает, что завела легкий роман, но половой акт освобождает «гормон объятий», — как же он называется? окситоцин? — и она вдруг начинает чувствовать, что этот мужчина может быть тем единственным, ее судьбой, отцом ее детей.

Но потом, спустя месяцы, годы, десятилетия, она застаёт его в постели, тестирующим «гормон объятий» другой женщины. А все потому, что когда-то ей вздумалось удовлетворить свое физическое желание. Нет, этого нельзя было допустить...

— Я уже могу уловить дым от твоих извилин, — заметил Сэвидж, нарезаая лук зловещего вида ножом. — О чем задумалась?

Джесс скользнула по нему отсутствующим взглядом.

— Что?

— Мысленно ты — где-то очень далеко. — Он забросил лук в сковородку с шипящим чесноком и кивнул на ноутбук. — И ты принесла работу... это не обнадеживает, ведь я пытаюсь соблазнить тебя своими кулинарными талантами.

Джесс взяла бокал вина.

— Должна тебе сказать, что мой бывший готовил, как бог, и ему все равно потребовалось три месяца, чтобы затащить меня в постель.

«Ты легко затащил бы меня в постель, но с той же легкостью мог бы и уйти, — про себя обратилась к Люку Джесс, — а я не настолько опытна в любовных делах. Секс — нечто сокровенное, и вместе со своим телом я вручила бы тебе частичку своей души. Это меня пугает. Я не хочу страдать».

И Джесс решила сменить тему.

— Я принесла работу потому, что должна поговорить с тобой о кампании.

— Говори, — безропотно согласился Люк.

Она пробежалась по графику на следующие пару недель и рассказала, какие светские мероприятия Люку следует посетить. Одни проводились в Кейптауне, другие — во Франсхуке, а еще два должны были состояться в близлежащих винодельческих городах Стелленбос и Паарл. Все это были торжества для высшего общества, и получить приглашения для Люка удалось без труда.

— Похоже, пора отнести смокинг в химчистку, — пробормотал он.

Джесс выключила ноутбук и откинулась на спинку стула. Люк прислонился к столешнице с бокалом в руке. Джесс заметила теплоту в зеленых глазах, и у нее сжалось горло. Это был романтичный конец трудного дня: мужчина, который готовит ей ужин и

смотрит так, будто хочет проглотить ее целиком...

В этот момент вдруг зазвонил мобильный Джесс. Увидев, что звонит ее самый старший брат, Ник, она улыбнулась и промурлыкала:

— Ой, привет! Я так рада тебя слышать!

Перехватив хмурый взгляд Люка, Джесс попросила брата подождать и, извинившись, прошла из кухни в гостиную. Там висела другая картина — на сей раз пейзаж с изображением пляжа, заброшенного дома и бурного, холодного Атлантического океана. Каждый мазок таинственной картины, казалось, был пронизан одиночеством. Работа матери Люка...

Джесс вздрогнула и подошла к камину.

— Прости, ты не мог бы повторить еще раз?

...Окончив разговор, Джесс направилась обратно на кухню. Ее мысли снова унеслись далеко-далеко... Не удостоив вниманием взгляд, которым ее пронзил Люк, она взяла свой бокал и одним махом осушила его.

— Эй! — запротестовал Люк. — Этому вину пятнадцать лет. Если ты собираешься вот так опрокидывать его в себя, я дам тебе что-нибудь подешевле.

Джесс скривилась.

— Прости.

— Проблемы? — кивнул Люк на ее телефон. — Плохие новости?

— Нет. Просто пытаюсь сладить со своей семьей. Это звонил Ник, самый старший мой брат, который обожает командовать и пытается устроить мою жизнь за меня.

— Похоже, ты не слишком-то этим расстроена.

Джесс слабо улыбнулась.

— Если честно, он — единственный, от кого я могу это выносить. Он так долго оставался в стороне от моей жизни, что сейчас я готова прощать ему властные замашки. Хотя, чувствую, мое терпение иссякает.

— И в чем тогда проблема? — Люк перемешал соус болоньезе и плеснул немного оливкового масла в кастрюлю с водой на плите.

— На следующей неделе нас ждут длинные выходные, в пятницу — национальный праздник.

— Да. И что?

— Мои родные по традиции проводят этот уикэнд вместе. Все мои братья, их дети, мои родители, я... Обычно мы уезжаем куда-нибудь на эти несколько дней. Я сказала им, что не смогу поехать с ними в этом году, потому что я очень занята и потому что... — Джесс запнулась и поморщилась.

Люк подошел к ней и приподнял ее подбородок, заставив взглянуть в глаза.

— И почему же?

— Потому что они продолжают намекать, что мне неплохо бы снова сойтись с моим бывшим. Три моих брата — его хорошие друзья. Он часто проводил этот уик-энд с нами.

— Но ты объяснила родным, что все кончено? Почему они давят на тебя?

— Потому что Грант сказал им, что не прочь возобновить со мной отношения, а я якобы толком и не знаю, с чего захотела с ним расстаться. Братья считают, что я импульсивна и придиричива, что мне стоит понять, кого я потеряла. — Джесс с досадой запустила пальцы в волосы.

— Он изменил тебе, — уверенно заявил Люк.

Рот Джесс удивленно раскрылся.

— Как ты узнал?

Легонько щелкнув ее по носу, Люк вернулся к плите.

— Я увидел это в твоих глазах. Почему ты не рассказала своей семье?

Джесс села, поставив локти на стол.

— Отчасти из гордости. Он оставил меня с носом, и, как я уже сказала, они дружат. Долгие годы... Это все только осложнит. Если они узнают о его измене, произойдет нечто ужасное.

Оторвавшись от помешивания соуса, Люк изумленно взглянул на нее:

— Они побьют его?

Джесс скривилась.

— У них и в мыслях не было бы ничего подобного. Но мои братья всегда так защищают меня! Грант может сказать какую-нибудь глупость, и кулаки взлетят сами собой...

— Ты, должно быть, преувеличиваешь.

— Когда мне было пять, меня травили в школе. Братья подвесили задиру — девочку — на крючок. И все четыре мальчика семейства Шервуд, в возрасте от шести до десяти лет, оказались в кабинете директора.

— Ого!

— Мне было тринадцать, я собиралась на свои первые танцы. И этот квартет как следует пригрозил моему спутнику. Он так испугался, что сбежал, и я пошла на танцы одна. Шестнадцать — другой мальчик, другой поцелуй... Ник окатил парня из шланга. Зимой. И так далее и тому подобное...

— Везет тебе! — Люк протянул ей ложку, давая попробовать соус.

Джесс взяла его за запястье, подула на ложку и отведала немного. Соус был великолепным — пряным, чесночным, мясным.

— Вкуснятина. Везет? Ты спятил? Они — напасть всей моей жизни. Во все суют свой нос, во все вмешиваются и по-прежнему считают меня маленькой девочкой, которой требуется направляющая рука и защита.

— Но, должно быть, здорово осознавать, что есть четыре человека, готовые броситься за тебя в огонь и в воду, — серьезно произнес Люк, и Джесс осознала, что он прав. — Или побить твоего бывшего.

— В том-то и дело.

— Он изменил тебе. Он это заслужил. Ведь это произошло, или ты лишь подозревала его?

— Я застучала их в моей постели. Эта девица скакала на нем.

— Вот гад, — припечатал Люк, бросая спагетти в кипящую воду. — Но ты, похоже, не слишком переживаешь по поводу его измены.

Джесс пожала плечами:

— Для меня все уже позади. По большей части.

— По большей части?

Джесс завела глаза к потолку. Ну как объяснить, что она чувствовала себя скорее глупой, нежели оскорбленной?

— Он сказал, что я — стерва, унижающая мужчин, психованная упертая командирша. Наши отношения обернулись полным провалом.

Джесс откинула руку на спинку стула, а Люк снова наполнил ее бокал.

— Да, так возвращаясь к разговору с Ником... Моя семья отчаянно пытается подыскать съемную виллу в Кейптауне, чтобы находиться рядом со мной на протяжении этого долгого уик-энда. И мой отец — прости! — хочет увидеть Сен-Сильв. Мои родные — настоящие виноголики. Они попросили меня разузнать, нельзя ли снять какой-нибудь дом поблизости, подходящий для всего семейства. Включая бабушку, — пояснила Джесс.

— За такой короткий срок они ничего не найдут. Обычно дома бронируются заранее, — заметил Люк, сливая воду с макарон.

— Я знаю, — мрачно изрекла Джесс.

Он смерил ее долгим взглядом, и Джесс нахмурилась.

— В чем дело?

— Тебе важно побыть с семьей, не так ли?

— Да. Очень. Мои братья не всегда проводят с нами Рождество, отправляясь к семьям жен, но этот уик-энд всегда был для нас священным. Чтобы пропустить его, требуется чертовски веская причина, и мама пока не принимает моих отговорок.

Люк обреченно вздохнул.

— Пригласи их в Сен-Сильв.

— Что-о-о?

— В большом особняке могут разместиться на ночь двенадцать взрослых наверху и еще двое — внизу.

Это идеальное решение! Джесс могла бы находиться рядом с родными и работать, когда они отправлялись бы спать.

— Речь идет об одиннадцати взрослых и пяти детях в возрасте до пяти лет. Это серьезное предложение?

— Дом все равно пустует.

Джесс уставилась на тарелку, которую поставил перед ней Люк, силясь собраться с мыслями.

— Я смогу предложить им это только в том случае, если мы заплатим за размещение.

Люк обдумал ее слова, натирая пармезан поверх блюда.

— Хотелось бы мне, чтобы у Сен-Сильва была возможность ответить отказом, но поместье не в том положении. Завтра я все подсчитаю и сообщу, во сколько обойдется суточное проживание.

Джесс в радостном волнении заерзала на стуле.

— О, я могу только расцеловать тебя!

— Не стесняйся, — мигом отреагировал Люк, и Джесс покраснела.

Она с удовольствием сделала бы это, если бы не догадывалась, что одними поцелуями дело не ограничится...

На следующий день Джесс наблюдала, как Люк небрежно и уверенно управляет дорожным супербайком. Подъехав к точке, которую определил Сбу, Люк снял шлем и бросил страстный взгляд на белокурую жирафу, сидевшую на ограде, отделявшей пляж от дороги. Лучи заходящего солнца выхватывали завлекающее выражение на лице модели, державшей в руке бутылку сен-сильвского мерло и два хрустальных бокала.

Джесс стиснула зубы. Она знала, что призывный взгляд блондинки не был наигранным... ни один другой мужчина не мог быть столь привлекательным. Люк решительно прошагал к жирафе, приобнял за шею и приподнял ее подбородок большим пальцем. Их поцелуй длился дольше, чем требовалось, и Джесс уже знала, что к концу съемки сотрет зубы в порошок. Наконец Сбу отснял сцену, и Люк поднял голову, улыбаясь жирафе. «Мог и не показывать, что так наслаждается этим», — проворчала про себя Джесс.

Вздвогнув, она пожалела, что в руках нет чашки кофе. Джесс замерзла, устала, хотела принять горячую ванну и свернуться калачиком на кровати в своей любимой пижаме. Она мечтала о женской мелодраме и попкорне, любовном романе и шоколаде... Ей не хотелось сопровождать Люка на дегустацию вин, которую устраивал один из самых авторитетных ресторанных критиков страны.

А вдруг эта жирафа сможет пойти с ним?

Но, когда спустя пять минут Джесс озвучила это предложение, Люк не воодушевился.

— Да я лучше спрыгну со Столовой горы, чем буду весь вечер слушать ее кукольный голосок, — воспротивился он и задумчиво склонил голову набок. — В чем дело? Ты весь день недовольна, словно с цепи сорвалась.

— Вовсе нет!

— Я тебя умоляю — от твоей мины молоко киснет! Сегодня ты не была оживленной и милой, как обычно.

«Не стоило смотреть, как он ее целует», — подумала Джесс.

Похоже, ее терзала самая настоящая ревность. Она скривила губы. Такое поведение годилось для средней школы.

— Ты... — начал Люк.

— Клянусь, если ты произнесешь это, я тебя стукну, — оборвала его Джесс. — Я вовсе не ревную!

Люк усмехнулся, и в его глазах заплясали искорки.

— В самом деле? Рад это слышать. Если не считать того, что я не собирался это говорить.

Джесс не знала, куда деться от смущения.

— Что же ты хотел сказать? — произнесла она сквозь стиснутые зубы.

Улыбка Люка стала еще шире, и Джесс захотелось шлепнуть его по физиономии.

— Ты... не против чашечки кофе? Я собирался пойти вон в ту пекарню через дорогу и взять нам что-нибудь.

Джесс хотелось тряхнуть головой, беззаботно отказавшись, но она продрогла до костей.

— Спасибо, — натянуто улыбнулась она.

Усмехнувшись, Люк направился в пекарню. А Джесс вдруг захотелось с размаху стукнуться о стенку своей глупой головой. Ну что с ней такое? Обычно она не ревновала, не

язвила, не брюзжала... почему же вела себя так собственнически по отношению к Люку? Возможно, они проводили вместе слишком много времени, и тесное дружеское общение перерастало в привязанность.

В кармане пальто зазвонил мобильный, и, вытащив его, Джесс увидела на экране слово «мама». Еженедельные семейные новости оказались более бессвязными, чем обычно, и Джесс, прекрасно зная свою мать, уже гадала, что же та замышляет. Когда Лайза исчерпала набор повседневной чепухи и не попрощалась, Джесс поняла, что мама собралась налаживать ее личную жизнь.

— Это — твой троюродный брат, он проводит выходные во Франсхуке. Его зовут Ли. Дорогая, ты должна его помнить! — взмолилась Лайза. — Когда тебе было пять лет, ты провела с ним целый день на пляже!

— Мама, я едва могу вспомнить людей, с которыми провела день на пляже Таиланда, а это было в прошлом году! Меня не интересуют свидания. — Джесс увидела, как фотомодель проковыляла через дорогу, чтобы помочь Люку донести кофе, и нахмурилась в ответ на обольстительную улыбку, которой он одарил блондинку. — Мам, повиси немножко на линии.

Джесс задумалась. Возможно, стоило ослабить эффект от подавляющего присутствия Люка, проведя некоторое время с другим мужчиной. Чтобы немного отдалиться, подарить себе какие-то перспективы...

Джесс могла привести по крайней мере десять причин, по которым Люк не должен был даже появляться на экране ее радара. Она была городской девушкой, а он — землевладельцем. Будучи открытой и жизнерадостной, — за такими редчайшими исключениями, как сегодня, — она не была без ума от задумчивых, скрытных субъектов. Он упоминал своих деда и прадедов, но неизменно отказывался говорить об истории Сен-Сильва или объяснять, почему не ладил с отцом. Он вообще отказывался говорить об отце.

Но было в Люке нечто притягательное. Джесс понимала, что он безмерно интриговал ее, и это было гораздо опаснее сексуального желания, которое она испытывала в его обществе. Не так просто было игнорировать то, что находилось под этой сексуальной упаковкой: ум, сдержанный юмор, хорошо скрытая ранимость...

Да, отвлечься на свидание с другим явно не помешает.

— Устрой нам встречу, мама.

Ответом ей стала потрясенная тишина, и Джесс не удержалась от усмешки. Не ожидавшей ее согласия матери потребовалась целая минута, чтобы осознать происходящее.

— Ты что, разыгрываешь меня?

— Не в этот раз, — ответила Джесс, забирая протянутую Люком чашку кофе. — Дай ему номер моего мобильного и скажи, чтобы позвонил.

Джесс перехватила неодобрительный взгляд Люка. «Снова поддаешься импульсу, Шервуд?» — одернула она себя. Она ведь не хотела встречаться ни с кем другим, только с Люком. Но в ее сознании он был «несвидабельным», поэтому и требовалось немного отдалиться от него.

Джесс сунула мобильный в карман и подула на горячий кофе.

— Ты ходишь на свидания?

Голос Люка был шелковисто-вкрадчивым, и Джесс содрогнулась, поспешив заверить:

— Это не свидание в общепринятом смысле слова. Ужин с троюродным братом... идея моей матери.

— Ты позволяешь матери устраивать тебе встречи с мужчинами? — продолжил Люк все тем же холодным тоном, намекавшим на затишье перед бурей.

— Нет... да! Слушай, это просто ужин с парнем, с которым я играла в песочнице!

— Тогда почему ты не смотришь на меня? — спросил Люк и схватил ее за подбородок, заставив поднять глаза.

У Джесс перехватило дыхание от властности и желания, бурливших в его взгляде.

И тут Люк отчеканил:

— Нет.

Джесс решила, что ослышалась. Никто не смел ей указывать, как поступать...

— В смысле?

— Если хочешь с кем-то встречаться, это должен быть я. Потому что мы с тобой прекрасно знаем, в каком направлении движемся, а я не привык делиться. Так что, если хочешь всех этих ужинов-свиданий, перед тем как мы переспим, я готов.

— Ты бредишь, если считаешь, что можешь указывать, чем мне заниматься, а чем — нет.

Глаза Люка превратились в щелочки.

— Еще как могу! Не заставляй меня доказывать это, Джесс.

Она упрямо тряхнула головой:

— И как же ты сможешь удержать меня от этого свидания?

Люк схватил за лацканы ее пальто и рывком притянул Джесс к себе. Его губы сжались в тонкую ниточку, челюсть окаменела. Выругавшись, он прильнул к губам Джесс глубоким, собственническим поцелуем. Его рука обвилась вокруг ее талии, и Джесс почувствовала властность в жесте, которым он притянул ее ближе, терзая губы. Джесс колотило от эмоций, а Люк брал от ее губ все, что хотел. А потом резко отпрянул, и Джесс заморгала, пытаясь сфокусировать взгляд. Люк снова сжал ее за подбородок, и она нашла в себе смелость взглянуть в горящие яростью глаза.

— Не заставляй меня доказывать это, Джессика, — твердо повторил он и направился к своей машине.

Джесс закрыла глаза и привалилась к стене, не обращая внимания на ухмылки Сбу и членов съемочной группы. Надув щеки, Джесс выпустила воздух через сжатые губы. Слава богу, сегодня она улетает домой ночным авиарейсом...

Люк сел в машину, прижимая к уху мобильный. Сэвидж выглядел невозмутимым, их поцелуй, казалось, не произвел на него никакого эффекта. Этот человек никогда не переставал работать. Съемки ролика отняли много времени, но вместо того, чтобы ныть, он выжимал максимум из ситуации. Выполнял все указания, а между съемками и постановками кадра бросался к ноутбуку или мобильному.

Джесс знала, что Люк находится под колоссальным прессингом, но остальные даже не догадывались об этом. Он просто двигался вперед — без капризов и драм. Делал то, что должен был делать, и Джесс уважала это — уважала его.

Теперь у нее было две мантры. «Не поддаваться влечению» — ну конечно, ха-ха! И вторая: «Держись в отдалении, ищи для себя перспективы».

Впрочем, мантры уже не помогали...

Спустя три часа, приняв душ и переодевшись в деловой костюм, Люк все еще злился. С какой стати он отреагировал на желание Джесс встретиться с другим с яростью пещерного

человека? Это было примитивно, первобытно... скорее рефлекс, а не осмысленное поведение... и ему это не понравилось. Черт, он ненавидел себя за это.

Он никогда не чувствовал себя таким ревнивым, слетевшим с катушек. Его, мягко говоря, не порадовал этот рев инстинкта в его голове: «Это моя женщина, моя самка!» Прошли миллионы лет эволюции, а он даже до этапа прямохождения не дошел.

Может быть, сама жизнь сыграла с ним злую шутку? Люка позабавила мысль о том, что Джесс ревнует его к фотомодели, — это потешило его эго. Тогда он и не думал, что может точно так же... ладно, в тысячу раз сильнее... ревновать.

Нахмурившись, Люк сделал глоток мерло 1987 года. Джесс в коротком, с оборками, черном платье и туфлях, будто умолявшая: «Возьми меня», стояла в другом конце комнаты, беседуя с ресторанным критиком Пирсом Хэнсоном. Флиртуя с ресторанным критиком Пирсом Хэнсоном... Похоже, для нее это было так же естественно, как дышать.

И вполне достаточно для того, чтобы снова превратить его в пещерного человека.

Люк понимал, что не способен иначе реагировать на флирт Джесс с другим мужчиной, даже если тот был настолько стар, что годился ей в дедушки. Люк поставил опустевший бокал на столик и направился к выходу, извинившись перед окружавшими его мужчинами — друзьями его отца, сыпавшими историями, которые он не хотел слышать: «Твой отец был искусным виноделом, блестящим рассказчиком, душой компании...»

«Ага, ребята, вы бы пожили с ним хоть немного!»

Люк пробрался между гостями и, подойдя к Джесс сзади, положил руку ей на поясницу, на нежный женственный изгиб, где спина плавно переходит в ягодицы. Джесс инстинктивно прижалась к нему, лишь потом вспомнив, что они не разговаривают друг с другом.

— Люк, Пирс только что сказал мне, что с удовольствием совершил бы экскурсию по Сен-Сильву. — В глазах Джесс так и застыло предупреждение: «Веди себя мило, соглашайся. Это важный человек».

Люк кивнул.

— Вы будете желанным гостем в любое время, но сейчас — зима, и лозы отдыхают. Сен-Сильв прекрасен весной и летом.

— Думаю, он великолепен круглый год, — с жаром произнесла Джесс.

От искренности, прозвучавшей в ее голосе, на душе у Люка потеплело. Он часто замечал, как Джесс смотрит на здания, касается оконных рам, устремляет взгляд на горы...

Пирс задумчиво положил руку на лысую макушку и взглянул на Люка пронизательными ярко-голубыми глазами.

— А вы не похожи на своего отца.

«Ну вот, начинается... — мелькнуло в голове Люка. — Еще один молящийся у алтаря Джеда Сэвиджа».

— Говорят, я больше похож на мать.

— Так и есть. Ваша мать была красавицей, — ответил Пирс, и сердце Люка сжалось.

— Вы знали мою мать?

— Да. У меня есть две ее картины, — ответил Пирс. — Такая потрясающая художница и прекрасный человек! Она загубила свою жизнь, когда вышла замуж за вашего отца.

Люк вскинул брови в ответ на откровенное заявление Пирса. Он почувствовал руку Джесс на своей руке и благодарность за это ободряющее прикосновение.

— М-м-м...

Что же он должен был на это ответить?

— Простите, но, в отличие от большинства собравшихся, я не любил вашего отца, — пожал узкими плечами Пирс.

О, а вот это уже интересно...

— Почему же?

Пирс оглянулся, чтобы удостовериться, что его никто не слышит.

— Я считал его бесцеремонным и надменным, просто самодовольным ослом. — Он поднял взгляд на Люка и скривился. — Простите. Я знал его довольно долго.

Уголки рта Люка невольно вздернулись. Наконец-то нашелся человек, видевший Джеда насквозь. Люк не мог вслух согласиться с Пирсом, но в душе поддерживал его.

Вздыхнув, Пирс покачал головой:

— Моя покойная жена сейчас пихнула бы меня локтем в бок, приказав держать язык за зубами. Боже, мне так ее не хватает!

— Сколько же вы были женаты? — спросила Джесс, меняя тему.

— Сорок пять лет. У нас пятеро детей.

«Ничего себе! — удивился про себя Люк. — Уму непостижимо!» Именно этого он всегда и хотел... Одна женщина, одна жизнь, один брак. Много детей.

Пирс посмотрел на кого-то из-за плеча Джесс и улыбнулся:

— А вот и одна из моих любимых владелиц магазинов, продающая самые изысканные вина.

И по совместительству — та самая любовница, с которой Люк иногда проводил время.

О, черт! Люк не вспоминал о Келли с момента приезда Джесс, и мысль о том, что она может присутствовать на дегустации вин, даже не пришла ему в голову. Он хотел связаться с ней и все объяснить, но забыл... Осознавая, что этот ужасный день уже ничем не спасешь, Люк быстро извинился и направился к Келли. Схватив бывшую пассию за локоть, он отвел ее подальше от Джесс.

— Кел, я...

Келли положила ладонь на его предплечье и улыбнулась:

— Люк, милый, выдохни. Все в порядке.

— Ты не понимаешь. Я должен...

— Разорвать наши отношения? — Голубые глаза с прищуром взглянули на него. — Люк, когда до меня дошли слухи о том, что у тебя гостит какая-то блондинка, я обо всем догадалась. Дорогой, я старше тебя на десять лет. Я уже давно ждала чего-то в этом роде. Разве мы не договорились, что будем просто друзьями, которые время от времени спят вместе?

— Мм... тогда ладно. Хорошо...

Келли засмеялась:

— Ты выглядишь взвинченным до предела. Трудный день или трудная девушка?

— И то и другое. Она сводит меня с ума.

Келли подошла ближе и, прижавшись щекой к его щеке, сказала ему на ухо:

— Вот и прекрасно. Ты заслуживаешь девушки, которая будет сводить тебя с ума. Это способствует увлекательному сексу.

«Если мы когда-нибудь вообще доберемся до спальни», — мрачно подумал Люк.

К Келли бросился Пирс:

— Я так рад видеть тебя, Келли! Если двое этих славных людей не возражают, я украду тебя, чтобы угостить довольно сносным каберне из Чили.

Когда они удалились, Джесс вскинула на Люка проницательный взгляд, заставив почувствовать себя жуком под микроскопом.

— Так-так, а вот это уже интересно...

Судя по вкрадчивому голосу Джесс, она была вне себя от злости. О, ну вот, новая «радость»! Люкс трудом удержался от желания ослабить ворот рубашки.

— И давно ты с ней спишь?

Люк вздохнул и приготовился объяснять, что больше не спит с Келли, что они — лишь друзья и что у него нет ни малейшего желания возобновлять их связь.

Ох уж эти умные девочки! Ничего от них не укроется!

Джесс в компании Элли, спавшей на пассажирском месте, свернула в ворота Сен-Сильва. Ненадолго уехав домой, она приказала себе не думать о Люке, и безумная занятость помогла отвлечься. Нужно было принимать серьезные решения, запускать новые проекты, проводить деловые встречи...

Люк и Сен-Сильв на время отошли на задний план, но теперь Джесс вернулась и должна была разбираться с ними. Люк сказал ей, что не спит с Белоснежкой... Та женщина выглядела совсем как сказочная героиня: темные волосы, белая кожа, синие глаза. И соблазнительные формы. Когда-то он спал с ней, но теперь их отношения закончились. Вот и все объяснение, которое дал Люк, но Джесс хотела знать больше. Сколько они были вместе? Как познакомились? Любил ли он ее когда-нибудь?

Джесс припарковала машину в пустом гараже. Элли проснулась, потянулась и зевнула.

— Мы приехали?

— Гм, ну да... — Джесс сняла солнечные очки и потерла глаза. — Люк еще не вернулся. Его машины нет.

Элли ослабила ремень безопасности и выскочила из автомобиля, приветствуя подбежавших собак Люка.

— Скажи-ка, где живет Оуэн?

Закатив глаза, Джесс показала на пристройку к дому:

— Люк переделал для него конюшню в двухкомнатную квартиру.

Элли покосилась на небольшое здание, а потом перевела взгляд на стоявший неподалеку главный особняк поместья.

— Ага, долго добираться наутро после бурной оргии не придется, — поддразнила Джесс.

Но Элли и ухом не повела. Она приехала в Сен-Сильв, чтобы спать с Оуэном, и шансов на спасение у бедного парня не осталось. У подруги был типично мужской взгляд на секс: подцепить, использовать, а потом бросить.

Любовь и другие чувства в эту формулу не укладывались.

Джесс все еще не могла решить, каким ей кажется этот подход — грустным или разумным.

Джесс промямлила что-то себе под нос, устало направляясь к кухонной двери. Она чувствовала себя так, словно каждый мускул протестовал против идеи Элли отправиться вечером в паб и «хорошенько повеселиться». Джесс повесила сумку на спинку стула и включила чайник, проинструктировав подругу:

— Вверх по лестнице. Вторая комната слева. Поселишься рядом со мной.

— Когда, ты говоришь, построили этот дом? — спросила Элли.

— В начале восемнадцатого века.

— Ты еще не сталкивалась здесь с призраками?

Такой же непоколебимый скептик, как и Люк, Элли подшучивала над тем, что Джесс верила в призраков и мечтала увидеть хотя бы одного из них.

— Ни разу. В таком доме просто обязана водиться парочка. Хочешь чаю?

— О боже, нет, — отозвалась Элли. — Хочу вина. Оно тут есть?

— Вообще-то мы в винодельческом поместье... — Джесс огляделась. — На самом деле нет. И еды у меня тоже нет. Наверное, придется совершить набег на кухню Люка.

Элли прислонилась к дверному косяку.

— И часто ты так поступаешь?

— Чаще, чем следовало бы, — призналась Джесс.

— О, девочка, да ты совсем потеряла голову, — констатировала Элли и скрылась наверху.

Джесс налила чаю и плеснула туда немного молока, думая о Люке и гадая, как же прошла сегодняшняя съемка. Услышав, как его машина подъехала к дому, она поставила чашку и направилась к двери. Люк расплылся в улыбке, заметив ее в дверном проеме, и у Джесс перехватило дыхание.

Люк выскочил из-за руля, оставив дверцу машины открытой, и в два шага одолел разделявшее их расстояние. Поддерживая затылок Джесс огромной ладонью, он прильнул к ее рту в медленном, глубоком поцелуе, от которого таяло все внутри. Джесс порывисто ответила на ласки, обвивая руками шею Люка.

Пылко, распутно, медленно, сексуально, нежно... Каким же множеством способов умел целоваться этот мужчина? Джесс подумала о том, что может уловить настроение Люка по его поцелуям почти так же хорошо, как по его глазам. В этом поцелуе она ощутила усталость... и всю силу нервного напряжения. Счастье, что она вернулась, облегчение, что она находилась в его объятиях, и, как всегда, пульсирующий жар страстного желания. Джесс легонько потерла спину Люка ладонью, пытаясь ослабить напряжение его мускулов. Она изогнула спину, пытаясь без слов сказать, что хочет его с той же силой, что он — ее, что она счастлива вернуться в Сен-Сильв, к нему, в кольцо его сильных рук.

Боже, пламя страсти разгоралось слишком сильно, слишком быстро... Ей нужно было перевести дыхание...

Словно прочитав ее мысли, Люк отшатнулся.

Джесс облизнула губы, ощутив на них вкус Люка.

— Что?

— Я едва держусь, чтобы не затащить тебя на заднее сиденье моей машины и не сорвать с тебя одежду.

Джесс подумала, что не прочь поддаться порыву. Но Люк захлопнул дверцу машины, и здравый смысл вернулся. Это было невозможно.

Она втянула воздух и обрела дар речи.

— Привет.

— Привет, добро пожаловать обратно. Рад тебя видеть. — Проведя большим пальцем по ее губам, Люк положил руку ей на поясницу и повел на кухню.

Джесс наморщила нос, услышав доносившийся из кармана звонок мобильного. Это был Ли, ее пятисотьюродный кузен. Пока они обменивались любезностями, Джесс чувствовала

на себе язвительный взгляд Люка.

Это было так глупо... Люк знал — точно так же, как и сама Джесс, — что она не интересовалась другими мужчинами, только им. Она быстро закончила разговор, вежливо отклонив приглашение на ужин.

— Доволен?

— Более-менее. Прыгни со мной в постель, вот тогда я буду доволен.

Постучав в косяк открытой двери, в кухню вплыл Оуэн.

— Привет, Джесс, рад, что ты вернулась. Элли здесь?

Джесс усмехнулась:

— Вверх и налево.

Оуэн в пару шагов пересек кухню и бросился по лестнице. Вскоре сверху донеслись женский визг, глухой стук, громкий хлопок двери спальни...

Джесс покачала головой:

— Ты хоть понимаешь, что она проглотит его, а потом выплюнет?

— Он будет не в претензии. — Люк многозначительно взглянул на нее. — А ты уже готова проглотить и выплюнуть меня?

— Нет. Прости.

— А, ну понятно...

— Как прошли сегодняшние съемки?

— Долго и утомительно. Все утро поднимался и спускался с горы на велосипеде, — ответил Люк. Глория, одна из его собак, заскулила у двери, и он взглянул на Джесс. — Собаки хотят на прогулку. Не хочешь к нам присоединиться?

Джесс кивнула:

— Пойдем.

Люк снял с крючка у двери свою тяжелую куртку и помог Джесс одеться. Открыв дверь, он пропустил вперед Джесс и свистнул псам. Две огромные собаки вылетели на аллею, как пули.

Люк сунул руки в карманы кожаной куртки, празднично заметив, что на обрезку лоз потребуется еще день-два.

— Обрезка почти закончена?

— Да. Винограду пора отдыхать и омолаживаться.

Джесс огляделась, улыбнулась и глубоко вдохнула:

— У здешнего воздуха совсем иной привкус.

Люк искоса посмотрел на нее:

— Ты это о чем?

— Вернувшись домой, я уловила в воздухе копоть, грязные примеси. Здесь же ощущаю аромат персиков, слив и винограда. — Она обернулась и попяtilась, любуясь домами в лучах заходящего солнца. — Это так красиво, Люк! Тебе так повезло владеть этим местом!

Когда Люк ничего не ответил, Джесс положила ладонь ему на предплечье, заставив остановиться, и спросила:

— Ты так не считаешь, верно?

Он отвел глаза.

— Не считаю.

— Почему?

— Думаю, потому, что никогда не чувствовал себя здесь желанным.

Люк снова двинулся по аллее, ища унесшихся вперед собак. Джесс быстро догнала его и сварливо заметила:

— Ненавижу, когда ты бросаешь вот так что-то в воздух и медлишь с объяснениями! Подобные ответы вызывают у меня желание задавать все новые вопросы.

Люк вздохнул, заметив решительный блеск в ее глазах, и понял, что обрек себя на град вопросов.

Он ждал вопроса об отце — и удивился, когда она произнесла:

— Ты любишь Сен-Сильв?

— Люблю его, ненавижу его, обижаюсь на него... Наверное, ты хочешь, чтобы я объяснил и это тоже? — Люк взял Джесс за руку, переплел ее пальцы со своими и потянул вперед по дорожке. — Давай продолжим прогулку.

Джесс хранила молчание, и Люк стал объяснять, старательно подбирая слова:

— Мой отец всегда говорил мне, что я не заслуживаю Сен-Сильва по множеству причин. Я не хотел быть виноделом, горел желанием скорее отсюда уехать. Я очень не любил отца, а он не любил меня еще больше. Но я был его единственным сыном, так что унаследовал это имение.

— И?

— И получил предприятие, буквально увязшее в долгах. Поэтому твое предупреждение восемь лет назад было немного... несвоевременным.

— Ты так добр! Я была несносным ребенком.

— Да, тогда была. — Люк погладил Джесс по волосам и приобнял ее за плечи.

— Так когда ты говоришь «увязшее в долгах»...

— ...я имею в виду «чуть не отобранное из-за долгов», — скривил губы Люк. — Отцу удалось влезть в долги, в три раза превышающие стоимость поместья.

Джесс пришла в изумление.

— Но... почему? Как... А банк... Зачем же они дали ему так много денег?

Люк пожал плечами:

— Сила громкого имени и сила обаяния Джеда.

— А что случилось после его смерти?

Люк отошел от Джесс и запихнул руки в карманы.

— Я вытряхнул все, каждый цент, который заработал, каждый кредит, который смог получить, чтобы помешать банку отобрать Сен-Сильв. Увы, у меня нет обаяния моего отца. С тех пор все деньги, которые я зарабатываю на других сделках, идут на обслуживание долга.

— Значит, до настоящего времени у тебя не было денег, чтобы запустить новую маркетинговую кампанию?

— Новая маркетинговая кампания? У меня не было денег, чтобы нанять винодела! Мне пришлось учиться делать вино — по сути, делать абсолютно все. Сейчас дела пошли лучше... так что тебе не стоит волноваться насчет оплаты своей работы.

Джесс взглянула на Люка из-под длинных ресниц.

— Я могу задать тебе еще один вопрос? — Она не ждала ответа, так что сразу же продолжила: — Почему ты не отдал его?

Люк растерялся:

— Не отдал что?

— Сен-Сильв. Когда ты получил поместье в наследство, почему просто не продал его?

Люк уже несколько раз почти решался на это... Но, несмотря на предательские мысли,

он ни за что не сделал бы последний шаг, чтобы убежать от своей ответственности, своего наследства, своего имени. Он не мог позволить упорному труду предков оказаться напрасным, не мог отдать землю, которую они любили, в чужие руки.

Люк объяснил это Джесс, и она погрузилась в молчание. Потом взяла Люка под руку и прижалась щекой к его плечу.

— Одним словом, ты пытаешься сказать мне, что любишь Сен-Сильв?

— Иногда, — со слабой улыбкой признал он.

— Что ж, я тоже. Люблю его, — с жаром произнесла Джесс.

Люк свистнул собакам.

— Уже поздно. Пора возвращаться.

Джесс повернулась к дому вместе с ним.

— Элли что-то говорила насчет ужина в пабе. Пойдешь с нами?

Люк задумчиво потер подбородок.

— Наверное, нам всем не помешает отдохнуть. Возьмем мою машину.

Глава 7

— Призраки существуют! — воскликнула Джесс, и бокал красного вина в ее руке опасно задрожал.

Забрав у нее бокал, Люк поставил его на маленький круглый стол, за которым они расположились. В этом пабе Люк любил «зависать» с друзьями: расслабленная атмосфера, бильярдные столы, а по выходным — на удивление хорошая группа, игравшая их любимую музыку...

— Меня поражает способность такой невероятно умной женщины, как ты, верить во всякую чепуху, — сказала Элли, приобнимая Оуэна за шею.

Когда беседа плавно перешла к маркетинговой кампании, Люк поймал себя на мысли, что стал терпимо относиться к съемкам. Он наслаждался самим процессом: поездками на «Дукати», серфингом, катанием на горном велосипеде. А вот внимание, проявляемое к его персоне, не выносил. Камеры и люди, постоянно наблюдавшие за ним, будто возвращали его в детство, когда за ним вот так же следил отец, только и ждавший его промахов. Лишь Джесс умела успокоить его одной только легкой улыбкой.

Потягивая пиво, Люк бросил взгляд в другой конец зала, где стояли бильярдные столы.

— Стол освободился. Кто хочет сыграть?

Оуэн и Элли кивнули, а Джесс пожала плечами. Люк потянул ее за руку, заставляя подняться:

— Мы с тобой против Оуэна и Элли. Так будет интереснее.

Джесс нахмурилась:

— Почему?

— В каждой команде — по сильному и слабому игроку.

Джесс застыла, взглянув на усмехавшуюся Элли:

— Это мы-то — слабые игроки?

Люк переглянулся с Оуэном. Они играли чуть ли не каждый пятничный вечер и весьма преуспели в пуле.

— Мм... да.

Джесс бросила на Люка взгляд, от которого его волосы встали дыбом.

— Что ж, давайте сделаем это по-настоящему увлекательным. Мы с Элли против вас с Оуэном.

— Идет. Какие ставки?

— Ужин в единственном в стране ресторане, отмеченном звездами Мишлен. Проигравшие платят.

Да ради бога, разве они с Оуэном могут проиграть?..

Забив победный шар, Джесс положила руки на кончик кия и взглянула на Люка искрящимися в тусклом свете бара глазами.

— Забронируй места, Сэвидж, и убедись, что на твоей кредитке достаточно денег.

Люк в недоумении тряхнул головой.

— Но как?

— Не устаю повторять тебе, что у меня четыре старших брата. Когда же ты запомнишь?

Люк уперся локтями в стол и взглянул на явно уставшую Джесс. Время близилось к полуночи, и группа переключилась с танцевальной музыки на блюз. Это немного остудило пыл собравшихся, но в зале потрескивал камин, и атмосфера царила расслабленная.

Оуэн и Элли отправились обратно в Сен-Сильв, и Люк понял, что должен отвезти Джесс домой. Но ему так не хотелось заканчивать вечер...

— Впереди безумная неделька, — тихо сказала она.

— Словно последние пару недель были легче легкого, — иронично улыбнулся Люк.

— Мы снимаем семейную сцену в Сен-Сильве во вторник, а моя семья приезжает в четверг вечером.

Он не забыл об этом. Люк облизнул пересохшую нижнюю губу и попросил:

— Расскажи мне о своей семье.

— Что ты хочешь узнать?

Он пожал плечами:

— Не знаю... ты ездила на каникулы со всей семьей? Тебя дразнили братья? Что тебе больше всего запомнилось о подростковых годах?

«Он загрустил», — подумала Джесс, тоже поставив локти на стол и опустив подбородок на ладони.

— Гм... большую часть жизни я чувствовала себя так, будто играю в догонялки с братьями. Они всегда были выше, сильнее и быстрее и никогда не давали мне фору из-за того, что я — девочка. Они постоянно дразнили меня, а я в отместку взяла себе за правило злить их. Каникулы мы проводили в коттедже дедушки на берегу. Дом был крошечным, и мы набивались туда, как сардины в банке. У нас были все самые лучшие развлечения: жаркие дни, теплое море, мороженое, загар до волдырей на носу, пляжный крикет, костры на песке. Мой брат Джон играл на гитаре, а мы хором пели — довольно скверно, стоит признать. Эти поездки прекратились, когда мне было лет шестнадцать.

— Почему?

Глаза Джесс замерцали болью.

— Дедушка бросил бабушку, и его любовница со всех ног примчалась в этот коттедж.

— И это перевернуло твою жизнь? — спросил Люк. Именно сегодня вечером он хотел узнать о Джесс все. — Почему?

— Бабуля думала, что у них — удивительный союз, считала его своей родственной душой. Осознание того, что на протяжении десяти лет у него была интрижка на стороне, надломило ее. На некоторое время она переехала к нам, и на моих глазах умная, полная жизни женщина замкнулась в себе. Создавалось ощущение, будто кто-то высосал из нее все соки. Моя мама только подлила масла в огонь, потому что дедушка хотел сохранить отношения с ней, но причинил такую сильную боль... Это был ужасный период, моя неуравновешенная и разговорчивая семья ничего от меня не скрывала. Мои братья отправились в школу-интернат, а я осталась дома, так что слышала все это: гневные тирады, слезы, ругань.

Люк помолчал, обдумывая ее слова.

— Значит, когда ты застукала своего парня в постели с другой, это стало уже двойным ударом? Этаким привет из прошлого?

Джесс грустно улыбнулась.

— Вместе с поруганной гордостью. — Она опустила руку и подцепила мизинцем мизинец Люка. — А твоя жена тебе изменяла?

— Я никогда не ловил ее на этом.

— Почему же ты с ней развелся? — спросила Джесс. От ее руки, лежавшей рядом, исходило такое тепло...

Люк отвел взгляд и стал думать, как ответить на этот вопрос. Развелся, потому что жена была одержима шопингом? Конечно. Потому что она была безбашенной психичкой? Да, эта причина казалась по-настоящему веской. Потому что... потому что...

— Потому что в один прекрасный день я посмотрел на нее и понял: я не хочу, чтобы эта женщина была матерью моих детей.

— А-а-а...

— Не то чтобы она вообще не собиралась быть матерью... Она сказала мне, что произведет на свет ребенка для меня, но у нее нет ни малейшего желания его растить. А я прекрасно знал, что это такое — воспитываться бесконечными нянями и гувернантками. Я хотел, чтобы у моих детей была мать. Но я давным-давно понял, что не гожусь для семейной жизни.

«О, Люк, да ты просто создан для того, чтобы иметь семью!» — хотела сказать Джесс, но вместо этого спросила:

— Почему нет?

О, как трудно было что-то утаить в этом прокуренном баре с тусклым освещением и негромкой, создающей интимную атмосферу музыкой... Сама обстановка располагала к откровениям.

— Мне кажется, чтобы иметь хорошую семью, нужно быть ее частью.

— Не знаю, соглашусь ли с тобой. — Джесс накрыла своей ладонью его ладонь. — Ты думаешь, все было бы иначе, если бы ты не потерял мать в столь юном возрасте?

Люк гадал, стоит ли рассказывать ей об этом... в конце концов, это не было тайной. Впервые в жизни его неудержимо тянуло поделиться этим с кем-то... хотелось, чтобы Джесс открылся кусочек его души. Завтра он наверняка пожалеет об этом...

— Нет, не думаю, что все было бы иначе. Моя мать — довольно непостоянное создание, судя по тому, что я слышал, — отказалась от меня, когда мне было три года, а спустя несколько дней разбилась в автокатастрофе. А мой отец был ветреным эгоистом, менявшим женщин как перчатки. У детей, выросших в неблагополучных условиях, не складываются перспективные зрелые отношения и хорошие семьи. Основы психологии.

— Все это такая чепуха! Но вернись на мгновение назад. — Джесс нахмурилась. — Мать тебя бросила?

— После аварии в ее машине нашли чемоданы, набитые одеждой и личными вещами. Там не было ничего моего.

Люк почувствовал, как нервно задергалась мышца на подбородке, и закрыл глаза. Это произошло больше тридцати лет назад — почему же до сих пор было так больно? Интересно, он когда-нибудь перестанет гадать, что же такого наделал, заставив мать уехать, не взяв его с собой? Ему было всего три года, ради всего святого...

Джесс покачала головой и накрыла его кисть обеими ладонями. На ее лице читалось настойчивое желание разобраться.

— Кто тебе сказал, что она бросила тебя? И когда?

— Мой отец... вся моя жизнь. — Люк запустил пальцы в волосы. — Это был его обычный способ заканчивать разговор: «Неудивительно, что мать тебя бросила...» К этому сводилась любая претензия. Не смог поймать мяч, не попал в команду по плаванию, не был

первым в классе.

Рот Джесс потрясенно открылся, глаза вспыхнули гневом.

— Это... дьявольски жестоко! Как же тебе удалось стать таким успешным, таким цельным, таким сильным после того, как тебя постоянно кормили подобными упреками?

Люк это прекрасно знал: потому что был чертовски упрям и слишком горд, чтобы позволить отцу одержать верх.

— И... прости, но я не верю, что мать тебя бросила. Я видела вашу фотографию в твоей спальне — то, как мать смотрит на тебя. Нет, меня на эти рассказы не купишь. Она любила тебя... наверняка всему этому есть другое объяснение.

Люк хотел, чтобы так и было. Но, как бы он ни пенил поддержку Джесс, думать о матери было бесполезно и пагубно. Он рисковал разбередить старые раны.

Он пытался создать семью. И это обернулось крахом. Потеря мечты уязвила его гораздо больше потери жены, но он смирился с тем фактом, что Сен-Сильв никогда не станет домом для резвящихся чумазных детишек.

И какая разница, почему его мать поступила именно так? Люк все равно не мог изменить прошлое.

— Что случилось с вещами твоей матери? — Джесс наклонилась вперед, опершись ладонями о стол.

— По словам отца, она увезла с собой довольно много вещей. А остальные он выбросил. — Люк подавил зевету, вдруг ощутив невероятную усталость. — Помню, кто-то сказал мне, что она забрала все свои картины для предстоящей выставки. Их так и не нашли. Значит, где-то находится около тридцати картин Кейтлин Керби, если их, конечно, не сожгли и не выбросили.

— А где ты нашел те две картины?

Люк промолчал, но Джесс прочла ответ по его лицу.

— Ты купил их? О, Люк...

Ну да — по огромной цене, у практичного агента по продаже, который точно знал, какую сумму из него можно вытрясти.

Джесс, казалось, понимала, как отчаянно требовалось Люку ощутить связь с матерью — получить что-то, хранившее частичку ее души. Он осушил стакан.

— Ага.

Джесс поджала губы.

— Твой отец, конечно, умер, но он мне очень не нравится.

Люк заметил вспышку жалости в ее глазах и тут же с раздражением выпрямился.

— Не нужно меня жалеть, Джесс.

Джесс вскочила и покачала головой.

— Я и не думала тебя жалеть. Я считаю тебя одним из самых сильных, самых цельных людей, которых когда-либо встречала. Мне кажется, ты — умный, находчивый и психологически стойкий. — Она замолчала и вслушалась в звуки музыки. — Я люблю эту песню — потанцуешь со мной?

Она резко сменила тему разговора, и Люк взглянул на пустой танцпол.

— Сейчас?

Джесс кивнула и протянула ему руку.

— Да, сейчас. Что? Опять трусишь, как мокрая курица?

Усмехнувшись, Люк взял ее за руку и повел на танцпол. Положив руки на бедра Джесс,

он прижался подбородком к ее виску. Проникнутая легкой грустью романтическая музыка подхватила их, и Люк напомнил, с трудом удерживаясь от смеха:

— Помнишь, что произошло в прошлый раз, когда ты назвала меня мокрой курицей?

— Я оказалась прижатой к стене и наполовину раздетой, — прошептала в ответ Джесс.

От звука ее нежного, пропитанного обещанием голоса сердце Люка оглушительно заколотилось.

— Хочешь рискнуть снова? — спросил он, затаив дыхание.

— Кудах-тах-тах.

Трудно было не понять столь явный намек.

Люк увлек Джесс через танцпол к двери, задержавшись по дороге, чтобы бросить деньги на оплату счета и забрать ее сумочку. Стоило им выйти из бара на холодный воздух, как Люк прильнул к губам Джесс, и вскоре она уже была прижата к стене дома, отвечая на поцелуй. Руки Люка прокрались под ее пальто и скользнули между джинсами и кожей спины — чувственно, требовательно, жадно, что вполне соответствовало силе ее страсти.

«Я хочу этого, — сказала себе Джесс. — Мне отчаянно нужно это». Оставалось только уступить порыву, перестать думать и просто наслаждаться этим мужчиной, способным распалить ее одним прикосновением. Впервые в жизни Джесс отключила мозг и уступила физическому желанию.

Теплая рука Люка, скользившая по телу, заставляла ее чувствовать себя невероятно женственной. Джесс ощущала жесткую щетину, влажный теплый язык, порхавший во впадине ее ключицы, изумительный контраст между жаром рта и ледяным воздухом на ее коже...

Руки Джесс сами собой принялись блуждать под свитером, а потом и под рубашкой Люка. Она исследовала тонкую поросль на его груди, проводила по рельефным мускулам его живота, стонала от блаженства, поглаживая его гладкую кожу... Большой палец Джесс, прокравшись под пояс джинсов Люка, настойчиво проехал по длинным мышцам его бедра, наслаждаясь их восхитительной крепостью.

Люк застонал и вскинул голову. Он уперся рукой о стену над головой Джесс, прижавшись лбом к ее лбу.

— Мне нравится, как ты прикасаешься ко мне, — произнес Люк и ругнулся сквозь зубы. — Но мы не можем заниматься этим прямо здесь. Я хочу тебя там, где смогу видеть, пробовать на вкус, наслаждаться каждым дюймом твоего тела...

— Тогда, наверное, тебе стоит отвезти меня домой.

— Звучит весьма многообещающе.

Наутро, когда Люк выскользнул из постели, Джесс притворилась спящей. Рискнув на мгновение открыть глаза, она увидела великолепную заднюю часть фигуры Люка, направлявшегося в смежную со спальней ванную.

Значит... никаких ей утренних обнимашек, все понятно. Вот и слава богу.

Джесс подтянулась на кровати, прижав одеяло к груди и опершись об изголовье. Что, черт побери, она натворила?

Обведя взглядом комнату, Джесс заметила повсюду свидетельства их бурной ночи. Один ее кожаный сапог валялся на комод, второго в поле зрения не было. Розовый бюстгальтер свисал с абажура. А ее блузка... Нахмурившись, Джесс оглядела кровать... блузки нигде не было. Восстановив в памяти события прошлого вечера, Джесс вспомнила, что Люк сорвал с нее блузку еще в прихожей. Ее джинсы обнаружились на лестнице — вместе с его рубашкой, ботинками и свитером.

А трусики? Беспокоиться о них уже не было смысла. Они стали историей, когда Люк, даже не попытавшись снять стринги, просто разорвал их.

Наверное, это и называется обалденным сексом?

Наверное, это и называется колоссальным, чудовищным сожалением?

Джесс провела ладонями по лицу. Люк был фантастическим любовником: нежным, настойчивым, щедрым на ласки. Он заставлял ее плавиться в огне желания, буквально выворачивал наизнанку и... И она не могла снова пойти на это.

Люку достаточно было лишь взглянуть на нее, и она вся, без остатка, уже принадлежала ему... Пресловутый «гормон объятий» окутывал тело, в восторге напевая: «Брак получится удачным — и поместье есть в придачу!»

А все потому, что она переспала с ним. Джесс уронила голову. Она чувствовала себя уязвимой, испуганной, потерявшей контроль над ситуацией.

— Ты проснулась, и твои умственные шестеренки завертелись.

— Люк, я...

Он подоткнул концы полотенца, немного съехавшего с бедер, подошел к окну и раздвинул занавески. Ему не нужно было слушать Джесс, чтобы знать, что она хочет сказать. На ее лице четко отразилось: «Прошлая ночь была ошибкой...»

— Мы не можем заниматься этим снова.

Ее слова, словно пощечина, обожгли острой болью. Люк вздрогнул и положил руки на подоконник, глядя из окна на свои владения.

— Ладно.

— И это все, что ты можешь сказать? — спросила Джесс, и раздражение просквозило в каждом ее слове.

— Ты сказала, что мы не можем заниматься этим снова. Я согласился. А ты ожидала, что я буду с тобой спорить? Принуждать тебя? Умолять?

— Нет. Я... я просто думала, что ты скажешь...

Что это был лучший секс в его жизни? Что он мог представить ее в своей постели, когда они будут старыми и седыми? Что он понимал: это невозможно?..

Услышав шорох постельного белья, Люк оглянулся через плечо и увидел крадущуюся по спальне Джесс. Во рту у него пересохло: совершенно голая, она подошла к гардеробной и

рывком открыла дверцы. Потом натянула через голову регбийную рубашку и немного закатала длинные рукава. Подол рубашки скользнул по красивым коленям, ткань заструилась с восхитительных грудей.

— Что ж, тогда, полагаю, говорить больше не о чем, — констатировала Джесс, сдернув бюстгальтер с абажура.

Она наклонилась, на мгновение обнажив вершину бедер, а когда выпрямилась, с ее пальцев свисали клочки черных кружев. Это были ее трусики — те самые, которые Люк уничтожил одним быстрым движением.

— За исключением того, что ты должен мне стринги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джесс взглянула на Сбу и покачала головой:

— Прости, чего-то не хватает.

Нет, он убьет ее, решил Люк, когда комнату наполнили приглушенные стоны членов съемочной группы. Он заметил, как актеры завели глаза, и прекрасно понял, что они чувствуют. Они снимались почти весь день: изображали воскресный ланч, пили вино у камина. Джесс даже заставила Люка играть в шахматы с актером, игравшим его отца. Предполагалось, что Люка снимут в семейном окружении, но весь день обернулся пустой тратой времени.

— Перерыв для всех, — объявила Джесс, и Люк вышел из гостиной особняка, в которой снимали очередной эпизод. Нырнув в пустой кабинет по соседству, он втянул воздух ртом. Люк понимал, что именно он виноват в этой неразберихе: он был неуклюжим, скованным и раздраженным.

Они хотели представить дом в выгодном свете, наполненным смеющимися, счастливыми людьми. И Люк покорно расхаживал взад-вперед по персидской ковровой дорожке, сочные оттенки которой идеально сочетались с паркетом. Он не был расслаблен и не чувствовал себя как дома, потому что не считал этот дом своим. Винить в этом стоило холодные отношения с отцом. Не помогало и то, что они с Джесс едва разговаривали.

«Хватит себя жалеть, Сэвидж! — думал он. — А ну-ка, не расклеиваться!» Но разыгрывать перед камерой свои детские фантазии было чертовски больно, и справляться с этой задачей ему помогли лишь мысли о Джесс и фантастической ночи, которую он провел в ее объятиях.

Мерсия, его бывшая жена и по совместительству психолог-любитель, как-то сказала Люку, что у него невроз покинутости. Мать бросила его, а общения с отцом считай что и не было, поэтому Люк патологически боялся впускать кого-то в свою жизнь. Это было правдой до вчерашней ночи, и подобные ощущения приводили Люка в ужас.

— Люк?

Он поднял голову и увидел стоящую в дверном проеме Джесс. Ее брови были сдвинуты, глаза излучали решимость. Весь день она была настоящей занозой в заднице — требовательной, педантичной, непреклонной. Фанатичкой контроля.

— Ждем только тебя. Мы со Сбу переделали раскадровку.

И тут Люк почувствовал, что с него хватит. Он больше не мог стоять перед камерой и разыгрывать идеальную жизнь. Его отец делал именно это... на людях притворялся, что любит Люка, и ужасно к нему относился, когда они оставались одни. Все, он сыт этим по горло.

— Завязывай с этим, Джесс, — сказал Люк самым ровным и опасным своим тоном.

— Люк, работа Сбу влетает мне в копеечку. Он берет почасовую оплату, так что я выбрасываю на ветер бешеные деньги. Мы можем продолжить?

Ее раздраженный тон окончательно вывел Люка из себя.

— Все расходы по кампании несую я, так что не тычь мне этим! На сегодня хватит, Джесс.

Ее глаза грозно сверкнули.

— Да что с тобой такое? У меня полна комната актеров, реквизита, и съемочная группа ждет только тебя! Давай просто закончим работу.

— Что со мной такое? Это с тобой что такое? — повысил голос Люк. — Как ты можешь так поступать со мной, Джесс? Неужели взять какие-то награды и сделать эффектную рекламу для тебя важнее чувств других людей?

— О чем ты говоришь?

Она действительно не понимала... Казалось, будто кто-то вонзил ему в грудь острый нож. Как могла она, женщина, с которой он ощущал такую тесную душевную связь, не осознавать, какой трудной будет для него эта задача? Он прошагал мимо нее и захлопнул дверь.

— Люк!

— Этот дом! Игры в счастливую семью! Это мой самый худший кошмар! Притворяться, что у меня есть дом и семья, — это убивает меня! — заорал Люк. — Эта комната была кабинетом моего отца. Знаешь, сколько раз он брался здесь за ремень, чтобы пройтись по моему мягкому месту?

— Я думала...

— А тот угол гостиной, где мы притворялись, что играем в шахматы? Однажды я застучал его там, трахаящим мою любимую гувернантку! На следующий день она уехала. Мне было семь, и казалось, будто мой мир рухнул.

Джесс закрыла лицо ладонями. Люк в ярости бросился к ней и оторвал ее руки от лица. Ее глаза наполнились слезами, и это только еще больше разозлило его. Он никогда никому не рассказывал об этом — и теперь не мог остановиться.

— А картина над камином? Ее рама треснута в углу. Это он бросил в меня стаканом, когда мне было пятнадцать. Стакан расцарапал мне щеку, а потом, отскочив, попал в раму. Хочешь, чтобы я продолжил?

— Нет! Прости, мне так жаль... Я не подумала...

Трясаясь от гнева, Люк отшатнулся от Джесс.

— Я знал, что будет ошибкой отдать этот контракт тебе, знал, что будет ошибкой позволить тебе вернуться в мою жизнь. Знал, что пожалею об этом.

Люк услышал рыдания Джесс и почувствовал, будто кто-то режет его сердце на мелкие кусочки. Обернувшись, он выругался, увидев, что она дрожит как осиновый лист. Он удержался от желания притянуть ее в свои объятия, успокоить ее прикосновениями, ласками снять эту острую боль, заменив одиночество и потерянную страстью...

Он хотел сделать это с ней или получить это от нее?

Люк был уверен лишь в одном: съемки на сегодня закончены.

— Избавься от съемочной группы, Джесс, и оставь меня в покое, ладно?

«Я — ужасный, ужасный человек!» — повторяла Джесс, стремительно удаляясь от Сен-

Сильва по проселочной дороге. Как она могла так увлечься своей кампанией и не понять, как все это повлияет на Люка? Он ведь немного рассказал ей о своем отце, признался, что не ощущает себя здесь как дома, но она была так сражена великолепием поместья, что совершенно не обращала внимания на чувства Люка.

Джесс вспоминала, как, соединив полученную сценарную раскадровку, уже предвкушала очередную награду в области рекламы. Декорации были превосходными, главный герой — ослепительно красивым, а история трогала до глубины души... Теперь Джесс было неловко, стыдно... она была отвратительна самой себе. Никакие награды не стоили боли, которая терзала Люка. Какой же бездушной она оказалась!

Джесс ускорила шаг. Ей нужно было бежать... бежать от будоражащих эмоций, ярости на саму себя, его слов, неустанно стучавших в голове...

«Я знал, что будет ошибкой позволить тебе вернуться в мою жизнь...»

Джесс неслась вслепую, не разбирая дороги, не осознавая, что солнечный свет померк, темные тучи угрожали ливнем, а она сама оказалась в незнакомой части Сен-Сильва. Дорога становилась все более скалистой, но Джесс все неслась и неслась вперед... Как же все уладить? Люк был слишком важен для нее, чтобы просто замять эту историю.

Она, разумеется, извинится перед ним, даже унижится, если потребуется. Она попросит Люка снова стать ее другом, заставит его понять, что время от времени бывает неразумной, но не жестокой...

Джесс с размаху налетела ногой на глыбу, торчавшую на дороге, и, взвизгнув, потеряла равновесие. Вытянув руки перед собой, она вскрикнула, когда ладони медленно, жестко проехали по камням. И упала, ударившись коленями о твердую землю. А потом правая голень наткнулась на острый край глыбы, и Джесс почувствовала, как треснула кожа, а по ноге побежала теплая струйка крови.

«Именно это я и заслужила!» — подумала Джесс, перекатившись на спину, схватившись за больную ногу и зарыдав, как ребенок.

Куда она подевалась? Шел уже седьмой час, совсем стемнело, зарядил дождь, а Джесс все не было дома. Вернувшись со своих угодий, Люк увидел, как она пошла на прогулку. Все еще раздраженный, он отправился в кабинет и погрузился в работу. Отвлечшись от груды дел спустя два часа, он осознал, что особняк погружен во тьму, — значит, Джесс так и не вернулась.

Внутри у Люка все тревожно сжалось, и он сдернул с вешалки куртку. Какой путь она выбрала? Где ее теперь искать? Схватив фонарик и ключи от машины, Люк распахнул дверь кухни. Выскочив из дома, он увидел во тьме очертания бегущих к нему собак. За ними медленно шла Джесс.

Вне себя от облегчения, Люк привалился к косяку.

— Где, черт возьми, тебя носило? — закричал он, заглушая свист ветра.

— Я заблудилась. И упала, — ответила Джесс, и Люк заметил, что она промокла до нитки. Ее спортивную кофту и шорты для бега можно было выжимать, ее волосы растрепались. Когда Джесс вышла на свет, Люк увидел грязное пятно у нее на подбородке и что-то темное на ее голени... Неужели кровь?

Не обращая внимания на ливший как из ведра дождь, Люк бросился к Джесс и присел перед ней на корточки. Он вздрогнул, заметив глубокую ссадину на ее голени, кровь из которой успела пропитать носки и кроссовки. Ругнувшись, Люк опустил перед Джесс на

колени и приподнял ее ногу.

— Милая, как, черт возьми, тебя угораздило?

Он почувствовал легкую дрожь в ее ноге и услышал тихий стук ее зубов.

— Я споткнулась и ударилась о большой камень.

Снова выругавшись, Люк поднял Джесс на руки и понес ее в дом. Рану, из которой так и хлестала кровь, требовалось промыть, чтобы понять, нужно ли накладывать швы. Ветер за окном завывал, буря нарастала, и Люк опасался везти Джесс к врачу по такой погоде.

Он прошел через свою спальню, занес Джесс в ванную и усадил ее на сиденье унитаза.

— Я так замерзла, — прошептала она.

Люк откинул волосы с ее лица и коснулся губами ее лба.

— Я принесу тебе что-нибудь теплое. Сиди тихо.

Выйдя, Люк услышал доносившиеся с улицы звуки бушевавшей грозы и включил нагреватель ванной. Потом стянул с полки гардеробной кашемировый свитер и потянулся к аптечке, которую держал на самом верху.

Вернувшись в ванную, он снял с Джесс мокрую одежду и досуха вытер ее тело полотенцем. Бледно-зеленый свитер изумительно подчеркнул глаза Джесс, отметил Люк, когда натянул кашемир через ее мокрую голову. Выхватив из корзины полотенце, Люк обернул его вокруг головы Джесс, заправив концы на ее макушке. Джесс повязала свитер на манер набедренной повязки, вернув себе более-менее пристойный вид.

— Люк, мне нужно кое-что сказать...

По ее глазам Люк понял, что Джесс корила себя за недавнюю ссору. Видит Бог, и он тоже. Он окончательно потерял самообладание — и должен был извиниться. Но сейчас было не самое подходящее для этого время. Коснувшись ее подбородка, Люк понял: то, что он принял за пятно грязи, на деле оказалось еще одной ссадиной.

— Милая, давай отложим этот разговор на потом. Сейчас мне нужно обработать раны.

Джесс откинула влажные волосы со лба.

— Я могу сделать это сама. Ты не должен...

Люк легонько провел большим пальцем по ее щеке.

— Мы оба знаем, что ты — суперженщина, но позволь мне сделать это для тебя, хорошо?

— Хорошо.

Он услышал, как Джесс вздохнула с облегчением, когда натуральная ткань и тепло ванной расслабили сведенные от холода мышцы. Едва заметный румянец на щеках Джесс заверил Люка, что она согревалась, так что с горячим питьем можно было и подождать. Ему следовало остановить кровь, да и на другой ноге Джесс обнаружилась царапина — не такая глубокая, но, как понял Люк, довольно болезненная. Взяв Джесс за руки и расцепив ее сжатые пальцы, он вздрогнул, заметив ссадины на обеих ладонях.

Сидя перед ней на холодных кафельных плитках, Люк открыл аптечку и, положив ногу Джесс себе на бедро, потрепал сжатую голень.

— Расслабься, Джесс.

— Я не привыкла, чтобы обо мне заботились, особенно мужчина, — призналась она. — Мой отец вечно витал в облаках, предоставляя матери вытирать мои слезы, а братья и вовсе приказывали мне не скулить.

— А твой бывший? Неужели ты никогда не болела и тебе не требовалась забота? — спросил Люк, смывая кровь мокрой тряпкой.

— Я никогда не болела, это я была той, кто все время заботился. Уж что-что, а это я умею, — пробормотала Джесс.

Люк заметил, как в ее глазах отразился шок от боли, и решил дать ей возможность болтать о всякой чепухе, отвлекаясь от раны.

— Ты тоже это умеешь.

— Я?

— Ты делаешь для меня то, что требуется, даже когда я тебя не прошу. Еще до того, как мы переспали, ты заботился обо мне. Варил мне кофе, проверял давление в шинах моего автомобиля. Приклеивал набойки на мою обувь, разбирался, почему мой компьютер все время зависает.

И это выбивало ее из колеи. Любопытно было узнать, что Джесс не привыкла ощущать чужую бескорыстную заботу.

— Если ты упадешь и расшибешься, я обработаю твои раны, — мягко ответил Люк. — Я проверю шины на твоём автомобиле, если решу, что они спустились. Я приклеил набойку, потому что каблук отвалился на кухне, а клей оказался под рукой. Если у тебя возникнет какая-то проблема, я постараюсь ее решить. Это мне свойственно — черт, это свойственно любому человеку. — Ласково улыбнувшись Джесс, Люк добавил: — Перестань контролировать все в известной нам части Вселенной, моя маленькая фанатичка контроля.

— Я не... О, черт, ну конечно, я такая и есть. Черт возьми, как саднит! Можно, я буду плакать?

— Можно, — Люк сполоснул кусок ткани, снова провел по ране и еле удержался, чтобы не присвистнуть при виде глубины ссадины. Видимо, придется лишь забинтовать ногу и отвезти Джесс к врачу, невзирая на непогоду.

— У тебя есть что-нибудь болеутоляющее?

— Сейчас, — бросил Люк, растерявшись. Ссадину требовалось продезинфицировать и закрыть, а еще наложить швы... — Джесс, нужно сделать непростой выбор. Это нужно зашить...

— Нет, не нужно! Просто приложи лейкопластырь — и все.

— Джесс, здесь требуется наложить швы. — Люк стал поглаживать ее икру подушечками больших пальцев. — Мне остается или скрепить рану скобками, или отвезти тебя к врачу.

Дождь яростно барабанил в стекло, а набравший силу ветер так и кружился вокруг дома.

— Накладывай скобки, — стиснула зубы Джесс.

Люк решил, что так и сделает, а утром свозит Джесс к врачу — на всякий случай. Он потянулся к флакону перекиси водорода. По опыту Люк знал, что эта часть процедуры будет самой болезненной, и понял, что Джесс может упасть с сиденья, когда он начнет дезинфицировать рану.

— Слезай оттуда и садись на пол передо мной, — приказал Люк. Джесс явно собралась возражать, поэтому он положил ладони на внешнюю сторону ее бедер, скользнув под свитер, и потер гладкую кожу. — Давай, Джесс.

— Зачем?

Люк почувствовал, что Джесс расслабилась под его ладонями.

— Просто доверься мне, хорошо?

— Закрой глаза, — сказала она.

Он усмехнулся:

— Поздновато, я уже видел тебя голой.

— Это совсем другое, — заметила она, опускаясь на пол. — Черт, эти плитки такие холодные!

Люк отвел взгляд и подождал, пока Джесс не поправила свитер, прикрывшись и приподняв ягодицы так, чтобы сидеть на ткани, а не на кафеле. Когда она устроилась, Люк специально посмотрел в окно, вскинув голову, будто что-то там увидел. Джесс проследила за его взглядом — Люк тут же плеснул перекись на ссадину и вздрогнул от пронзительного крика.

Собравшись с духом, он снова наклонил флакон над раной и схватил Джесс за руки, когда она попыталась смахнуть перекись с кожи.

— Ах ты, подлый сукин... — прошипела она, обретя способность дышать, и слезы покатались по ее лицу.

Вытащив из аптечки тампон, Люк смочил его в перекиси и провел по ссадине на другой ноге Джесс. Сжав руку «пациентки», он повернул ее вверх и провел тампоном по царапине на ладони. Полотенце слетело с головы Джесс, пальцы ног скривились от боли. Чувствуя себя последним мерзавцем, Люк попросил у плачущей Джесс другую руку, которую она спрятала за спину.

— Последний раз, дорогая, и мы закончим.

Джесс разрыдалась.

— Я знаю, саднит, но ты должна дать мне руку, — принялся утешать Люк. И вздохнул, когда Джесс вытянула ладонь и откинула голову назад, устремив взгляд в потолок. Люк провел тампоном по ране. — Да, и твой подбородок.

Джесс подняла подбородок, и Люк легонько коснулся его другим тампоном.

— Вот и все, милая, — Люк подул ей на подбородок, опустил тампон и, сжав ее лицо в своих ладонях, поцеловал ее в нос. — Храбрая девочка. Ты в порядке?

— Нет, — просопела Джесс.

Взяв слетевшее с ее головы полотенце, Люк уголком вытер ее слезы и снова коснулся губами лба.

Откинувшись назад, он притянул к себе ее ногу. Начав с середины раны, он стянул кожу и соединил ее скобками. Стараясь действовать быстро, он бросил взгляд на бледное лицо Джесс и приказал ей держаться. Потом наложил повязку поверх скобок и, бросив тампоны на полу ванной, встал и помог Джесс подняться. Поддерживая Джесс рукой за плечи, Люк подождал, пока ее головокружение пройдет, а потом попросил опереться на поврежденную ногу.

— Бинты не тянут?

Джесс покачала головой.

— Повязка тугая, но все в порядке.

Люк взял ее на руки и, ловко пройдя через узкий проход гардеробной, опустил на свою постель. Порывшись в тумбочке, он достал пузырек с болеутоляющим, дал Джесс две таблетки и кивнул на стакан воды у кровати.

— Ненавижу таблетки, но сегодня сделаю исключение и приму их, — послушалась Джесс.

Люк уселся на кровати рядом с ней.

— Итак, как же нам провести остаток вечера? Посмотреть телевизор? Сыграть в шахматы? Заняться диким, животным сексом?

Джесс усмехнулась его шутке и зевнула.

— Я так устала...

— Адреналин испаряется. Поспи, — предложил Люк, вставая. — Позови меня, если тебе что-нибудь понадобится.

— Спасибо.

Люк был почти в дверях, когда Джесс еле слышно позвала его. Он подошел к кровати и взглянул на бедняжку, притихшую, маленькую и грустную.

— Я не могу позволить тебе уйти, не услышав моих извинений. Я была эгоистичной и невнимательной... Мне так жаль. Я была не права...

— И я сказал много такого, что не следовало бы. Рядом с тобой правда почему-то выплывает наружу.

Джесс опустила глаза.

— Прости. Еще раз. Поверь, мне грустно, ведь ты жалеешь о том, что мы снова встретились. Я не хотела перевернуть твой мир вверх тормашками.

Люк положил ладони по обе стороны ее хрупкого тела.

— Да, ты все перевернула. Именно это ты и делаешь — ты такая. И знаешь, во время нашей ссоры я сказал одну вещь, которую вовсе не имел в виду. Я ни на мгновение не жалею, что связался с тобой.

Джесс подняла на него свои огромные глаза.

— Так мы снова друзья?

Люк прильнул к ее губам мягким, но настойчивым поцелуем.

— Вероятно, нет, но мы точно что-то значим друг для друга. Поспи немного, милая.

Джесс смогла принять душ, одеться и, пошатываясь, спуститься вниз. Ее семья должна была приехать через несколько часов, и Джесс собиралась проветрить комнаты, поставить в них цветы и съездить в город, чтобы закупить еду и напитки. А еще болеутоляющее, потому что руки и колени непрерывно пульсировали, а каждый шаг отдавался болью.

Джесс направилась на кухню и прошла мимо Люка, который складывал тарелки в посудомоечную машину. Вчера вечером он был потрясающим — нежным, внимательным, милым. Чуть позже Люк забрался в постель рядом с ней и заботился о ней всю ночь.

Услышав шаги Джесс, Люк повернулся и улыбнулся ей.

— Я как раз собирался принести тебе кофе.

— Спасибо за то, что привел меня в порядок вчера вечером.

— Не за что. — Люк протянул ей чашку кофе. — Как ты себя чувствуешь?

— Как будто у меня был тесный контакт с дорогой и камнем.

— Тогда все более-менее, да? — Люк уселся за стол, насыпал в миску овсяные хлопья, добавил молоко и махнул ложкой на коробку.

— Угощайся. Ты наверняка умираешь с голоду.

Джесс села напротив него и бросила мюсли в миску.

— Не очень. Но я должна поесть, чтобы еще раз принять таблетки.

— Никаких таблеток, пока мы не съездим к врачу. У тебя прием через сорок пять минут.

Джесс ждала знакомой вспышки гнева, которая всегда посещала ее, когда мужчины указывали ей, что делать. Но ничего не ощутила. Странно.

— Ты считаешь, что это необходимо?

— Да. Если не наложить швы, рана будет заживать гораздо дольше, и останется ужасный шрам. Твои ноги великолепны, блондиночка, так что давай оставим их именно такими.

Джесс наморщила нос.

— Просто моя семья скоро приедет, и мне нужно многое успеть.

— Что, например?

— Купить еду и вино...

— Мои друзья держат гастроном на главной улице. Ты можешь заказать продукты из дома, они все подготовят, а мы заберем покупки по дороге от врача. Что же касается вина... Смешно, я-то думал, у нас здесь есть погреба.

— Не могу же я ждать, что ты будешь спонсировать нескромные винные потребности моей семьи! — запротестовала Джесс.

— Вычти стоимость вина с моего счета за кампанию, — предложил Люк, откинувшись на спинку стула. — Что еще?

— Я хотела проветрить комнаты в особняке, проверить, постелено ли белье, поставить цветы на тумбочки.

Люк вытащил из кармана мобильный и коротко о чем-то переговорил.

— Кому ты звонил? — спросила Джесс.

— Грете. Раньше она была домработницей в особняке. Ее внучка Энджел убирается у меня, чтобы заработать немного карманных денег. Грета привезет Энджел и заставит ее

подготовить особняк. Что дальше?

Джесс потянулась за яблоком.

— Не хочешь поработать на меня? Я нашла бы применение твоим способностям решать проблемы...

Люк обворожительно улыбнулся.

— Почему бы тебе не поработать на меня? Я нашел бы применение твоим маркетинговым талантам на постоянной основе. Хотя в этом случае нам пришлось бы изменить твой самостоятельный перфекционистский настрой.

Джесс положила подбородок на кулак.

— Неужели я так плоха?

— Не плоха. Просто непроста.

— Что ж, это мило. Мой бывший — мои бывшие — не слишком-то мне льстили. — На лице Джесс мелькнула досада. — Мне часто говорили, что я заносчивая и властная.

— Похоже, твои бывшие — кучка... — Люк сдержал рвавшееся с губ крепкое словцо и замялся, — идиотов.

— Поначалу им нравилось, что я — такая независимая, но потом они начинали стонать, что я много времени уделяю своему бизнесу. Им нравилось, когда я сама за все платила, но потом они выговаривали мне, что я хвасталась перед ними деньгами.

— И это заставило тебя начать сомневаться в себе. Почему?

— Когда романтика из отношений испарялась, их переставала устраивать жизнь со мной.

— И, как любая женщина, ты автоматически считаешь, что с тобой что-то не так. Они, судя по всему, были недостаточно сильны для тебя. А потом, не забывай о мужской гордости. Ни один из них не был так успешен, как ты, и они ощущали исходившую от тебя угрозу. Брось, Джесс, это ведь основы психологии!

— Но разве имеет какое-то значение, кто больше зарабатывает?

— Для тебя, может быть, и нет, но для мужчины? Да, это важно! Ты — успешная, цельная женщина, Джесс, и тебе нужен мужчина, который будет достаточно сильным и уверенным в себе, чтобы позволить тебе летать.

Джесс хотела спросить Люка, не станет ли он тем самым мужчиной, который даст ей пару крыльев.

— Я — не этот мужчина, Джесс, — словно прочитав ее мысли, с сожалением бросил Люк. — Не потому, что я не смог бы к тебе притереться, а потому, что в принципе не хочу сложностей притирки к женщине.

Джесс заставила себя улыбнуться.

— Все в порядке, ведь мы, кажется, решили относиться к этому проще?

— Да. Но я по-прежнему хочу спать с тобой.

— Именно это все и усложняет.

Люк встал, подошел к Джесс и, наклонившись, поцеловал ее.

Джесс с нежностью коснулась его лица.

— Спасибо за то, что позаботился обо мне прошлой ночью.

— Ты напугала меня до полусмерти. — Он заключил Джесс в объятия, положив подбородок ей на макушку. — Не делай этого снова, хорошо? Не знаю, сможет ли мое сердце это вынести.

Ее семья поступила в своей обычной манере, приехав раньше, чем ожидалось, и Джесс уже в пятом часу дня открывала первую из обещанных бутылок красного вина. Родные набились в главную гостиную особняка, быстро освоившись там. Ник разжег камин, Крис открыл пакет чипсов, а два других брата Джесс растянулись на кожаных диванах. Энн и Хэзер, ее невестки, отправились с детьми на прогулку, а ее мать, бабушка и две другие невестки, Клем и Кейт, стояли у огромного эркера, глядя на изумительный горный вид. Ее отец уже всюду исследовал дом и, вероятно, вносил картины в каталог.

— Боже мой, ну когда же я получу бокал вина? — нетерпеливо бросила бабушка.

— Если бы твои ленивые внуки оторвали свои задницы и помогли мне, ты получила бы его намного быстрее, — проворчала Джесс.

Джон приподнялся и сел.

— Дай-ка сюда бутылку и штопор, Малявка.

Джесс наморщила нос, услышав старое прозвище, и подошла к своему любимому брату, Нику, стоявшему у камина.

Он поднял на нее мрачные серые глаза.

— Так насколько же все серьезно?

— Ты о чем?

— О твоём падении. Ты отмахнулась от расспросов родни, но ты хромаешь, и глаза у тебя немного стеклянные.

— Все в порядке. Люк оказал мне первую помощь.

— Кто такой Люк? — спросил Джон, протягивая ей бокал вина.

— Ребята, я делаю для него рекламную кампанию. Он владеет Сен-Сильвом.

Джесс не могла поднять на них глаза, особенно на Ника. Он был чертовски проницателен и слишком хорошо ее знал.

— Между вами что-то назревает? — спросил брат.

— Что и между кем назревает? — моментально заинтересовалась бабушка.

Джесс застонала и зыркнула на Ника.

— Я лишь спросил Джесс, что происходит между... — Толчок локтем в бок не остановил Ника, — ней и Сэвиджем.

— Ничего не происходит! — запротестовала Джесс. Ах, Ник и его длинный язык!

— Так это из-за него ты не пошла на свидание, которое я тебе устроила? — спросила мама.

— Нет! Я просто была слишком занята! — всплеснула руками Джесс. — Ребята, я хочу, чтобы вы внимательно послушали меня. Это важно.

Все глаза в комнате сосредоточились на ней, и Джесс осознала, что должна осторожно подбирать слова.

— Если вы случайно встретите Люка, ведите себя с ним тактично. Он не привык к большому семьям, и я не желаю, чтобы вы осложнили ему жизнь.

Братья взглянули на нее, потом — друг на друга и разразились смехом. Ох, это все равно что махать красным флагом перед быком... Теперь они точно возьмут Люка на мушку. И когда она научится вести себя правильно?

— Я была бы не прочь завести такого друга, — вдруг заметила Клем.

Женская часть семейства дружно прижалась носами к стеклу, глядя отнюдь не на горы. Джесс молилась, чтобы длинная фигура, мелькнувшая мимо окна, принадлежала Оуэну, но рассчитывать на такую удачу не приходилось.

— Боже мой, какой горячий малый! — воскликнула Кейт, схватившись на сердце, и обернулась к Джесс. — Это Люк?

Джесс мрачно кивнула.

— Классная задница, — отметила Клем, и Ник нахмурился.

— У него в штанах явно кое-что есть... реально клевый чувак!

Джесс в который раз закатила глаза. Ее бабушка снова смотрела MTV.

Но ее мать — это был полный атас! Лайза постучала по стеклу, и Люк обернулся. Она открыла окно, представилась и чуть ли не силой выгнала из него согласие прийти на ужин. От стыда Джесс была готова провалиться сквозь землю.

Щеки ярко вспыхнули, а в бок не слишком-то нежно уперся локоть Ника.

— Значит, просто друг, да? Ты в этом уверена?

Джесс вобрала в легкие побольше воздуха и поняла, что ее ждет очень долгий уик-энд.

* * *

Он собирался избегать Джесс все то время, что в Сен-Сильве гостила его семья, но в первый же вечер обнаружил себя сидящим во главе двухсотлетнего обеденного стола. Остальную часть стола занял клан Шервудов... и, боже, что это был за клан!

Шумный, галдящий... Это относилось ко всем, кроме Ника, который больше наблюдал за происходящим с кривой улыбкой, чем принимал участие в разговоре. Из всех братьев Джесс Ник понравился Люку больше всего... вероятно, потому, что не тараторил на безумной скорости.

Братья Джесс обладали блестящим вкусом в том, что касалось женщин — начиная от невесты Ника, Клем, рыжеволосой красавицы, известной в прошлом фотомодели, и заканчивая другими спутницами жизни — двумя брюнетками и блондинкой, привлекательными, образованными и независимыми. Одна из них была журналисткой, вторая — врачом, третья — физиотерапевтом. Братьям Шервуд нравилась печать интеллекта в их внешности.

Точно так же, как и ему самому.

Люк посмотрел на Джесс, погруженную в беседу с отцом. Только слепой на месте Люка не заметил бы взгляды, которые бросали родные Джесс в его сторону. Он уклонился от не самых деликатных вопросов об их отношениях, предоставив Джесс самой давать объяснения. И решил, что вечером ей стоит вернуться с ним в его дом.

А еще он хотел, чтобы Джесс снова спала в его кровати, хотя и боялся признаться в этом даже самому себе.

«Какая же она красивая», — думал Люк, глядя на Джесс. Ее волосы растрепались, помада стерлась, под глазами залегли круги от боли, — на ногу наложили десять швов! — но она сияла.

Она обожала родных. Люк наблюдал за их приездом из окна гостиной и слышал радостный визг Джесс при виде вереницы автомобилей. Не успели машины затормозить, как Джесс распахнула их дверцы, и к ней с поцелуями и объятиями бросились дети. Люк стиснул зубы, когда один из братьев закружил ее в приветственном танце, — швы ведь, черт возьми! — а потом передал, как подарок, другому брату, повторившему тот же фокус.

Люк покачал головой. Джесс ни на мгновение не сомневалась, что ее любят...

За такую семью много лет назад Люк продал бы душу. Если бы он мог заказать себе семью, он выбрал бы точно такую же.

— А ну-ка, помолчите все...

Голоса смолкли, и Люк перевел взгляд на папу Джесс. Дэвид Шервуд поднял бокал.

— Я хотел бы поблагодарить Люка, гостеприимно распахнувшего двери своего дома для нашей сумасшедшей семейки, и выразить горячую надежду, что он не жалеет об этом, — Дэвид прищурился и пробежался взглядом по всем своим детям, не пропустив и Джесс. — И это означает: никаких драк среди мебели, никаких спусков на перилах, никаких бомбочек с мукой из окон верхних этажей.

Люк наклонился к Нику, сидевшему справа.

— Он говорит это детям, правда?

В серых глазах Ника запрыгали смешливые искорки.

— Увы, нет. Мои братья и сестра могут откалывать безумные номера.

Люк усмехнулся.

— А ты — нет?

— Меня просто никогда на этом не ловят, — захихикал Ник.

— Короче говоря, спасибо, Люк, что позволили нам провести этот уик-энд всем вместе. — Дэвид снова поднял бокал, и, когда перезвон хрустала стих, добавил: — Кстати, я знал вашу маму.

Люк увидел, как Джесс дернула отца за руку, и легким кивком дал ей понять, что хочет услышать о матери.

— В самом деле? Как вы с ней познакомились?

— Мы вместе учились в художественной школе в Кейптауне. Думаю, я был почти влюблен в Кейтлин.

— Ты был влюблен чуть ли не в каждую, — вставила его жена. — Кейтлин... Кейтлин Керби? Я ее помню. Длинные волосы, зеленые-зеленые глаза. Ваши глаза, Люк. Сожалею, что вы потеряли ее так рано.

Какие простые, искренние слова... Они чуть не заставили Люка признаться, что он не потерял мать, это она его бросила...

— Помню, как мы приходили в коттедж ее старшей сестры близ Ламбертс-Бэй. Кейтлин воспитывала сестра — она преподавала археологию в университете Кейптауна и часто уезжала на раскопки.

Люк сглотнул вставший в горле комок. Боже, у него была тетя... Но как? Почему? Он ни разу о ней не слышал.

Не то чтобы это имело какое-то значение после стольких лет, Люк не собирался ее разыскивать, но... вау, у него была тетя!

— Я был в восторге от ее работ, — продолжил Дэвид. — Она была создана для великого. А потом появился Грег Прескотт...

— Ну вот, папа отошел от темы и завел старую пластинку, — пробормотал Ник. — Боже, помоги нам! Он собирается прочитать нам лекцию о каждом художнике, которого когда-либо знал.

— Отвлеките его, быстрее! — донеслось до Люка шипение другого брата, Джона.

Патрик тут же вскочил и прокричал, перекрывая голос отца:

— Так как насчет нашего пари, Малявка?

Люк вскинул голову. Пари? Что еще за пари?

— В этот уик-энд у нас уйма времени. Мы можем найти подходящий маршрут и покончить с этим раз и навсегда, — стал подначивать Патрик Джесс.

— О, классно! — захлопала в ладоши Лайза. — Мне уже надоели эти текущие краны!

Когда Джесс промолчала в ответ, Патрик наклонился через стол и усмехнулся ей в лицо:

— Мокрая курица, Джесс? Пасуешь, как девчонка?

— Я и есть девчонка, придурок!

Люк взглянул на Ника.

— Не объяснишь, о каком пари идет речь?

— Кто быстрее пробежит пять километров.

— Я! — хором прокричали Джесс и Патрик.

Люк налил себе вина, отпил и взглядом пригвоздил Джесс к месту.

— Нет.

Возражения уже рвались с ее губ, и он твердо добавил:

— Милая, это не обсуждается.

С раздражением взглянув на него, Джесс пробормотала:

— Со мной все будет в порядке.

— Десять, — напомнил Люк, для наглядности продемонстрировав цифру растопыренными пальцами. Джесс не хотела, чтобы родные знали о наложенных на ее ногу швах и тряслись над ней. Понимая это, Люк заранее согласился хранить тайну. Но только не сейчас, когда она думала бежать с братом наперегонки целых пять километров.

Губы Джесс зашевелились в тихом ругательстве, и Люк спрятал улыбку, когда она взглянула на Патрика.

— Не в этот уик-энд, тупица. У меня еще немного болит нога после падения.

Патрик, похоже, счел это уважительной причиной, а Люк поймал на себе заинтересованный взгляд Ника.

— Что?

— Так-так, это уже любопытно. Что «десять»?

Люк проигнорировал вопрос, но Ник оказался не единственным, кто почувствовал напряженность между ним и Джесс. Патрик снова взялся поддразнивать сестру.

— Так что там у тебя с Сэвиджем, Джесс? Это первый раз на моей памяти, когда ты беспрекословно послушалась мужчину.

Джесс пронзила брата сердитым взглядом.

— Так что там у тебя с мозгами, Пат? В смысле... где они? Не лезь не в свое дело.

— Ты — мое дело. Наше дело. — Патрик поковырялся ложкой в десерте и откинулся на спинку стула.

Ник завел глаза к потолку и сказал Люку:

— Ну, пошло-поехало... Патрик и Джесс воюют всю жизнь. Их разделяет лишь девять месяцев, и Пат обожает издеваться над ней. Не то чтобы мы все, конечно, не интересовались, что происходит между тобой и нашей сестренкой...

В глазах Ника читалось предупреждение: «Только свяжись с ней, и ты — мертвец». Это так разозлило Люка... В конце концов, Джесс не застукивала его в постели с другой.

И никогда бы не застукала. Он никогда не изменял.

— Я подсчитал, сколько здесь спален, и оказалось, что их хватает в обрез, — заметил Джон. — Где ты спишь, Джессика?

Все без исключения Шервуды тут же оживились.

— Я предложил Джесс спать в моем доме, пока вы гостите здесь. В этот уик-энд нам нужно сделать кое-какую работу, и мы решили, что так будет разумно.

— Значит, вы спите вместе, а если не спите, то почему нет? — вскинула брови Лайза и, не дав Люку ответить, засыпала вопросами: — Вы в отношениях? Женаты? Гей?

— Мама! — Джесс в отчаянии запустила пальцы в волосы.

— А что? — невинно похлопала глазками Лайза. — Я лишь хочу, чтобы ты была счастлива. И если вы с Люком — просто коллеги, у меня на примете есть по меньшей мере три молодых человека, которые жаждут узнать твой номер телефона.

— Хорошенькое дельце! — простионала Джесс. — Я ведь уже сказала: мы с Люком — друзья. Просто друзья.

— Тогда, может быть, тебе стоит снова сойтись с Грантом? — предложил Патрик. — Я видел его на прошлой неделе. Он спрашивал о тебе.

Хор одобрительных голосов подхватил его слова, и Люк невольно заскрежетал зубами.

— Он ни с кем сейчас не встречается, — сообщил Крис. — Мы вытащили его попить пивка, и он чуть ли не со слезами уверял, что отношения с тобой были лучшими в его жизни.

— Он классный парень, Джесс, — поддакнул Джон.

Джесс бросила на Люка взгляд, полный тоски и обиды. Теперь-то Люк понял, что она имела в виду, когда говорила, что семья не уважает ее личное пространство.

Патрик помахал бокалом в воздухе.

— А еще он — классный полузащитник. И если он готов простить Джесс за заносчивость, ей стоит дать ему второй шанс.

Клем покачала головой, глядя на Кейт:

— Твой муж иногда бывает необычайно тупым.

— И не говори, — пробурчала Кейт.

Джесс, пошатываясь, встала из-за стола. Люк заметил белое кольцо боли вокруг ее рта и понял, что Джесс была на пределе физических и умственных сил и уже не могла отбивать нападки родных. Когда она покачнулась, Люк сорвался со стула, чтобы не дать ей упасть. Он ошибался. Ее предел был исчерпан.

— Ну все, хватит, — твердо произнес Люк.

Он обнял ее за талию и почувствовал, как рука Джесс обвивается вокруг него. Потом поочередно смерил взглядом каждого из братьев.

— А вы те еще фрукты! Разве не видите, что ей не до вашей ерунды? На ее ногу наложили десять швов, она вся в ссадинах.

Он со злостью взглянул на приготовившегося возражать Патрика, заставив замолкнуть.

— Мы с Джесс... черт, я даже сам не знаю, что между нами происходит. Но, — он посмотрел на Лайзу, — это наше дело. И следующий, кто заикнется о ее возвращении к тому ничтожеству, которого она застучала трахающим другую в их общей постели, огребет по полной программе. От меня.

Он прижал голову Джесс к своей груди, баюкая, как ребенка, и добавил:

— Я отведу Джесс домой. На сегодня с нее хватит. Она увидится с вами завтра, если будет в состоянии.

Люк повел Джесс к двери, и разом смолкшая семья уставилась им вслед.

Ошеломленное молчание нарушил Ник:

— Так-так-так... Джесс наконец-то нашла мужчину с характером покруче, чем у нее.

Рад за нее, давно пора. Передай то вино, бабуля, ну что ты его заграбастала!

Вот уже вторую ночь подряд Джесс спала в постели Люка — именно спала, в прямом смысле этого слова. И никаких неприличных поползновений: отнеся Джесс наверх, Люк заставил ее выпить таблетки и лечь. Она провалилась в сон, как только голова коснулась подушки.

Ей было не до секса.

Джесс перекатилась на кровати, почуяв аромат кофе, и сглотнула слюну, когда Люк вошел в комнату в одном полотенце, низко обернутом вокруг узких бедер. Боже, какое восхитительное тело...

Люк улыбнулся и поставил чашку на тумбочку. Джесс села на постели и покосилась на часы. Было начало десятого — обычно Люк не принимал душ в такое время.

— Когда я вернулся с объезда земель, твои братья собирались на пробежку и пригласили меня присоединиться к ним, — объяснил он, усаживаясь рядом на кровати. — По всей видимости, это была проверка. Вечно соперничающая компания, не так ли?

Джесс застонала.

— Прости! Они что, набросились на тебя всей кучкой «настоящих мужиков»?

— Ну, они пытались опередить меня, — улыбнулся Люк. — Но я выступил на достойном уровне.

Джесс взяла чашку и вздрогнула, когда постельное белье скользнуло по ссадинам.

— Если ты обставил Патрика, я зацелую тебя до потери пульса!

— Я обставил Патрика. Я пробежал дистанцию за двадцать три десять.

Рот Джесс изумленно открылся.

— Ты обставил их всех?

Люк напоминал кота, объевшегося сметаны.

— Я сделал их всех!

— Йу-ху! — торжествующе вскричала Джесс. — Ты — мужик!

Она откинулась на подушки и, помолчав, улыбнулась Люку.

— Ты знаешь, что после всего этого ты просто обязан на мне жениться?

Люк выплеснул несколько капель кофе на белое полотенце.

— Что-о-о?

Джесс потрепала его по колену.

— Заступившись за меня вчера вечером, ты — по крайней мере, в глазах моей матери — практически объявил о серьезных намерениях. Она наверняка уже планирует нашу свадьбу.

— Боже, в этих семьях все так сложно! И в твоей, подозреваю, намного сложнее, чем в остальных.

— Я — самый младший ребенок, девочка, и четыре старших брата готовы с пеной у рта защищать меня.

— Они угрожали отрезать мне яйца, если я причиню тебе боль.

— О, ничего себе, неужели так и сказали? — Джесс надула щеки. — Ну конечно, сказали... Прости. А еще они били себя кулаками в грудь, верно?

Люк усмехнулся:

— Ага. Они провели остаток пробежки, решая, что делать с твоим бывшим. Предлагалось закатать его в бетон.

— Они выпустят пар, а потом просто забудут о нем. Надеюсь. — Джесс отпила кофе. —

Я знаю, они несносны и часто ведут себя вызывающе. Я пойму, если ты захочешь держаться от них подальше...

— У меня никогда не было ничего общего с большими семьями, Джесс, черт, вообще ни с какими семьями. Я не знаю, как себя вести... Вчера вечером я был вне себя от ярости.

— Серьезно? А по твоему виду я бы не сказала.

— Практика. Думал, всех передую от злости.

Джесс услышала просквозившую в его голосе неуверенность.

— Тебе нужно просто быть самим собой, вести себя как обычно. Не волнуйся насчет моей матери и ее козней. Даже если вчера до нее не дошел смысл твоей речи, она прекрасно знает, что меня нельзя принуждать. Да, что ты думаешь насчет того, что мой папа знал твою маму?

Люк тут же насторожился.

— Похоже, мир искусства в семидесятых был теснее, чем я предполагал.

— Ты собираешься разыскивать тетю?

— С какой стати?

— Она может рассказать тебе о матери.

— Я знаю о Кейтлин все, что нужно. Она была одаренной художницей, которая решила, что я ей больше не нужен. А потом она умерла.

Его безучастный тон выдавал таившиеся в душе боль и обиду.

— Твоя тетя может объяснить...

— Мне тридцать два года. Она не могла не знать обо мне. У нее было время, чтобы найти меня и все объяснить, — отрезал Люк.

Он ясно дал понять, что лучше оставить эту тему, и Джесс отступила. Между ними только-только установился шаткий мир, и ей не хотелось ссориться.

Люк наклонился вперед и с нежностью коснулся подбородка Джесс кончиками пальцев.

— Как ты себя чувствуешь?

Джесс нервно облизнула губы, заметив страсть, пробуждающуюся в его глазах.

— Хорошо. Намного лучше.

Люк приобнял Джесс за шею.

— Мне показалось, или кто-то обещал зацеловать меня до потери пульса? Ведь я обставил твоих братьев!

Джесс вздохнула, когда их губы встретились в поцелуе, незамысловатом, но таком сокрушительном... Она хотела большего, чем просто поцелуй. Она хотела Люка всеми возможными способами.

Их языки переплелись, и Джесс потянула с его бедер полотенце.

Люк отпрянул и с сожалением взглянул на нее.

— Милая, мы не можем. Твоя нога...

Джесс привлекла его к себе.

— Ты будешь со мной осторожным. Я доверяю тебе, — произнесла она у его губ. — Я устала просто спать в твоей постели, Сэвидж.

Полотенце запахнулось, и Люк накрыл тело Джесс своим.

— Что ж, если ты так настаиваешь...

Джесс стояла у кухонной раковины особняка, мыла тарелки и наблюдала, как Люк, Оуэн и Кендалл сражаются с ее братьями в матче по бесконтактному регби на газоне под окном. Люк выглядел счастливым. Он был грязным и потным, но заливисто смеялся над оскорбительными выпадами ее братьев.

Почувствовав прикосновение женской руки к спине, Джесс улыбнулась Клем и про себя возблагодарила Ника за то, что привел в их семью эту девушку. Джесс обожала всех своих невесток, но, несмотря на то что знала Клем всего ничего, чувствовала особое расположение к этой светской львице.

— С тобой все в порядке, Джесс?

— Да... нет... я совсем сбита с толку.

— Насчет Люка?

— Кого же еще? У него такой груз проблем за плечами...

— А у кого из нас его нет, солнышко? У вас — временами просто несносная семья и яростное стремление к независимости в характере. — Клем прислонилась к столешнице рядом с Джесс, скрестив длинные стройные ноги. — Никто из нас не совершенен.

— И он сказал, что в принципе не хочет «притираться» к женщине.

— Ой... А ты хочешь с ним отношений?

— Вроде того. — Джесс горестно улыбнулась. — Я влюбилась в него. Когда Люк заступился за меня перед братьями, я осознала: этот мужчина создан для меня.

— Да, я тоже это поняла. Он силен, надежен, умен — он идеально тебе подходит.

«Это и есть любовь», — осознала Джесс. Он идеально подходил ей, но...

— Но его это не интересует. Ни серьезные обязательства, ни брак.

Клем ободряюще потерла ее плечо, и Джесс поведала о недавней катастрофе на съемках ролика.

— Я очень хочу снять семейную сцену, но не могу снова подвергать Люка такому испытанию.

Клем смерила ее долгим взглядом, многозначительно вскинула палец и куда-то ушла. Спустя несколько минут она вернулась с маленькой видеокамерой в руке. Клем кивнула на окно и протянула камеру Джесс.

— Вот твоя семейная сцена. Снимай.

Проследив взглядом в указанном направлении, Джесс поняла идею Клем. Красивые жены Шервудов с бокалами вина расположились на участке травы рядом с импровизированным полем для регби и о чем-то беседовали. Джесс приблизила изображение, а потом плавно перевела объектив на веранду, где в кресле сидел отец с этюдником и трехлетним сыном Джона на коленях. Лайза наблюдала за матчем со спящим ребенком на руках.

Камера скользнула по столу: бутылки сен-сильвского вина и наполовину полные бокалы, открытая книга, детская соска, раскраска и цветные мелки, миска с остатками яблочной крошки...

Джесс навела камеру на Люка, который стоял, отвернувшись и уперев руки в бедра. Он был счастливым, раскрепощенным — именно таким, каким она и хотела запечатлеть его на днях.

Не выпуская камеры из рук, Джесс восхищенно протянула:

— Ты, Клем Кэмпбелл, гений!

— Я знаю, только не стесняйся напоминать об этом Нику.

Люк проследовал за солидным кланом Шервудов к машинам и отошел в сторону, когда Джесс стала прощаться с родными. Дни пролетели быстро, и он вдруг понял, что прекрасно провел время в обществе этой семьи. Он возил родных Джесс по поместью, объяснял им суть процесса виноделия, рассказывал историю владений. Он занимался спортом в тренажерном зале с ее братьями, позировал для наброска ее отца, катал детей на мотоцикле и тракторе.

И теперь его от души благодарили, целуя и тиская в объятиях. Люк наклонился так, чтобы крошечная бабушка Джесс смогла поцеловать его, а потом обернулся, чтобы пожать руку главе семейства.

— Спасибо за гостеприимство, Люк, — сказал Дэвид. — Присмотри за моей девочкой.

— Это не то, что вы... — промямлил Люк, чувствуя, как на его шее затягивается удавка.

Теплые карие глаза Дэвида насмешливо сощурились.

— Ага, ну конечно!

Лайза оттолкнула мужа и положила клочок бумаги в карман рубашки Люка, похлопав его по груди.

— Имя и адрес твоей тети. Мне сообщил один старый университетский друг. Съезди, поговори с ней. И позаботься о моей девочке. — Лайза расцеловала его в обе щеки.

Удавка затягивалась все сильнее. Его обняли и расцеловали жены Шервудов, потом к нему подошли братья, грозно выстроившись в одну сплошную линию. Люк оглянулся на Джесс, но она понеслась в дом, чтобы принести забытую бабушкой книгу.

Джон вытащил из заднего кармана сложенный лист бумаги и торжественно развернул его.

— Как старшему брату, мне надлежит...

— Надлежит? — прыснул Патрик.

— Заткнись, выскочка. Мне надлежит установить, достоин ли ты Джесс.

Люк закатил глаза. Они что, решили подвергнуть его допросу?

— Чемпионат «Супер Регби 14». За кого ты болеешь?

— Шутишь? Это что, так важно?

— «Манчестер юнайтед» или «Челси»?

— «Ливерпуль», — в шутку бросил Люк.

— Садись за руль пьяным?

— Нет.

— Становишься агрессивным, когда выпьешь?

— Нет.

— Умеешь готовить?

Да, слава богу, ведь кулинарные навыки Джесс оставляют желать лучшего.

— Слышал об африканской традиции лобола?

Люк нахмурился, а Ник усмехнулся:

— Это выкуп невесты — семье платят за честь получить руку дочери.

Люк взглянул на Дэвида, но тот лишь с улыбкой развел руками:

— Я передал им право вести переговоры.

Скрестив руки на груди, Люк насупился. Боже праведный, да что такого ужасного он

наделал в жизни, что обрек себя на это?

— Мы хотим пятнадцать ящиков того превосходного мерло 2005 года и возможность проводить в этом поместье семейные праздники, а папа жаждет получить племенную пару кур-бентамок, — пояснил Джон.

Люк всплеснул руками.

— Кур? Ты шутишь!

— Я хотел разводить коз, но Лайза воспротивилась этой затее, — встрял Дэвид.

— Ничего себе! — еле слышно произнес Люк, потерев шею. — Надеюсь, вы все-таки шутите. Мы не думаем о свадьбе. Я не хочу жениться!

Крис усмехнулся:

— Ни один из нас не хотел, чувак! Но все мы женаты...

Джесс вышла из дома с книгой, и братья сделали невинные лица.

Джон сжал руку Люка. Сильно.

— Если причинишь ей боль, будешь иметь дело с нами.

Люк хотел отмахнуться от его бахвальства, но понял, что братья настроены серьезно. Облажается с Джесс — пойдет на корм рыбам. Люк пожал руки Крису и Патрику, снова ощутив всю мощь ладоней Шервудов и еле удержавшись от желания размять пальцы перед прощанием с Ником.

Люк мрачно взглянул на любимого брата Джесс.

— Ну да, да... Я понял. «Не облажайся с Джесс».

Ник покачал головой и приобнял Клем за талию.

— Я лишь собирался пожелать тебе удачи. Она тебе потребуется, раз уж связался с этой несносной девчонкой.

— Спасибо, — с чувством произнес Люк. Хоть кто-то из этой семейки был на его стороне!

Ник похлопал его по плечу и пожал — нет, стиснул! — его руку, добавив:

— Но если она прольет по твоей вине хоть слезинку, я посажу тебя голым задом на муравейник.

Посмотрев вслед отъезжавшему семейству, Люк покосился на Джесс, которая не отрывала взгляда от удалявшихся машин. Семья оставалась ее каменной стеной, родные иногда доставали ее, но она их обожала. И очень по ним скучала...

Живя с ним здесь, в Сен-Сильве, Джесс лишалась общения с семьей. И это был еще один довод в длинном списке причин, по которым они не могли оставаться вместе. Джесс требовалась семья, а Люк не мог окружить ее подобной атмосферой. Кроме того, его жизнь протекала в Сен-Сильве. Ее — была связана с поездками по всей стране. Люк не мог бросить Сен-Сильв, но и не мог просить ее оставить «Джесс Шервуд концепт».

Что же ему делать? Джесс стала для него так много значить... Ощувив во рту едкий привкус паники, Люк ослабил ворот рубашки. Эти несколько дней он жил в мире грез, и теперь пришло время вырваться оттуда.

— Ну, как там Люк?

Джесс сидела за столиком в ресторане в Ламбертс-Бэй и ждала кузину Люка, болтая по телефону с Клем.

— Отстраненный, угрюмый и придирчивый.

— О... гм... это не то, что я ожидала услышать. Я думала, вы там отрываетесь в

постели.

— Мы и отрываемся, — подтвердила Джесс. — Просто не разговариваем в промежутках между сексом. Мы оба знаем, что мне пора упаковывать вещи к отъезду, но дружно молчим об этом.

Когда Люк занимался с ней любовью, он был страстным, нежным... А потом снова становился унылым и злым.

— Ты говорила с ним об этом?

— Пару раз. Вчера я спросила, почему он стал таким отчужденным, и он ответил, что его заботят какие-то дела, он просто устал.

— Он дает задний ход отношениям?

Джесс положила лоб на кулак и кивнула, будто Клем могла ее видеть.

— Отчасти так и есть. А еще мне кажется, что он много размышляет о своей маме. Думаю, это нормально — после того, как он встретился с нашей семьей.

Как-то утром Джесс застала Люка сосредоточенно смотрящим на фотографию матери и сразу все поняла. Проведя так много времени с семьей Шервуд, он задумался о своей семье. Джесс снова предложила ему разыскать тетю, но Люк лишь отмахнулся.

— Я — в Ламбертс-Бэй, жду его кузину, — сообщила Джесс.

Она нашла клочок бумаги, который ее мама дала Люку, и поговорила с кузиной. Та объяснила, что тетя Люка умерла несколько лет назад, но сама она выросла на печальной истории Кейтлин и будет счастлива поделиться информацией.

— Он знает?

— Нет.

— И ты считаешь, это разумно?

— Это мой подарок ему, Клем. Сведения о его прошлом, его матери.

Таким был способ Джесс продемонстрировать Люку свою любовь. Дать ему понять, что ей хотелось бы создать с ним семью.

— Я хочу, чтобы рядом был мужчина, который будет любить меня, как Ник любит тебя, как папа любит маму.

— О, солнышко, я тебя понимаю! Но не уверена, что ты поступаешь правильно, — отозвалась Клем. — Кстати, что с той семейной рекламой?

— Сегодня мы со Сбу все окончательно смонтировали. Ролик получился замечательным — забавным, сердечным и понятным каждому. Именно таким, как я и хотела. Осталось только показать рекламу Люку и получить его добро, чтобы дать старт кампании. На этом все будет закончено — в том, что касается бизнеса.

— То есть тебе придется вернуться домой?

Внутри у Джесс все оборвалось. Она не хотела покинуть Люка, не хотела возвращаться к своей пустой жизни в Сэндтоне. Джесс уже все продумала: если Люк попросит ее не уезжать, она откроет филиал «Джесс Шервуд концепт» в Кейптауне, оставив Элли управлять подразделением в Сэндтоне.

Можно было устроить удаленный офис в Сен-Сильве... зачем еще существуют все эти замечательные технологии вроде видеоконференц-связи и электронной почты, как не для того, чтобы ими пользоваться?

Джесс скучала бы по своей семье, но жить без Люка она уже не могла.

— Он разобьет мне сердце, Клем, если не попросит остаться...

Джесс подняла глаза на звякнувшую дверь ресторанчика и увидела высокую женщину

своих лет.

— Мне пора, Клемми. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Звони, если понадобится.

Хорошие новости, ах, какие хорошие новости! Она не могла дождаться, когда же расскажет их Люку. Джесс крепче взялась за руль и подняла ногу с педали газа, сбрасывая скорость. Даже торопясь домой, она не могла рисковать на обдуваемых ветрами дорогах, скользких от дождя. Хляби небесные разверзлись сразу после ее отъезда из Ламбертс-Бэй, и дождь преследовал Джесс весь путь.

Она направила внедорожник в ворота Сен-Сильва и заметила темно-зеленый «Мерседес-Бенц», припаркованный у двери дома Люка. Джесс наморщила нос. Люк сказал, что проведет весь день на деловых встречах, и она надеялась, что его переговоры не слишком затянулись.

Этим вечером у нее были особые планы на его счет...

Джесс схватила лежавшие на пассажирском сиденье конверт и диск, сунула их в листы газеты и, выскочив из машины, рванула вперед. Дверь дома открылась, как только Джесс взялась за ручку, и она с размаху налетела на твердую грудь Люка.

— Джесс!

Она со смехом обвила руками его шею и прижалась губами к его губам.

— О, я счастлива тебя видеть! Я так по тебе скучала...

Он усмехнулся:

— Мы виделись этим утром, но все равно приятно слышать.

Джесс рассмеялась, глядя на его ошарашенное лицо, и вдруг уловила какое-то движение на лестнице. Кровь застыла в жилах, стоило ей увидеть Келли, спускавшуюся по ступеням босиком, в одной только любимой регбийной рубашке Люка — ее, Джесс, любимой рубашке. Джесс уронила руки и сделала шаг назад. Волосы Келли были спутаны, косметика размазалась по лицу. Джесс почувствовала себя так, словно ей дали под дых.

Люк проследил за ее полным ужаса взглядом, и невнятная ругань слетела с его губ. А потом ошеломленная гневная пелена сползла с сознания Джесс, и она упрямо трянула головой, сказав себе: «Это — Люк, мужчина, который никогда не изменяет». Он никогда не поступил бы так с ней. Она ему доверяла.

Встретив грозный взгляд Люка, Джесс поняла, что должна как можно быстрее спасти ситуацию. Она шагнула вперед:

— Привет, вы Келли, не так ли? Попали под ливень?

Келли нервно улыбнулась:

— Да. Я здесь, чтобы купить немного вина. Люк, мы с Оуэном вышли из погреба и попали под дождь.

— Привет, Джесс! — донесся из гостиной голос Оуэна, и Джесс прикрыла глаза. Слава богу, она не стала сходить с ума и обвинять Люка в измене...

— Люк одолжил мне ваши спортивные шорты. Надеюсь, вы не возражаете. — Келли приподняла подол рубашки, и Джесс увидела свои шорты.

Она заверила Келли, что совсем не возражает, и посмотрела вслед ее удаляющейся в гостиную спине.

Джесс направилась было за Келли, но Люк удержал ее на месте, положив ладонь на предплечье.

— Ты думала, что я спал с Келли, — прошипел он.

Джесс хотела все отрицать, но Люк видел ее насквозь. Он злился... и имел на это полное право. Ей стоило извиниться.

Джесс развела руками.

— Привычная реакция... Да брось ты, Люк! Я неправильно отреагировала, осознала что была не права, а потом попыталась все исправить. Мне очень жаль, что я засомневалась в тебе, но, ей-богу, лишь на мгновение.

Люк с подозрением сощурился.

— Никогда больше так не поступай.

И тут Джесс вспомнила про конверт.

— У меня новости!

Люк вскинул брови.

— Похоже, у тебя был интересный день.

— У меня был превосходный день, — ответила Джесс, когда они вошли в гостиную. — Я провела его в компании Сбу. Мы закончили монтаж последнего ролика.

Люк нахмурился.

— Какого еще ролика? Мне казалось, из последней съемки ничего путного не вышло.

— Верно, но я кое-что придумала. — Джесс вытащила диск из газеты и помахала им. — Хочешь посмотреть?

Люк пожал плечами:

— Конечно. А что в конверте?

Джесс посмотрела на Оуэна с Келли и решила, что не стоит обсуждать это при свидетелях.

— Скажу тебе позже. — Джесс подошла к DVD-плееру и поставила диск. Включи плазменный экран, она отошла назад, к Люку. — Думаю, тебе понравится.

Он пришел в восторг.

Он возненавидел это.

Он выглядел счастливым, подумал Люк, засовывая руки в карманы, и тогда он на самом деле чувствовал себя таким. Это был один из самых приятных, самых беззаботных дней в его жизни. Люк смеялся и наслаждался теплом клана Шервудов весь уик-энд.

Тем днем, а потом и вечером, он заметил, как Джесс и Клем снимают происходящее на камеру, но подумал, что речь шла о видео для семейного архива. А Джесс превратила домашнюю съемку в нечто особенное. Гениальный ход.

В этом коротком ролике Джесс отразила все его надежды и мечты. Вот сын Джона, Келби, весь чумазый после выкапывания червяков из пустой клумбы, и Клем, расслабленно откинувшись на локтях в лучах заходящего солнца. Сам Люк и братья Джесс, сидящие на лужайке и подтрунивающие друг над другом...

И вот на экране появился последний кадр. Кто-то взял камеру и запечатлел Джесс, несущуюся к Люку по лужайке. Она бросилась ему на шею, прижалась, вспорхнув вверх, и со смехом взглянула ему в глаза. Джесс излучала любовь и восхищение. Все, что она чувствовала к нему, было написано на ее лице. Она любила его.

Джесс не нужно было ничего говорить — все и так отражалось на экране. Люк схватился за горло, почувствовав, как его сжало спазмом. Он не хотел этого, он не просил об этом. Он не знал, что делать с открывшейся ему истиной, с любовью Джесс.

— Ну, что ты об этом думаешь?

Люк не сразу осознал, что Джесс обращается к нему, и не смог найти слов. Он просто не знал, что сказать.

— Люк, тебе понравилось? — снова спросила Джесс, неуверенно засмеявшись. — Мне нужен ответ, в противном случае мы начнем все с чистого листа.

— Это просто замечательно, — с дрожью в голосе произнесла Келли.

— Превосходно, Джесс, — согласился Оуэн.

Люк облизнул губы и перевел взгляд с Джесс на экран и обратно.

— Я подумаю об этом. Мне нужно уйти.

Люк поспешно вышел из гостиной и тяжело зашагал по лестнице вверх. В своей комнате он стянул с себя влажный свитер — у него не было времени переодеться между заботами о сухой одежде для Келли и возвращением Джесс, сбросил мокрые ботинки с джинсами и надел тренировочные штаны и толстовку.

Согревшись, Люк сел на кровать и опустил глаза в пол. Ему нужно было решить, как вести себя с Джесс. Рекламная кампания была разработана, и Джесс предстояло вернуться в Сэндтон, оставив его одного в Сен-Сильве.

Люк понимал, что не вынесет этого. Он хотел, чтобы Джесс жила с ним, хотел видеть ее лицо, просыпаясь утром и засыпая ночью. Но он не мог просить ее отказаться от своей жизни, своего бизнеса, своего дома, ведь сам был не готов развивать их отношения.

Он панически боялся брака. Всякий раз, когда он думал об этом, вокруг его шеи будто затягивалась удавка. А Джесс не могла бросать свою жизнь ради чего-то меньшего, чем твердые, незыблемые обязательства.

Шесть недель назад у него была мирная жизнь: легкие отношения с симпатичной женщиной, хорошие друзья, напряженная работа. Он смирился со своим детством, свыкся с неудавшимся браком, оставил в прошлом отношения с отцом.

И тут в его жизнь вернулась Джесс, перевернув все вверх тормашками.

Люк потерял свою семью, а его хлестнули по лицу счастьем ее семьи. А теперь он собирался продемонстрировать мечту всей своей жизни по национальному телевидению. И Джесс полюбила его. Он не просил об этом, так почему же должен был со всем этим разбираться?..

— Люк?

Подняв взгляд, он увидел стоящую в дверном проеме Джесс. Боже, ну что еще? Неужели он не может побыть наедине с самим собой пять проклятых минут?

— Можно войти?

Его раздражало, что она считает нужным спрашивать разрешения. За последнюю неделю эта комната стала больше ее, чем его. Он кивнул, Джесс подошла к нему, все еще держа тот конверт, и села рядом.

— Мне очень жаль, что тебе не понравилась реклама.

Присущая Люку честность заставила его ответить правдиво:

— Мне понравилась реклама. Я просто был... удивлен.

Джесс запустила дрожащую руку в волосы и постучала по лежавшему на коленях конверту.

— Я принесла тебе подарок. Надеюсь, он придется тебе по душе.

Люк взял конверт и вытащил оттуда пачку бумаг. Разложив их на кровати, он просмотрел документы и понял, что они имеют отношение к его матери и его детству. Его

прошлому... В котором покопалась Джесс. Копившийся внутри гнев стал закипать: у Джесс не было ни малейшего права вмешиваться.

«Ты раздражен, расстроен и, возможно, нарываешься на ссору, — раздался тихий голос в его сознании. — Ищешь повод выкинуть Джесс из головы. Она вывела тебя из состояния равновесия...»

— Твоя мать не бросала тебя. Она вернулась за тобой...

Он вскочил и гневно взглянул на Джесс. И никаких «возможно» — он на самом деле хотел ссоры. Он тоже умел выводить из себя.

— А у тебя есть скверная привычка считать, что ты все знаешь, Джесс.

Кровь отхлынула от ее лица.

— Ты не понимаешь! Люк, это не то, что ты думаешь. Это — хорошие новости!

— Мне все равно! Что я сказал, когда ты предложила мне связаться с тетей?

— Что ты этого не хочешь, — одними губами произнесла Джесс.

— И какую часть этой фразы ты не поняла? Да как ты посмела наводить справки о моем прошлом без моего ведома? Если бы я хотел что-то узнать, вполне мог выяснить все и сам!

— Прости. Я думала, что делаю что-то полезное! Мне казалось, тебе нужно это знать, и я просто помогла.

— Знаешь, во время нашей первой встречи я счел тебя бесцеремонной заносчивой стервой. В сущности, так и есть.

На ее лице мелькнули потрясение и обида, и Люк понял, что попал прямо в цель. Но Джесс быстро пришла в себя.

— Ты не считал так всякий раз, когда затаскивал меня в постель.

— Твое тело оказалось поблизости. Я — мужчина. И просто взял то, что было доступно.

— Какие ужасные вещи ты говоришь!

А ему было наплевать. Где-то в глубине души, за слоем злости и страха, Люк осознавал, что каждое его слово будто кислотой разъедает душу Джесс. Он не хотел причинять ей боль, но содержимое конверта пугало его до мозга костей. Люк жаждал выплеснуть свой гнев куда-нибудь еще... на кого-нибудь еще.

Джесс обхватила руками свою талию и задрожала. Она чувствовала себя потерянной, уничтоженной... Кто был этот мужчина, который из кожи вон лез, чтобы оскорбить ее? Явно не Люк, которого она так любила. Кто-то холодный, жестокий, отвратительный...

— Почему ты так себя ведешь?

— Как я себя веду? Пытаюсь быть честным?

Джесс бросилась вперед и хлестнула его рукой по груди.

— Не смей! Не смей называть это честностью! Ты трусливая мокрая курица! Ты панически боишься сблизиться, признать, что я значу для тебя больше, чем мимолетное увлечение!

— Спустись на землю. Речь идет о тебе, которая принимает решения за меня, лезет в мою постель и мою жизнь...

«Лезет в мою постель и мою жизнь?» — эти слова заревели в ушах Джесс, обрушившись на нее с силой товарного поезда.

— А кто же из нас, интересно, говорил, что это — плохая идея, что нам не стоит спать вместе? Я!

— Хорошо, мы стали спать вместе, и я знал, что пожалею об этом!

Глаза Люка стали твердыми, как гранит. Он отступал от Джесс все дальше и дальше.

— Люк, пожалуйста, не делай этого... — гнев Джесс померк, и она протянула к Люку руку, но он отшатнулся от ее прикосновения. Ушел, ускользнул. Она потеряла его... — Зачем ты намеренно искажаешь смысл моих поступков? — в отчаянии бросила Джесс. — Когда-то я пыталась предостеречь тебя насчет Сен-Сильва, и ты чуть не порвал меня в клочья. Я думала, тебе нужно знать, что твоя мама любила тебя, обожала тебя, но теперь я оказалась назойливой и бесцеремонной стервой. — Джесс расправила плечи и взглянула Люку в глаза. — А самое «приятное», так сказать, «бонус»? Ты спал со мной, потому что я оказалась под рукой? Прекрасно, Люк. — Джесс устало провела ладонями по лицу. — Я думала, ты тот самый, Люк.

— Тот самый?

— Человек, с которым я хотела провести остаток жизни. Это лишь доказывает, какой бесконечно глупой я иногда бываю. — Голос Джесс сорвался. — Но знаешь что? Я заслуживаю большего и определенно лучшего. Можно было найти и более гуманный способ отделаться от меня.

Вытащив из заднего кармана ключи от машины, Джесс повертела их в руках.

— Попроси, пожалуйста, Энджел собрать мои вещи. Я заплачу ей за это. Я пришлю кого-нибудь из курьерской службы, чтобы забрать их. Не могу больше ни секунды здесь оставаться. Считаю меня историей, Люк.

Уже в дверях Джесс показалось, что она слышала, как Люк произнес ее имя — тихо, с болью в голосе. Но, обернувшись, она увидела, что он по-прежнему сидит на краю кровати, потупив взор.

На часах было два сорок ночи, а Люк все не спал. Вместо этого он лежал на кожаном диване перед плоским экраном, просматривая последний ролик для Сен-Сильва... Люк уже забыл, сколько раз смотрел эту рекламу. Он наблюдал, как Джесс бросается в его объятия, и каждый раз его сердце сжималось.

За окном, как и всю прошлую неделю, барабанил дождь. Люк провел весь день, обкладывая мешками с песком берег ручья. Еще немного дождя — и ручей мог выйти из берегов, затопив близлежащие виноградники. Люк вспомнил, как дедушка рассказывал о подобной ситуации, случившейся в 1958 году.

У Люка неплохо получалось учиться на чужих ошибках. А с собственными ошибками дело обстояло куда труднее.

Ночью, так и не сумев заснуть, он снова открыл конверт и прочитал документы. Согласно кратким пометкам, сделанным Джесс, его тетя умерла вскоре после смерти его отца, но ее дочь, которая теперь жила в коттедже, знала о Кейтлин.

Суть прочитанного сводилась к следующему: мама его не бросала. По словам кузины, Кейтлин оставила его в Сен-Сильве на пару дней, чтобы уладить дела с переездом и снять дом недалеко от сестры. Мать уже перевезла большую часть игрушек и одежды Люка, и его отец прекрасно об этом знал.

Оказывается, Люк был случайным, незапланированным ребенком — серьезной, но все-таки очень желанной ошибкой матери, из-за которой ей и пришлось выйти замуж за его отца. Их отношения всегда были бурными. Интрижки отца, его неспособность делить время, деньги и Сен-Сильв и подтолкнули мать к решению расстаться.

Кейтлин как раз ехала забирать Люка, когда попала в ту аварию. После этого отец категорически запретил ее сестре общаться с племянником. Каждый год тетя присылала

письма и подарки к его дню рождения. К тому моменту, как Люк окончил школу, здоровье тети пошатнулось, и она решила положиться на судьбу: если Люк захочет ее разыскать, так тому и быть.

Он, должно быть, и захотел бы разыскать ее... если бы знал о ней. Естественно, он никогда не видел ее писем и подарков. Это было так типично для отца... Джек не нуждался в Кейтлин, но ее решение об отъезде из Сен-Сильва должно было исходить от него, а не от нее. И у отца осталось живое напоминание о том, что она уехала без разрешения: Люк, собственной персоной.

Теперь-то он осознал истинный смысл поступка Джесс. Она знала, что глубоко в его сердце таится нагноившаяся рана. И вскрыла эту рану, разыскав его кузину, начав процесс исцеления. Джесс знала: Люк вряд ли решится на это сам, без толчка с ее стороны.

Эти бумаги дарили ему свободу от переживаний, осознание того, что он был желанным — любимым. Если бы он уехал с матерью, лишился бы всех материальных благ... но был бы по-настоящему счастливым. И не испытывал бы теперь панического страха перед отношениями.

«Спасибо, папочка».

Читая бумаги, Люк в полной мере осознал, что до беспамьятства полюбил Джесс. И понял, что действительно был «трусливой мокрой курицей»: боялся любить Джесс, потому что мог ее потерять, приходил в ужас при мысли о том, как это будет больно. И знаете что? Он и правда ее потерял. Она ушла.

Ему так не хватало Джесс... Она была его второй половинкой, Люк мог представить ее носящей под сердцем его ребенка. Она была бы превосходной матерью — цементом, скрепляющим семью. С Джесс он чувствовал бы себя безмятежно, уверенно. С ним никогда не случилось бы ничего плохого, если бы утром, просыпаясь, он первым делом видел ее улыбку.

Он наконец-то понял, что такое любовь... это Джесс.

Просто Джесс.

Они были созданы друг для друга, им суждено было быть вместе. Оставалось лишь найти способ это устроить.

Если подумать логично, их ждала катастрофа. Жизнь Джесс протекала в Сэндтоне, жизнь Люка — в Сен-Сильве. И Люк вдруг понял: если бы потребовалось, он бросил бы поместье. Это стоило бы ему душевных мук, но, если бы пришлось выбирать между Сен-Сильвом и Джесс, он выбрал бы Джесс. Сен-Сильв был его наследством — Джесс была его душой.

Люк перекатился по дивану и выключил телевизор. Как только за окном прояснится, он поедет в аэропорт, сядет на первый же самолет и отправится к Джесс.

Он отправился бы к Джесс, где бы она ни оказалась, потому что именно там ему и следовало быть.

* * *

Джесс расхаживала по кухне родителей с бокалом вина, уносясь мыслями далеко-далеко... Отец сидел за столом и делал наброски, мать готовила яблочный пирог с крошкой. Клем стояла у плиты, Ник занимался чем-то по дому. Они приехали на несколько дней, у

Клем опять нашлись какие-то «дела в городе». Джесс забавляло то, что эти дела всегда совпадали с чем-то, что требовалось сделать в доме родителей. Это был умный способ Клем восстановить отношения Ника с родителями после всех тех лет, что они почти не общались.

Клем приобняла Джесс за плечи.

— О, я понимаю, что ты сейчас испытываешь... Месяц, который я провела без Ника, был самым тяжелым в моей жизни.

Джесс положила голову ей на плечо.

— Прошла неделя, а сердце все еще ноет... Я и подумать не могла, что будет так больно.

— Твои братья вынашивают планы всыпать ему по первое число, — сообщила Клем. — Я слышала что-то о сломанных ногах и разбитой голове.

Джесс пришла в ужас.

— И что им не живется! Почему они лезут не в свое дело?

— Потому что ты — их дело, Джессика, — встрял отец, не отрывая глаз от наброска. — Но лично я верю в этого молодого человека. Ему просто нужно осознать, что он любит и любим.

— Ты не знаешь Люка, папа. Он — упрямый...

— Но я знаю молодых людей. Я вырастил четверых, а когда-то и сам был молод. В свое время каждому из твоих братьев потребовалось время, чтобы избавиться от их... гм... привязанности к холостяцкому образу жизни. И со мной было то же самое.

— Дэвид визжал, как девчонка, когда я сказала ему, что не потерплю его встреч с другими девушками, — заметила Лайза.

Клем засмеялась, а Джесс лишь выдавила из себя жалкую улыбку и плюхнулась на стул. Она жалела, что не может рассказать родным все. Поведать, что нежелание Люка заводить серьезные отношения объясняется не нормальным мужским страхом перед обязательствами, а уходит корнями в его детство.

— Ты была права, Клем. Черт, он был прав... Мне не стоило вмешиваться.

— Он поймет, что ты сделала это из любви к нему, и простит тебя.

— Сомневаюсь.

Дэвид поднял глаза от наброска портрета Клем.

— Его кузина что-нибудь сказала о картинах Кейтлин?

— Похоже, они пылятся на чердаке ее коттеджа. Она и не понимала, что Кейтлин была такой значительной художницей.

— Кузина собирается продать их? — спросила Лайза.

— Нет, она сказала, что картины принадлежат Люку, и она будет хранить их на прежнем месте, пока Люк не решит, что с ними делать. Если он, конечно, вообще что-то решит, — мрачно пробормотала Джесс. — Список картин был в конверте вместе с остальными документами.

— Мне бы хотелось взглянуть на эти работы, — с благоговением произнес Дэвид.

— Мне тоже. Но у нас нет ни малейшего шанса, папа.

— Не теряй надежды, милая. — Дэвид потрепал ее по руке. — А если с Люком ничего не выйдет, вспомни, что у твоей матери есть на примете как минимум три молодых человека, которые горят желанием с тобой встретиться.

Джесс не могла заставить себя улыбнуться его шутке. Она сомневалась, что когда-либо снова сможет с кем-то встречаться.

Лайза подошла к дочери и погладила ее по голове.

— Забудь о своих братьях. Я сама выбью из него всю дурь.

— Мне так больно, мама...

Джесс прижалась щекой к животу матери, и та обняла ее.

— Я знаю, моя девочка. Я все понимаю.

Тем же днем, чуть позже, не зная, что разминулся с Джесс всего на каких-то пару минут, Люк стоял у двери ее родителей и смотрел в холодные серые глаза Ника. Он думал о том, что вот-вот пропустит прямой удар в челюсть. Брат Джесс неодобрительно взирал на него, грозно скрестив руки и расставив ноги. Люк наверняка мог одолеть его, но, если бы Нику вздумалось задать ему хорошую трепку, не стал бы отвечать тем же. Он это заслужил.

— У тебя есть пять секунд, чтобы изложить свои доводы, а потом я оторву тебе голову, — прорычал Ник, и его глаза заметали молнии.

Люк сразу перешел к делу:

— Я люблю ее и хочу на ней жениться.

Лицо Ника прояснилось, его губы растянулись в улыбке.

— Круто. Входи. Правда, Джесс нет.

Но Люк застыл на пороге.

— И ты не собираешься меня бить?

Ник развеселился:

— А ты хочешь, чтобы я это сделал?

— Нет, я лучше войду. Но... почему нет?

— Тебе потребовалась почти неделя, чтобы осознать, какой ты идиот. У меня ушел на это целый месяц. Главное, что ты — здесь и собираешься все исправить. Ты ведь собираешься все исправить?

— Конечно, — с жаром заверил Люк.

— Тогда почему ты тут, а не у нее дома, униженно моля о прощении?

— Я пока не готов видеть Джесс. Ладно, готов, но первым делом мне нужно кое-что сделать, и мне требуется помощь.

Ник похлопал его по плечу:

— Я к твоим услугам. Сгораю от нетерпения понаблюдать за тем, как моя сестра устроит тебе «райскую» жизнь, чувак.

«Пока она рядом со мной, мне плевать на все», — подумал Люк.

— Я хочу попросить тебя и кого-нибудь из твоих братьев помочь мне кое-что перевезти...

Джесс сидела дома и мечтала перестать жить в ожидании звонка Люка. Расставание с ним оставило огромную дыру в ее жизни, рядом зияла дыра поменьше — от потери Сен-Сильва. Джесс неустанно твердила себе, что жизнь имеет забавное свойство устраиваться, что миллионы людей переживали нечто подобное, и это был не конец света... хотя именно так и казалось.

Услышав скрежет ключа в замке, она насторожилась и, обернувшись, увидела, как открывается входная дверь.

— Черт возьми, Патрик! Подними повыше!

До нее донеслась парочка приглушенных бранных слов, сказанных... Ником? В дверном проеме появились три пары ног: в кроссовках, мокалинах и — о боже! — потертых рабочих

ботинках. Обладатели ног скрывались за массивной рамой, обернутой в бумагу.

Схватившись рукой за сердце, Джесс вскочила, и в этот момент рама покачнулась.

— Черт возьми! — раздался голос Люка. — Осторожнее. Ладно, давайте опустим у дивана. Медленно... Это явно была не лучшая моя идея.

Потеряв дар речи, Джесс во все глаза смотрела на них. Ник зыркнул на Люка поверх картины.

— А я ведь говорил, Шерлок.

Патрик выпрямился и театрально положил руку себе на спину.

— Ну и дела, мне казалось, я тоже упоминал об этом! Но нет, ты вознамерился сделать шикарный жест!

— Вы ноете, как старухи! — усмехнулся Люк. — Для двух фанатов спорта вы стонете слишком громко — вас, наверное, по всей Африке слышно!

Ник с раздражением взглянул на него.

— Да пошел ты...

Люк был здесь — наконец-то. Он стоял спиной к ней, и Джесс жадно пожирала его глазами. Его волосы казались нелепо-длинными, они волнами спускались к воротнику и падали на глаза. Длинные рукава футболки были закатаны до локтей, на бедрах сидели самые старые, самые потертые его джинсы. Трехдневная щетина дополняла брутальный образ красавца-серфера.

У Джесс чуть слюнки не потекли, но потом сердце ожесточилось. И как братья посмели воспользоваться ключом, который она дала им на всякий случай, чтобы ввалиться к ней в дом, даже не удосужившись поздороваться?

Она была сыта по горло высокомерными, наглыми, эгоцентричными мужчинами!

— У вас есть тридцать секунд, чтобы убраться из моего дома прежде, чем я окончательно рассвирепею, — холодно отчеканила Джесс и махнула на их ношу в оберточной бумаге. — И заберите это с собой. Мне не о чем с тобой говорить, Сэвидж.

— Зато мне есть что тебе сказать, — мягко произнес Люк, и его глаза, встретившись с ее глазами, потеплели. А потом, приняв прежний невозмутимый вид, он бросил ее братьям: — Что ж, вам пора уходить.

Они переглянулись, и Патрик покачал головой:

— И не мечтай... Я хочу знать, зачем ты зафрахтовал самолет, чтобы доставить эту картину, и зачем нам пришлось нянчиться с ней, как с малым ребенком, в грузовике всю дорогу сюда. Ты куда-нибудь торопишься, Ник?

Тот скрестил руки на груди.

— Черт, нет! Клем убьет меня, если я упущу хоть одну романтическую деталь. Не тяни, Люк, хватит канительиться!

— Вы что, правда думаете, что я буду разговаривать в вашем присутствии? — насмешливо бросил Люк.

— Никто ни с кем не собирается разговаривать! — Джесс в ярости бросилась к двери, жестом приказав им выметаться. — А ну-ка, прочь, сейчас же!

Люк взглянул на ее братьев.

— Да бросьте, ребята, хватит уже! Мне нужно поговорить с Джесс, а вы только мешаете. Уходите! Пожалуйста!

Ник сложил ладони в молитвенном жесте и отвесил низкий поклон. Патрик последовал его примеру.

— Да пребудет с тобой сила, — провозгласил Ник.

Братья попятились к выходу и захлопнули за собой дверь.

Люк пробормотал о них что-то нелестное и взглянул на Джесс:

— Привет.

Джесс сунула дрожащие руки в карманы:

— Что ты здесь делаешь, Люк? Я думала, ты сказал все самое важное неделю назад.

— Не совсем. — Он оглядел ее маленький дом. — Славное местечко.

Она посмотрела на картину и жестом пригласила Люка на кухню. Джесс сгорала от любопытства, но из гордости не могла спросить об упакованном в бумагу полотне.

— Хочешь что-нибудь выпить? — подчеркнуто вежливо произнесла она.

Люк кивнул и направился следом за ней в залитую солнцем кухню. Джесс вручила ему бутылку пива, и они привычно расположились друг напротив друга, прислонившись к противоположным сторонам столешницы. Пару минут они молча смотрели друг на друга.

Гнетущую тишину нарушил Люк:

— Хорошо выглядишь.

Джесс вскинула брови. Или он грубо льстил, или ее внешность не совсем еще зачахла от переживаний.

— А ты выглядишь уставшим.

Люк нервно скovyрнул этикетку с бутылки.

— Послушай тех двух нытиков несколько часов, и еще не то с тобой будет. — Скатав крошечный шарик бумаги между пальцами, он щелчком отправил его в ведро.

— Оказывается, ты в таких хороших отношениях с моими братьями, — раздраженно бросила Джесс. А где же благородный братский гнев? Хороша родня — настоящие предатели!

— Ну, до приезда сюда мне пришлось основательно попресмыкаться перед ними.

— За этим ты и приехал? Попресмыкаться?

— Если потребуется, то да. — Люк поставил непечатую бутылку на столешницу и потер ладонью подбородок. — Мне многое нужно тебе сказать, и, надеюсь, ты выслушаешь меня до конца.

— Ты — на моей кухне, я не могу выставить тебя или заткнуть тебе рот, так что у меня просто нет выбора, не так ли? — огрызнулась Джесс.

Ах, как же это было несправедливо — он выглядел так привлекательно, а она не могла коснуться его! Он был совсем близко и в то же время недосыгаем...

— Спасибо за то, что выяснила, что произошло с моей матерью.

— Даже притом, что я вмешалась и сделала это без твоего ведома? — скептически спросила Джесс.

Люк сунул руки в задние карманы и задумчиво покачался на пятках.

— Я боялся сделать это — боялся того, что могу узнать. С годами я свыкся со смертью матери. Когда ты вручила мне тот конверт, я почувствовал себя так, будто ты толкаешь меня куда-то против моей воли.

Джесс поморщилась, уловив нотки нежелания в его тоне.

— Ты по-прежнему не рад, что я сделала это.

— Я так долго жил сам по себе, что мне трудно принимать помощь — чувствовать себя комфортно с кем-то...

— Назойливым? Беспардонным? Сующим нос не в свои дела?

— Беспokoящимся обо мне, — твердо произнес Люк. — Потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть к этому.

Сердце перевернулось в груди Джесс, но она отмела робкий проблеск надежды.

— Это означает, что у нас будет «завтра»?

— Надеюсь, этих «завтра» у нас наберется на целую жизнь.

Джесс облизнула губы.

— Ты назвал меня фанатичкой контроля и бесцеремонной стервой. Обозвал назойливой и...

— Знаю, знаю... прости. Но в тот день меня стольким огорошили, что я буквально слетел с катушек. Ты просто попала под горячую руку.

— С какой это стати?

— Когда ты — допускаю, совсем ненадолго — подумала, что я переспал с Келли, мне стало больно. Я хотел, чтобы ты слепо доверяла мне, но ты колебалась. Затем я увидел ролик, увидел все свои мечты, отразившиеся на экране, и совсем растерялся. А потом осознал, что ты любишь меня...

— Больше не люблю, — заявила Джесс, предательски покраснев.

— Лгунья! Я понял, что ты любишь меня, но не знал, что с этим делать. Как я мог просить тебя бросить все ради меня? Меня, у которого нет ни малейшего представления о семейной жизни? Тут-то ты и вывалила на меня информацию о моем прошлом, и это было уже чересчур... Мне не хватает тебя, Джесс. Ты нужна мне.

— Ты сделал мне больно, — еле слышно произнесла она. — Ты вырвал у меня сердце и потоптался на нем. А теперь ты вернулся, чтобы попросить меня снова рискнуть?

— Я хочу быть с тобой, Джесс. Хочу, чтобы ты стала моей семьей. — Люк шумно выдохнул. — Когда мой гнев поутих и я еще раз просмотрел бумаги, мне потребовалось некоторое время, чтобы все хорошенько обдумать.

— И?

— И я рад осознавать, что моя мама любила меня. Теперь детские переживания остались в прошлом, и я хочу быть с тобой — связать себя обязательствами по отношению к тебе. Это не дается мне легко и просто, ведь я поступаю всем, что имею. — Люк шагнул вперед и положил руки на бедра Джесс, не давая ей двинуться с места. — Я так люблю тебя...

Джесс впилась зубами в свою нижнюю губу и подняла на него удивленные, испуганные глаза.

— Так что именно ты предлагаешь, Люк?

— Я понимаю, ты не можешь бросить свой бизнес, но, наверное, мы могли бы найти компромисс? Например, ты проводишь со мной неделю в Сен-Сильве, а потом я провожу неделю здесь, с тобой.

Джесс промолчала, и Люк поспешил добавить:

— Если тебя это не устраивает, я уеду из Сен-Сильва, оставлю Оуэна управлять поместьем. Найму винодела... снова посвящу все свое время венчурным проектам.

— И возненавидишь это, — заметила Джесс.

— Но я буду с тобой, а это для меня — самое главное. — Люк вопросительно вскинул бровь, заметив тень сомнения на ее лице. — В чем проблема, Джесс?

Она отступила и принялась расхаживать по кухне, ломая руки.

— Послушай, Люк, сейчас ты говоришь, что любишь меня, но что, если ты снова

передумаешь? Не знаю, могу ли я так рисковать. Не знаю, сможет ли... — Джесс запнулась, но заставила себя продолжить: — Мое сердце вынести это.

Люк решительно взял Джесс за руку, потянул за собой в гостиную и подвел к упакованной в бумагу картине. Потом еле заметно улыбнулся:

— Я так и знал, что потребуются шикарный жест. Это — самое ценное, что у меня есть. Единственная материальная вещь, которую я бросился бы спасать из огня. И ты полюбила ее несколько недель назад.

Люк разорвал бумагу, и взору Джесс предстала картина, украшавшая стену над его кроватью в Сен-Сильве. В глаза бросились горы, окутанные искрящимся туманом. Помнится, Джесс так хотелось пробраться в глубь рамы и заняться с Люком любовью меж виноградных лоз...

Сияясь унять колотящееся сердце, она вымученно пожала плечами:

— Я не понимаю.

Люк погладил раму:

— Не считая тебя, это — мое самое большое сокровище. Я просто хочу поделиться им с тобой.

— Но почему? Ты отдаешь ее мне? Ты не можешь так поступить! Это — одна из двух картин, доставшихся тебе от матери.

Люк слабо улыбнулся.

— Могу, потому что то, что привлекает меня в этой картине, привлекает меня и в тебе. Твоя сила, твое великодушие, твоя необычайная храбрость и твое проклятое упрямство. А еще я поступаю так потому, что люблю тебя. Ты должна знать, как сильно я тебя люблю.

Колени Джесс подогнулись. Она опустилась на край дивана и подняла на Люка ошеломленные глаза. Почувствовав, как его рука обвилась вокруг ее плеч, Джесс зарылась лицом ему в шею, будто боясь, что он исчезнет так же внезапно, как появился.

Люк провел рукой по ее волосам.

— Милая, ты плачешь? Потому что, если это так, Ник сделает из меня отбивную. Не то чтобы я не заслужил этого, но по возможности предпочел бы избежать такой участи.

Джесс подняла голову, и ее глаза ярко, счастливо засияли. Она рассмеялась:

— Ты это серьезно?

— Какую часть ты имеешь в виду? О том, что я люблю тебя, или о том, что Ник сделает из меня отбивную? — поддразнил Люк.

Джесс шутливо шлепнула его по груди, а он коснулся губами ее волос.

— Я люблю тебя, Джесс, всем своим существом. Думаю, я влюбился в тебя еще восемь лет назад и все это время не переставал тебя любить. Прости, что причинил тебе боль. Позволь мне стать частью твоей жизни — в Сэндтоне, если ты хочешь остаться здесь, или в Сен-Сильве.

Джесс посмотрела на картину, перевела взгляд на Люка и, из последних сил сдерживая смех, поджала губы.

— Мое решение будет основываться на паре гарантий с твоей стороны.

— Я отдам столько вина, сколько ты сможешь выпить, я компенсирую все стринги, которые порвал, в двойном объеме, а мой дом, мои земли и мое сердце отныне в твоих руках.

— Заткнись, — приказала Джесс, и ее рот нервно дернулся. — Я хочу ребенка. Или двух. Возможно, трех.

— Идет, — тут же кивнул Люк, и радость озарила его лицо. — Что еще?

— Я хочу вернуться домой — обратно, в Сен-Сильв. Я хочу, чтобы эта картина вернулась в нашу спальню. И я хочу, чтобы ты женился на мне. Если ты не считаешь, что это может произойти через некоторое время, в будущем, тебе стоит уйти прямо сейчас.

Взяв Джесс за подбородок, Люк взглянул ей в глаза.

— Я был создан для того, чтобы любить тебя, заботиться о тебе, защищать тебя, сделать с тобой красивых-красивых детишек. Ты выйдешь за меня?

Рот Джесс изумленно открылся.

— Ты делаешь мне предложение? Прямо сейчас?

— Именно это и означает вопрос «Ты выйдешь за меня?». Не стесняйся сказать «да» в любое время.

Джесс коснулась подбородка Люка кончиками пальцев.

— Я выйду за тебя, потому что мое солнце встает вместе с тобой, потому что я хочу носить под сердцем твоих красивых-красивых детишек, потому что я хочу каждый день повторять тебе, что никто и никогда не будет любить тебя так сильно, как я.

Люк прижался лбом к ее лбу.

— О, Джесс, я от тебя без ума! У меня пока нет для тебя кольца. Я сосредоточился на том, чтобы вернуть тебя, и не смел надеяться на то, что ты согласишься стать моей женой. Давай сделаем его на заказ?

Джесс задержала на нем полный обожания взгляд.

— Мне достаточно осознания того, что я проведу с тобой остаток жизни.

Люк взял ее лицо в свои ладони.

— Я так сильно люблю тебя!

Он прильнул к ее губам в нежном, благоговейном поцелуе, и Джесс упала в его объятия, чувствуя, как счастье сочится из каждой ее клеточки. Она уже расстегивала пуговицы на рубашке Люка, когда вдруг зазвонил его мобильный.

Ругнувшись, Люк выдернул телефон из кармана и повернул экран к Джесс.

— Ник, твой любопытный братец.

Джесс коснулась губами его груди.

— Не обращай на него внимания.

Люк бросил телефон на диван, но, стоило тому коснуться подушки, как снова раздался звонок. Спустя пару секунд на кухне защебетал мобильный Джесс.

Она откинула голову и с досадой прошипела:

— Они так и будут доставать, пока не узнают, что происходит.

Джесс потянулась к телефону Люка и ответила на звонок.

— Неужели я не могу побыть изумительно счастливой хотя бы пять минут без вашего, ребята, активного участия? — Она улыбнулась, когда Ник что-то ответил, попрощалась и ошеломленно взглянула на Люка.

— Ник просил передать, чтобы ты не забыл о бентамках. Гм... а зачем тебе покупать каких-то кур?

В ответ Люк лишь рассмеялся и поцеловал ее.

Спустя шесть недель родные Джесс всем скопом завалились на выставку картин Кейтлин Керби. Они попали в окружение восхитительной коллекции, заставившей мир искусства восторженно гудеть, — но какой же оказалась первая вещь, которую сказала мать при виде Джесс?

— Он все еще не надел на твой палец кольцо!

Джесс закатила глаза и выдернула у матери левую руку.

— Мама! Мы с Люком поженимся через шесть месяцев. И никакое кольцо не сможет этого изменить.

— У каждой девушки должно быть кольцо! — заявила Лайза.

— И я его получу... как только Люк найдет именно то, что ищет, — ответила Джесс и обернулась, приветствуя остальную часть семьи. — Вы припозднились. Люк вот-вот начнет произносить речь.

Джесс схватила отца за пиджак, не давая уйти.

— Папа, сможешь посмотреть картины позже... иди сюда.

Клем подошла к Джесс и приобняла ее за талию.

— Рада видеть тебя такой счастливой, Джесс. Ты действительно счастлива?

— Абсолютно.

— А как ты справляешься со своим бизнесом? — спросила Клем, забирая бокал шампанского с подноса вертевшегося поблизости официанта.

— Элли взяла бразды правления в свои руки и уже их не выпускает. Я почти не имею отношения к работе офиса в Сэндтоне.

— А офис в Кейптауне? — спросил стоящий за Клем Ник.

Джесс приуныла.

— Я еще не создала его и не знаю, соберусь ли. Я немного консультирую то тут, то там, работаю с клиентами в городе.

Клем понизила голос.

— А Сен-Сильв? Там дела постабильнее?

— Наметился рост продаж, и это обнадеживает. Кроме того, я занимаюсь реконструкцией особняка, чтобы превратить его в место, подходящее для проведения небольших свадеб, семейных уик-эндов, так что я в делах по горло. Мы проектируем дом, который хотим построить с другой стороны фермы, и...

— И Люк не дает тебе скучать? — с иронией подсказал Ник.

Джесс взбила волосы и усмехнулась.

— Вне всякого сомнения, не дает — и самыми восхитительными из всех возможных способов.

Ник нахмурился.

— Бе-е-е-е...

Джесс засмеялась и встала в центре полукруга, образованного членами ее семьи. Она посмотрела на взошедшего на трибуну Люка, такого высокого, сильного и невероятно красивого в своем черном смокинге. Джесс почувствовала жар, разлившийся в самом низу живота, когда Люк встретился с ней взглядом, и в его глазах отразились теплота и любовь. Они были невероятно влюблены и удивительно счастливы. У Джесс, с кольцом или без,

были все основания считать себя очень везучей женщиной.

Люк обвел взглядом зал и улыбнулся.

— Добро пожаловать на выставку Кейтлин Керби — моей матери. Как большинству из вас известно, она умерла, когда я был совсем маленьким, но недавно обнаружилась внушительная коллекция ее работ, и мне хотелось бы поделиться ее талантом с миром. Некоторые из картин находятся здесь не для продажи — мы с моей невестой, Джесс, решили оставить их себе, но остальные ее работы, включая эскизы ювелирных украшений и скульптуры, будут проданы. Это позволит собрать деньги для учрежденного нами фонда ее имени, который будет финансировать обучение одаренных молодых художников.

Спустя несколько минут Люк, сияя фирменной обворожительной улыбкой, подошел к Джесс. Поприветствовав ее семью, он впился в рот Джесс поцелуем и устремил на нее искрящиеся зеленые глаза:

— У меня для тебя подарок.

Джесс исполнила небольшой танец на высоких острых каблучках.

— Правда? А мне он понравится?

— Надеюсь, да. У него есть дополнительное преимущество: он заставит твою маму перестать пилить тебя и меня. — Люк бросил на Лайзу дразнящий взгляд и улыбнулся, когда та в ответ наморщила нос. Снова посмотрев на Джесс, он вытащил из кармана коробочку и щелчком открыл ее...

Джесс увидела нежное, романтичное, очень необычное кольцо. Оно было уникальным — завитки золота и платины с ярким сапфиром, мерцавшим перед ней.

Люк надел кольцо на палец Джесс, и его голос задрожал.

— Дизайн этого кольца создала моя мама, и, увидев этот эскиз, я сразу подумал о тебе, подумал о том, что она создала это с мыслью о тебе. Я вытащил эскиз из папки с ее работами, чтобы ты его не увидела, и это был бы сюрприз. Как тебе?

Джесс прикусила губу, пытаясь сдержать слезы.

— Я люблю его. Я люблю тебя.

Люк взял ее лицо в свои ладони:

— А я люблю тебя еще больше.

Трогательный момент нарушил Ник.

— Елки-палки, Сэвидж, если будешь распускать нюни, станешь самым нелюбимым нашим зятем, — протянул он. — Ведь нам всем придется быть по-настоящему романтичными!

Джесс прильнула к Люку, и тот с улыбкой бросил Нику:

— Я буду твоим единственным зятем.

Ник скорчил забавную рожицу, в его глазах запрыгали веселые искорки.

— Ты — и мой зять? Тогда мне срочно нужно еще выпить!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не

преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.